

Российская Академия Естествознания
Издательский дом Академии Естествознания

ОБЩЕСТВО КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЕ

Книга 1

Монография

Под общей редакцией В.П. Старостина

Москва
2014

УДК 316.752 (063)
ББК 60.523.431
О28

Коллектив авторов:

*П.Н. Жондоров, Н.К. Лотова, А.Г. Пудов,
В.П. Старостин, С.И. Эверстов, Г.С. Васильева*

Под общей редакцией В.П. Старостина

Общество. Культура. Образование: монография / П.Н. Жондоров, Н.К. Лотова, А.Г. Пудов и др. / под общ. ред. В.П. Старостина. — Книга 1. — М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2014. — 114 с.

ISBN 978-5-91327-297-3

В монографии представлены статьи преподавателей кафедры философии, истории и социально-экономических наук ФГБОУ ВПО «Якутская госсельхозакадемия» (г. Якутск). Исследования охватывают широкий спектр дисциплин: начиная от научно-теоретических основ образования, этики и эстетики, социальной жизни, заканчивая историко-археологическими изысканиями на территории северной Якутии и проблемами развития туризма в Центральной части республики.

Монография будет полезна как для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов, магистрантов, так и студентов различных специальностей высших учебных заведений.

ISBN 978-5-91327-297-3

© Жондоров П.Н., Лотова Н.К.,
Пудов А.Г., Старостин В.П.,
Эверстов С.И., Васильева Г.С., 2014
© ИД «Академия Естествознания»
© МОО «Академия Естествознания»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для общества всегда были особой ценностью обучение и образование подрастающего поколения. Любой народ во все времена испытывал необходимость в людях, которые были бы носителями разумного, доброго, вечного. Являясь одним из ключевых понятий современной общественной культуры, понятие «образование» выступает как генератор лучших идей, воплощающих в себе общественные идеалы.

В эпоху глобальных изменений образование играет важнейшую роль в жизни современного человека, так как во время обучения он получает не только профессиональные навыки и умения, но и формируется как личность. В XXI веке появляется необходимость переориентации с чисто технологических функций системы образования на такие значимые характеристики профессионала как ценностное сознание, интеллектуальная и моральная культура, внутренняя духовная свобода.

Есть особая взаимосвязь культуры и системы образования в обществе: образование рассматривается как основной компонент культуры и основное средство развития гуманистического начала в будущей личности. В связи с этим должны произойти коренные изменения в общественных взглядах на сущность и содержание образовательного процесса.

Понимая важность этого положения в нашей стране, российское руководство в последнее время предпринимает все возможное для исправления ошибок прошлых лет. Повышение качества изучения истории и гуманитарных дисциплин в средней и высшей школе должны стать стратегической задачей образовательной сферы в Российской Федерации, так как пробелы в данной области могут привести к катастрофическим последствиям.

Проблемы, с которыми встречается сегодня высшая школа, очень различны и неоднозначны. Конечно, долгосрочные инвестиции в образование — самые эффективные и благодарные вложения. Однако финансирование образования до сих пор все еще остается остаточным: 4 % от ВВП — это мизерная сумма, которая не сможет поднять просвещение

в новой России. Даже в такой стране, как Бразилия, не очень преуспевающим государстве, в прошлом году было принято решение о повышении расходов на образование с 5,5 до 10 % от ВВП.

Конечно, не все решают деньги: нехватка высококвалифицированных кадров в учебных учреждениях есть следствие не только неправильной политики перераспределения общественных благ, но и серьезных изъянов сформировавшегося за последнее время общественного сознания. Ни один родитель не хочет направлять своего ребенка «в учителя»: педагог давно перестал быть и образцом для подражания для детей, и примером в стане преуспевающих и эффективных менеджеров. Есть стереотип, что в вузы по подготовке кадров для школы идут или неудачники, или чудаки. В этой ситуации сложно говорить о серьезной профориентационной работе в той сфере и профпригодность для обучающихся не является теперь причиной для увольнения преподавателей.

В развитом цивилизованном обществе большое значение придается частным усилиям, помощи гражданского общества по развитию образования. Известный футуролог Элвин Тоффлер считает, что не только в России, но и в других странах государственный сектор образования слишком забюрократизирован — то есть недостаточно свободы для создания новых систем, для выдвижения новых идей. Лицензирование, государственная и общественная аккредитация, контроль со стороны надзорных и правоохранительных организаций порой доходят до абсурда. Педагогам некогда заниматься не только повышением квалификации, но даже и простым расширением своего образовательного и жизненного кругозора.

Ни экономический фактор, ни представление разнообразной, все более увеличивающейся в размерах документации для оценки эффективности обучения вряд ли можно считать лучшим инструментарием для мониторинга образовательных учреждений. Главное в учебном заведении — это его профессорско-преподавательский состав — люди, которые должны вести в будущее все новые поколения российского общества. Они должны быть, прежде всего, высококультурными людьми.

Сегодня, вероятно, трудно стать универсальной личностью, всесторонне развитой во всех сферах. Да это и невозможно, из-за беспредельного и необъятного объема знаний. Вместе с тем, все-таки невероятно возросли возможности для того, чтобы стать культурным человеком, сохраняя при этом основные профессиональные характеристики — знания, объём и глубина которых должны быть достаточными, для высокой квалификации и мастерства. К этому обязательно надо добавить нравственное и эстетическое воспитание, свободу образа мыслей и создание собственного образа жизни, на основе лучших произведений мировой культуры.

Представленная монография отличается авторитетностью авторского коллектива, которые обладают не только высокими профессиональными показателями, но и высоким педагогическим мастерством и глубиной охвата предмета своего исследования. Следует отметить, что Якутская государственная сельскохозяйственная академия, являясь ведущим аграрным вузом Северо-Востока России и важнейшим по своей значимости для экономики и социальной жизни Республики Саха (Якутия) учреждением является универсальным учебным заведением, готовящим высококвалифицированные кадры для якутского села. Она — признанная кузница кадров не только экономики, но и политики, духовной жизни самого крупного субъекта Российской Федерации. В этом велика заслуга руководства вуза — ректората ЯГСХА.

Под стать статусу вуза и преподавательский коллектив учебного заведения — здесь работают признанные в российских и республиканских научных кругах профессора и доценты не только аграрного направления, но и различных, в том числе, гуманитарных специальностей.

Вся история эволюции образовательной системы проходила в противоречии с практицизмом и прагматизмом. Суть образования всегда несла в себе глубокие идеи гуманизма, осознания человеком своей духовной сущности. Высшее учебное заведение — это социальный институт, способствующий сохранению и распространению высоких идеалов духовных ценностей человечества, распространению самых передовых знаний и информации, и тем самым, повышая культуру всего общества.

Данное научное издание представляет собой комплексный взгляд на систему образования, основы которой лежат на этическом, эстетическом, историческом и культурном опыте своего народа, на непреходящих ценностях общественного сознания.

Монография составлена авторским коллективом в следующем составе:

1. *Пудов Алексей Григорьевич* — заведующий кафедрой философии, кандидат философских наук — *часть 3*;

2. *Эверстов Степан Ильич* — доцент, кандидат исторических наук — *часть 4*;

3. *Старостин Владимир Петрович* — доцент, кандидат философских наук, профессор РАЕ — *часть 2*;

4. *Жондоров Петр Николаевич* — доцент, кандидат философских наук — *часть 5*;

5. *Лотова Надежда Константиновна* — доцент, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ — *часть 1*;

6. *Васильева Галина Софроновна* — доцент, кандидат биологических наук, профессор РАЕ — *часть 6*.

Часть 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В изучении регионального компонента можно выделить такие философские основы духовности, как философско-педагогическое кредо, гуманизма, прагматизма, экзистенциализма. «Любовь человека к родине — подчеркивал И.А. Ильин, — есть дело его духовной свободы, добровольного духовного самоопределения. Чтобы утвердить любовь к родине, воспитатель должен раскрыть те ценности, которые делают их достойным предметом патриотической любви. Тогда наполняются внутренним духовным значением, ибо ребенок видит в них средство и материал для реализации своего духа. Все перечисленные нами внешние условия жизни становятся тогда верным знаком национального духа и необходимым ему материалом (этот мотив мы встречаем у Пушкина в его «Деревне», и в Блоковском цикле «На поле Куликовом»). Итак, вопрос о родине решается, согласно Ильину, инстинктивно укоренным духом и любовью или, точнее и полнее, — любовью к национальному духу»¹.

Гуманизм — это система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, развитие и проявление всех способностей. При таком подходе человек рассматривается как высшая цель общественного развития, в процессе которого обеспечивается создание необходимых условий для полной реализации всех его потенций, достижение гармонии в социальной и духовной сфере жизни, наивысшего расцвета конкретной человеческой личности. Высшая цель человечества в достижении полного осуществления принципов гуманизма как торжества человеческого начала. Реализация принципов гуманизма означает проявление общечеловеческого начала. Гуманизм, в соответствии с таким подходом определяется как система идей и ценностей, утверждающих универсальную значимость человеческого бытия в целом и отдельной личности в частности².

Концепция прагматизма исходит из того, что интеллектуальные и нравственные качества личности заложены в ее уникальной природе, и их проявление связаны, прежде всего, с индивидуальным опытом че-

¹ Новиков Л.И. Педагогические идеи И.А. Ильина // Опыт современного прочтения // Педагогика. — № 10. — 2001. С. 63.

² Радугин А.А. Гуманизм как целостная основа решения. — М.: Изд-во «Центр», 1997. С. 254.

ловека. Задачу образования представителей прагматизма видят не столько в формировании определенных моральных качеств, принципов, ценной ориентации личности, сколько в количественном росте данных ей от природы способностей, качеств и ее индивидуального опыта как главного условия самореализации.

Концепции прагматизма примыкает философское течение неофрейдизма, которое исходит из того, что социальная и культурная среда оказывает на формирование личности и мотивацию человеческого поведения более существенное влияние, чем естественно-биологические инстинкты. Неофрейдисты переносят центр тяжести своих исследований с внутри психических процессов на межличностные отношения. Так, основной причиной внутри личностных конфликтов К. Хорни³ считает противоречие между потребностями отдельного человека и возможностями их удовлетворения.

В большей степени изучение регионального компонента опирается на философские основы экзистенциализма, который отталкивается от наиболее типичных форм разочарования в истории, связанных с истолкованием современного общества как периода кризиса. Экзистенциализм не выступает в качестве защитника и оправдателя этого кризиса. Напротив, он протестует против капитуляции личности перед этим кризисом. В качестве примера можно привести «Миф о Сизифе», который воспринимается как призыв к действию, борьбе⁴. Индивиду, чтобы устоять в этом мире, необходимо уметь, прежде всего, разбираться со своим собственным внутренним миром, оценивать свои способности и возможности.

На первый план здесь выдвигается проблема личности. Экзистенциализм выступает за недопустимость превращения человека в инструмент познания, которым можно манипулировать. Человек является субъектом. Исходная характеристика субъекта — активность, понимаемая как самопроизвольное, внутреннее порождение материальной и духовной энергии. Объект же — это предмет приложения активности. Активность человека носит осознанный характер, и, следовательно, она опосредуется целеполаганием и самосознанием. Свободная деятельность есть высшее проявление активности. В связи с этим, субъект-это активное, самостоятельное существо, осуществляющее целеполагание и преобразование действительности. Объект же — это сфера приложение активности субъекта.

³ Хорни К. Неофрейдизм: философский словарь. — М.: Просвещение, 1995. С. 180.

⁴ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде: Сумерки богов. — М., 1990. С. 222.

Преимущественным объектом философского осмысления в экзистенциализме выступает бытие индивидуальности, смысл, знания, ценности, образующие «жизненный мир» личности. Жизненный мир, с позиции экзистенциализма, — это миф духовности, субъективности.

Человек постоянно находится перед необходимостью выбора (пограничные ситуации) той или иной формы своего поведения, ориентации на те или иные ценности и идеалы. Выбор также связан с формой самореализации личности.

Необходимо учитывать, что деятельность людей направляется, главным образом, не внешними обстоятельствами, а внутренними побуждениями, что в тех или иных обстоятельствах мысленно реагирует неодинаково. Люди должны обладать значительной свободой в определении своей деятельности. При наличии реальных возможностей не менее важно и то, что люди свободны и в выборе средств для достижения поставленных целей. Концепция свободы подробно рассматривается Ж.П. Сартром, который является непосредственным родоначальником экзистенциализма⁵.

Со свободой теснейшим образом связана ответственность и толерантность. Человек, поступающий свободно в постановке своих целей. В выборе средств их осуществления, ответственен и толерантен за последствия своих действий. Изучение регионального компонента, в частности, знакомство русских школьников с якутской литературой, с произведениями писателей народов Севера, несомненно, способствует формированию толерантного отношения к окружающим.

Старший школьный возраст — пора завершения физического созревания, формирования его мировоззрения. К 15–16 годам общие умственные способности человека, по утверждению ученых-психологов, в основном сформированы (Л.И. Божович, В.В. Давыдов, И.С. Кон, Н.С. Лейтес, Т.В. Драгунова и др.). Они отмечают, что у подростков ведущей становится учебно-профессиональная деятельность, благодаря которой формируются определенные познавательные и профессиональные интересы, элементы исследовательских умений.

Мыслительная деятельность юношества более активна и самостоятельна. Для старшеклассников характерны тяга к обобщениям, поиск общих принципов и законов, стоящих за частными фактами, повышенный интерес к самостоятельным высказываниям в процессе обсуждения самых различных проблем. Но, несмотря на это, широта умственных

⁵ Сартр Ж.П. Экзистенциализм — это гуманность? Сумерки богов. — М.: Изд-во полит. Литературы, 1990. — 319 с.

интересов часто сочетается у многих учащихся с разбросанностью, отсутствием системы и метода, преувеличением уровня своих знаний и умственных возможностей с неразвитостью речи.

Оценка действительности происходит с точки зрения общественно-выработанных критериев, что активизирует ценностно-ориентационную деятельность ученика.

Таким образом, старшеклассники имеют сложившиеся у них интересы, взгляды, убеждения, разрушать которые или противопоставлять общепризнанным ценностям было бы неправильным. Необходимо дополнять их в педагогически оправданном направлении.

В аспекте проблемы исследования важен вопрос о сущности процесса художественного восприятия. Уже долгое время он находится в сфере интересов многих ученых. В.Г. Белинский, характеризуя процесс художественного восприятия (применительно к художественной литературе), выделял в нем две стадии: «восторг» — непосредственное эмоциональное восприятие художественного образа и «художественное наслаждение» — осмысление пробужденных «восторгом» переживаний.

Процесс художественного восприятия Белинский распределял во времени, выделял в нем эмоциональную сторону в постижении художественного образа, за которой следует интеллектуальная. Первую стадию он считал основной, а вторую — определенным последствием, результатом первой стадии («восторга»). Такой подход, когда вычленяются эмоциональное и рациональное при несомненном преимуществе эмоционального, до настоящего времени представляет научный интерес.

В школьной практике читательское восприятие отличается от восприятия вообще. Лишь подготовленный читатель способен увидеть в художественном тексте не только информацию, но и условность языка, текста, формирующих в психике художественные ассоциации. Подобные ассоциации тем глубже, чем богаче опыт постижения текста. Исходя из этого утверждения, становится понятно, что восприятие художественного текста школьниками не может быть организовано как собственно восприятие. Для успешного восприятия необходимо знать уровень общего развития учащихся, их начитанность, интересы, потребности. Поверхностное восприятие, внимание только к событийной стороне произведения, равнодушие к поэтическим, художественным элементам приводит к непониманию основы произведения. Ученик с развитым и творческим воображением подходит к чтению вдумчиво, то есть, способен уловить движение мысли автора к своим героям, выделить наиболее близкие мировоззрению художника мысли и идеи.

В процессе интегрированного урока появляются способности аналитической оценки, выявляются ориентации читателя на определенные нравственные идеалы.

Вопросом изучения ранней юности посвящены исследования А.Г. Ковалева, И.С. Кона, В.А. Крутецкого, А.В. Мудрик. А нравственное воспитание старшеклассников включает в себя развитие духовной сферы, навыков восприятия художественного текста, реальной действительности в широком смысле этого слова, умение дать художественную оценку воспитания вкуса единство чувства и понимания художественного объекта.

Внимание подростков начинает привлекать внутренний мир человека, что проявляется в осмыслении личностных отношений с коллективом в плане самопознания и самоопределения, выработке собственных взглядов, суждений.

И.С. Кон отмечает, что подростковый возраст завершается «психологическим новообразованием — чувством взрослости». Старшеклассников «остро волнуют проблемы, унаследованные от подросткового этапа — собственная возрастная специфика, право на автономию от старших»⁶.

Проблему формирования школьника в процессе обучения необходимо соотнести с родственными проблемами и понятиями возрастной психологии, психологии восприятия. Наиболее значительной работой в области психологии восприятия художественной литературы в 70-е годы явилась монография О.И. Никифоровой, в которой автор рассматривает чтение художественной литературы как результат действия психологического механизма, в основе которого лежат физиологические процессы, в настоящее время неизвестные.

Чтобы выяснить механизмы восприятия художественной литературы, необходимо сопоставление полноценного и неполноценного восприятия произведений. О.И. Никифоровой выдвигаются следующие критерии, по истории можно определить полноценность восприятия литературы:

- 1) умение уверенно отличать художественный текст от нехудожественного;
- 2) умение детально оценивать форму произведения;
- 3) соответствие непосредственного восприятия и понимания идеи всем особенностям художественного произведения⁷;

⁶ Кон И.С. Психология старшеклассника: пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1980. С. 81.

⁷ Никифорова О.И. Психология восприятия художественной литературы. — М., 1972. С. 7.

В процессе восприятия художественной литературы О.И. Никифорова различает 3 стадии.

I — непосредственное восприятия произведения, то есть воссоздание и переживание образов произведения. На этой стадии ведущим является процесс воображения.

II — понимание идейного содержания произведения. Полное понимание идеи возможно лишь по прочтению всего произведения в целом. На этой стадии восприятия произведения ведущим становится мышление. Оно не убивает эмоциональности восприятия произведения, а ее углубляет.

III — влияние художественной литературы на личность читателей как результат восприятия произведений⁸.

Таким образом, первым и одним из основных условий совершенствования непосредственного восприятия художественной литературы, включающую ряд этапов овладения образным анализом художественного текста является возникновение у читателя потребности в том, для чего он должен осознать несовершенство своего восприятия ее. По мнению О.И. Никифоровой для этого есть несколько путей «Это занятие выразительным чтением и актерским искусством, при котором недостатки в восприятии произведения или текста роли проявляются вовне и оцениваются руководителем и другими лицами. Стремление хорошо играть или читать заставляет более тщательно и правильно анализировать текст произведения или роли. Другой путь — тактическое сопоставление несовершенного восприятия того или иного произведения с более совершенным»⁹.

Второе условие овладения образным анализом текста — замедленное чтение с установкой на воссоздание образов, соответствующих тексту.

Третье условие — помощь учителя читателям в их работе над совершенствованием своего непосредственного восприятия литературы. Эта помощь заключается в том, чтобы вызывать образные процессы в уме читателя при восприятии текста и направлять их, и тем самым научить его делать то же самое самому.

Разъяснение и соответствующие упражнения дадут учащимся необходимое «умственное орудие» для самостоятельного понимания идеи произведений «Когда произведение не имеет для читателя личностного смысла, он не может активно и с интересом стремиться определить его идею, а для того, чтобы идея произведения оказала на читателя глубокое воздействие, необходимо, чтобы он в ней нашел личностный смысл

⁸ Никифорова О.И. Психология восприятия художественной литературы. — М., 1972. С. 7—8..

⁹ Там же. С. 60.

для себя, связал ее с тем, что его взволновало в произведении. Отсюда следует, что для работы над идейным содержанием надо выбирать произведения, которые могут иметь личностный смысл для школьников и что при работе над этим и произведениями особенно важно раскрыть им личностный смысл идеи и значения произведений¹⁰.

Л.Г. Жабицкая в качестве психологических критериев литературного развития школьника выдвигает следующие особенности восприятия и оценки читателями литературного произведения: активность использования художественной детали в воссоздании литературного образа; уровень понимания эстетического знания воссоздаваемого образа; уровень восприятия переносного значения художественной детали — тропа; богатство ассоциаций, связывающих содержание данной детали с другими содержаниями и другими элементами текста; подчинение процесса ассоциирования ведущему идейно — эстетическому значению образа; уровень восприятия «эмоций формулы» и «эмоций материала»¹¹.

В отечественной психологии В.П. Мясищев определял личность как систему отношений. Наиболее продуктивным для нашего исследования по составлению психологического портрета здоровой, активной личности мы считаем подход А. Маслоу, который в начале 1960-х гг. вместе с группой психологов ввел понятие «гуманистической психологии» и развивал свою концепцию, уходящими корнями к экзистенциальную философию (Карл Ясперс, Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр). Одно из фундаментальных положений, как экзистенциальной философии, так и гуманистической психологии — это концепция становления: «Человек не что иное, как-то, чем он делает себя сам» (Сартр)

Представители гуманистической психологии признают, что поиск подлинной и полной смысла жизни нелегок, особенно в ситуации культурных перемен и социальных потрясений. В этом случае личность должна принять на себя ответственность за выбор и направление своей судьбы.

Теория самоактуализирующейся личности А. Маслоу базируется на иерархии потребностей, поэтому для нормального личностного роста требуется сдвиг относительной значимости потребностей от наиболее примитивных (физиологических и потребностей самосохранения) к наиболее возвышенным (потребности в истине и красоте). Он выделял

¹⁰ Никифорова О.И. Психология восприятия художественной литературы. — М., 1972. С. 85.

¹¹ Жабицкая Л.Г. Восприятие художественной литературы и личность: Литературное развитие в юности. — Кишинев, 1974.

ет «5» основных потребностей и выстраивает их в следующей иерархической последовательности:

- 1) физиологические потребности;
- 2) потребности в безопасности и защите;
- 3) потребности в принадлежности и любви;
- 4) потребность в самоуважении;
- 5) потребность в самоактуализации

Для проводимого исследования представляют интерес следующие характеристики самоактуализирующейся личности (по А. Маслоу):

- 1) более эффективное восприятие реальности;
- 2) принятие себя других и природы;
- 3) непосредственность, простота и естественность;
- 4) центрированность на проблеме (задаче, долге, любимой работе);
- 5) независимость;
- 6) автономия;
- 7) свежесть восприятия;
- 8) «вершины переживания» (творческие порывы, вдохновения);
- 9) общественный интерес;
- 10) демократический характер;
- 11) глубокие межличностные отношения
- 12) разграничение средств и целей;
- 13) философское чувство юмора;
- 14) креативность;
- 15) сопротивление «окультуриванию»¹².

Отдельные исследователи считают правомерным рассматривать патриотизм как совокупность чувств, принципов и качеств. Л.И. Мищенко, отмечая, что нравственные качества личности, определяющие ее направленность, подразделяются на три группы, характеризующие отношение человека к самому к себе, другим людям и обществу, к различным видам деятельности и к различным материальным ценностям, предлагает рассматривать патриотизм как сложное, многогранное интегральное качество, охватывающее все три группы, проявляющиеся в отношении личности к людям, обществу, труду и другим видам деятельности, к материальным ценностям и формирующееся в процессе реализации этой системы взаимосвязанных отношений¹³.

¹² Маслоу А. Мотивация и личность. — М., 1954. С. 120.

¹³ Мищенко Л.И. Патриотическое воспитание младших школьников: Дисс. канд. пед. наук. — М., 1982.

Достаточно полно раскрыто содержание данного понятия в монографии И.Е. Кравцова: «Патриотизм — это любовь к своему отечеству, к родным местам («земле отцов»), к родному языку, к передовой культуре и традициям, к продуктам труда своего народа, к прогрессивному общественному и государственному строю. Патриотизм — это беззаветная преданность своей Родине, готовность защищать её независимость»¹⁴.

И.Ф. Харламов определяет патриотизм как взаимосвязанную совокупность нравственных чувств и черт поведения, включающую любовь к Родине, активный труд на благо Родины, следование и умножение трудовых традиций советского народа, бережное отношение к историческим памятникам и обычаям родной страны, привязанность и любовь к родным местам, стремление к укреплению чести и достоинства советской Родины, готовность и умение защищать её, воинскую храбрость, мужество и самоотверженность, братство и дружбу народов СССР, нетерпимость к расовой и национальной неприязни, уважение обычаев и культуры других стран и народов, стремление к сотрудничеству с ними¹⁵.

Педагоги считают, что важнейшими составными частями нравственного воспитания являются патриотизм и интернационализм, которые авторы определяют как черты мировоззрения. Работа по патриотическому воспитанию включают привитие любви к Родине, толерантность, чувства дружбы народов, непримиримость ко всяким проявлениям национализма и шовинизма, претворение на практике принципов патриотизма и интернационализма¹⁶.

Другие, относя патриотизм к нравственным качествам, включает в его содержание любовь к Отечеству, готовность к его защите, неразрывную связь с интернационализмом, непримиримость к любым проявлениям национализма и шовинизма, приверженность к социалистической культуре, знание национальных традиций, национальное достоинство, гордость и честь, что находит свое воплощение в гражданственности¹⁷.

Нам представляется правомерным рассматривать патриотизм в психолого-педагогическом аспекте как интегративное нравственное качество, имеющее сложное содержание и структуру.

¹⁴ Кравцов И.Е. Пролетарский интернационализм. Отечество и патриотизм. — Киев: Наукова думка, 1965. С. 24.

¹⁵ Харламов И.Ф. Педагогика: учеб. Пособие. 2-е издание. — М.: Высшая школа. — 1990. С. 389

¹⁶ Педагогика школы // под ред. С.Е. Матушкина. — Челябинск: УГПИ, 1974. С. 79–80.

¹⁷ Мальковская Т.И. Воспитание социальной активности старших школьников. — Л.: Изд-во ЛГПИ, 1973. С. 42–43.

Выделение эмоционального компонента обусловлено соотношением эмоциональных и рационально познавательных начал патриотизма. Являясь продуктом развития человека, чувства связаны с работой сознания. Как отмечает П.М. Якобсон, «чувство патриотизма формируется в основном в школьные годы. В дальнейшем оно становится более зрелым и осознанным. Поэтому и существенно, чтобы все моменты ознакомления ребенка с родной страной, с ее культурой, с ее прошлым, духовным богатством рождали в нем глубокий эмоциональный отклик»¹⁸.

Следующим компонентом в структуре понятия «патриотизм», который выделяет большинство исследователей, является интеллектуальный компонент. Он характеризует знания, взгляды, убеждения человека. Основу патриотического сознания составляют знания патриотического характера, на основе которых вырабатываются патриотические взгляды и убеждения. В убеждениях проявляется единство моральных знаний и чувств человека. Они являются идейно психологическим компонентом сознания, непосредственно стимулирующим поведение человека, выбор действий и поступков. «Под воздействием мировоззрения возникает прочная структура мотивации личности, в которой решающее влияние имеют взгляды и убеждения»¹⁹.

Однако знания превращаются в личностные убеждения только в процессе деятельности человека, в том числе и читательской, отметим мы, кроме того, именно в практической деятельности человек проявляет свои убеждения. Формирует необходимые умения и навыки.

Содержательная характеристика понятия «патриотизм» показывает, что элементов, составляющих его, может быть значительное количество, причем сочетания этих элементов различны. Весь комплекс данных сочетаний, из которого с необходимостью следует, существование анализируемого явления называется достаточным, отсюда, содержательные элементы патриотизма, выделенные нами, рассматриваем как достаточные. Данный перечень может быть продолжен. С другой стороны, структурные элементы данного понятия являются необходимыми и достаточными.

Вопросы патриотического воспитания молодого поколения в духе любви к Родине и преданности Отечеству законопослушных граждан государства всегда стояли в центре внимания ученых на протяжении всей истории развития человечества. Великие педагоги уделяли этому вопросу значительное внимание с древнейших времен: Я.А. Коменский, И.Ю. Ястребцов, К.Д. Ушинский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский.

¹⁸ Якобсон П.М. Эмоциональная жизнь школьника. — М.: Просвещение, 1966.

¹⁹ Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М.: Просвещение, 1968.

В 90-х гг. проблеме патриотического воспитания молодежи уделяется значительно меньше внимания, что связано, на наш взгляд, с процессами, происходящими в обществе, изменением политических и экономических, нравственных ориентиров в развитии страны и, следовательно, с изменением концептуальных основ воспитания и образования подрастающего поколения. Однако данная проблема не потеряла своего значения и в наше время.

Более того, она приобретает особую актуальность, т.к. появление многопартийной системы в стране, демократизация общественной жизни привела к тому, что идеи патриотизма берутся на вооружение различными партиями и движениями самого разного, часто противоположного направления. Это приводит к тому, что понятия «патриотизм», «патриот» приобретают негативный оттенок. Кроме того, трактовка этих понятий с позиций коммунистической идеологии делает их с точки зрения отдельных исследователей устаревшими. Но, рассматривая патриотизм как социально нравственную ценность, неотъемлемую часть социально нравственной направленности личности, мы считаем необходимым переосмысление его содержания в новых социально-экономических условиях, а проблему патриотического воспитания молодежи по-прежнему важной.

Принимая во внимание сложную структуру понятия «патриотизм», мы определяем патриотическое воспитание как процесс взаимодействия воспитателей и воспитанников, направленный на развитие патриотических чувств, формирование патриотических убеждений и устойчивых норм патриотического поведения.

Анализ педагогической литературы по данной проблеме показывает, что, признавая патриотическое воспитание как необходимую составную часть воспитательной работы, разные ученые относят его к разным направлениям. Одни (Л.Р. Болотина, О.И. Павелко, Л.Ф. Спирин, П.В. Конаныхин) рассматривают патриотическое воспитание как часть идейно-политического, другие (В.В. Белорусова, Н.И. Болдырев, И.Е. Щуркова, И.О. Харламов, Г.И. Щукина, Л.И. Мищенко) — как часть нравственного воспитания, третьи (Т.А. Ильина, И.Т. Огородникова) выделяют его в самостоятельный раздел. На наш взгляд, вполне правомерна эта последняя точка зрения, что объективно обусловлено сущностью патриотизма и содержанием данного понятия.

Выделяя патриотическое воспитание в относительно самостоятельное направление воспитательной работы, необходимо отметить его органическую взаимосвязь с другими направлениями (гражданским, нравственным, трудовым, эстетическим воспитанием), такая взаимосвязь представляет собой гораздо более сложное соотношение, как части и целого. Так, Е.А. Ануфриев обращает внимание на глубокое система-

тическое обогащение всех сторон воспитательной работы патриотическим содержанием²⁰.

Другой педагогической основой нашей проблемы является технология интеграция. Интеграция как полноправное понятие появилось в педагогике в первой половине 80-х годов на фоне бурно развивающихся взаимопроникающих процессов в экономической, политической, информационной, культурной и других сферах социальной жизни. К этому времени оно прочно вошло в философскую и научную литературу. Было бы неправильным считать, что интеграция в нашей науке возникла в результате простого переноса понятия из других областей научной деятельности в силу желания педагогов не отставать от современности.

Проблемой интеграции серьезно занимались философы, политики, педагоги, методисты. С точки зрения педагогики, это «процесс сложный диалектических превращений научного сознания, подчиняющегося не каким-то конъюнктурным устремлениям, но впитавшего в себя достижения мировой культуры и порой драматический опыт развития отечественного образования»²¹.

Идея взаимосвязи между предметами зародилась давно. Ее истоки связаны с именем Я.А. Коменского, который выступал за взаимосвязанное изучение грамматики и философии, философии и литературы.

Необходимость взаимосвязи признавал Дж. Локк, предлагавший в обучение такой путь, который наполнил бы содержание одного предмета элементами и фактами другого.

Философ и педагог Жан Жак Руссо подчеркивал, что знание основной науки может быть глубоким и основательным только при наличии общих представлений о других смежных науках.

Дальнейшее развитие идеи взаимосвязи между предметами связано с именем И.Г. Песталоцци, чьи взгляды перекликаются с указаниями Я.А. Коменского о том, чтобы в преподавании все предметы находились в такой же связи, в какой они находятся в действительности.

Первую серьезную попытку психологического обоснования проблемы сделал И.Ф. Герbart. Под взаимным связыванием предметов он понимал самые широкие и разнообразные связи: внутрипредметные и межпредметные.

А. Дистервег делает вывод о необходимости отдельного преподавания предметов при наличии двух видов межпредметных связей: между

²⁰ Ануфриев Е.А. Социологический образ жизни: методология и методические вопросы. — М., 1980. С. 152.

²¹ Данилюк А.Я. Метаморфозы и перспективы интеграции в образовании // Педагогика. — 1998. — № 2. — С. 12.

родственными учебными предметами и между предметами различных циклов. Эти связи, по его мнению, необходимы для единства знаний, для формирования умений и навыков.

Обобщив все, что было высказано дидактами и философами, О. Вильман утверждал, что установление связи между учебными предметами одно из важнейших условий в организации преподавания. Он рассматривает роль отдельных дисциплин осуществления этих связей.

Идеи межпредметных связей поддерживались позже такими педагогами, как П. Монро, У. Ниблет, Р.В. Моррис, Ч. Джеймс, Д. Теннер, в работах которых отразился и опыт прошлого, и современные идеи.

В России значение межпредметных связей обосновывали М.В. Ломоносов (идея необходимости разностороннего знания, основой которого является представление о многих науках); В.Ф. Одоевский (стремление к целостному знанию); В.Г. Белинский (идея «целостности образования, единства предметов»); А.И. Герцен (связь между философией, естествознанием и физикой и т.д.); Н.Г. Чернышевский (создание общеобразовательной школы, в которой бы в должной мере сообщались широкие и разносторонние знания); Н.А. Добролюбов (показ предмета и явления с разных сторон). Наиболее подробное обоснование идея междпредметных связей получила в трудах К.Д. Ушинского. В них были раскрыты психологические основы образования ассоциативных связей, которые в дальнейшем были подтверждены в трудах физиологов И.М. Сеченова, И.П. Павлова о процессах деятельности головного мозга. Использование междпредметных связей Ушинский рассматривал как процесс, облегчающий весь ход обучения, вызывающий интерес у детей.

Интеграция предметов в настоящее время является одной из ведущих технологий обновления методической системы обучения. «Важна общегуманистическая основа этого процесса — постановка в центр современного человека, с его местом и ролью в природной и социальной среде»²². Исследуются связи человека и общества, человека и природы, человека и искусства. Системообразующим фактором является человек с его проблемами в сложном мире.

Литература как предмет издавна имеет интегративный характер, который проявился в интеграции науки о литературе, читательской практики и опытов сочинения. Сегодня наступил новый подход к единству школьных предметов: рождение целостностей, то есть подлинной интеграции.

Интеграция в современной школе идет по нескольким направлениям и на разных уровнях: внутрипредметном и междпредметном. Содер-

²² Браже Т.Г. Интеграция предметов в современной школе // Литература в школе. 1996. — № 5.

жание при интеграции включает материал традиционных, классических предметов, а также нового для школы содержательного материала.

В результате рождаются:

- абсолютно новые предметы (курсы);
- новые спецкурсы, обновляющие содержание внутри одного или нескольких смежных предметов;
- циклы (блоки) уроков, объединяющие материал одного или ряда предметов с сохранением их независимого существования;
- интегративные уроки разного уровня и характера как проба сил учителя в новом направлении или осознанная позиция, свидетельствующая о достаточности такой «дозы» интеграции для него лично²³.

В школьной лексике слово «интеграция» зазвучало не столь давно, хотя то явление, которое это слово означает, существует в истории школы многие годы. Слово это пришло из латинского языка, и означает «восполнение, восстановление, объединение в целое каких-либо частей, элементов». Следовательно, интегрировать — значит объединять части в одно целое. Идея интегрированных уроков возникла из сопричастности некоторых школьных предметов друг другу. Мысль о необходимости преодоления в процессе обучения разрозненности и обособленности знаний по отдельным предметам родилась не сегодня. Вековая мечта прогрессивных педагогов заключалась в том, чтобы дать ученику целостное представление о мире, научить его видеть все явления жизни в их глубинной взаимосвязи, понимать логику развития живых процессов, связанных с существованием человеческого общества.

К.Д. Ушинский в книгах для начальных классов по русскому языку «Детский мир» и «Хрестоматия» дает сведения по истории, географии, зоологии, священной истории. «По моему убеждению, — писал он, — логика природы есть самая доступная и самая полезная логика для детей». А в природе все логично и гармонично взаимосвязано. Ушинский предполагал идею совмещения двух книг: «Детский мир» и «Хрестоматия» — на основе образной и логической связи. Например, статья «Яблоня» из «Детского мира» сопоставляется с басней И.А. Крылова «Листья и корни» из «Хрестоматии». Тема «Естественные и искусственные предметы» — с басней Крылова «Цветы». Беседа о временах года — со стихотворениями А.С. Пушкина «Зима», А. Кольцова «Урожай» и т.д. Ученые философы всех времен и народов думали о том, как важно, чтобы человек умел мыслить масштабно, на планетарном и космическом уровне. «Человек реально понял, что он житель планеты и может — должен

²³ Там же.

мыслить и действовать в планетарном аспекте» — эти слова принадлежат В.И. Вернадскому. А у Н. Бердяева находим: «Историческая судьба народов и всего человечества есть моя судьба, я в ней и она во мне. Я живу в прошлом, будущем истории моего народа, истории человечества и истории мира».

Известные педагоги прошлого размышляли о том, как научить детей мыслить масштабно, видеть явления жизни в их взаимосвязи, ощущать себя частицей Вселенной и вместе с тем человеком созидующим.

Современная школа имеет хорошее педагогическое наследие. Это особенно важно в связи с тем, что вопросы интеграции учебных предметов приобретают особую остроту. Задача современной педагогики — соединить в восприятии ребенка основные знания по каждому предмету в широкую целостную картину мира, чтобы школьник мог мыслить на планетарном и космическом уровне. Это необходимо сделать ради жизни на земле.

За последние годы в педагогической науке было высказано немало идей, мыслей по данной проблеме, предложены различные пути ее решения. Ответы на многие вопросы находим мы в статьях В.А. Пономаренко «Гуманизация школы и идея вселенского сознания»²⁴, А.М. Буровского «Концепция ноосферы В.И. Вернадского и создание новой школы»²⁵, гуманитарный интегрированный курс «Русская культура и словесность» предлагают Ю. и Н. Сипиные (Санкт-Петербург). Обращение к этому вопросу мы находим в работах И.И. Комшиной «Вертикальный тематизм»²⁶. Т.Г. Браже в статье «Интеграция предметов в современной школе» дает анализ процесса интеграции в школе как одного из направлений поисков новых педагогических решений²⁷. Автор статьи подчеркивает общегуманистическую основу интеграции как педагогического явления, потому что в центре внимания — человек с его проблемами: «исследуются сложные связи человека и общества, человека и природы, человека и искусства, выясняются общечеловеческие, национальные, региональные ценности и особенности этих связей. Имея давние традиции, само явление «Интеграция» развивалось в основном на уровне внутрипредметных и межпредметных связей. Взять, к примеру, хотя бы тот факт, что два таких предмета, как «Русский язык» и «Литература», как правило, «ведет» один учитель.

²⁴ Пономаренко В.А. Гуманизация школы и идея вселенского сознания // Педагогика. — 1994. — № 3. С. 25.

²⁵ Буровский А.М. Концепция ноосферы В.И. Вернадского и создание новой школы // Педагогика. — 1999. — № 6. С. 6.

²⁶ Комшина И.И. Вертикальный тематизм // Искусство в школе. — 1997. — № 2, 4. С. 24.

²⁷ Браже Т.Г. Интеграция предметов в современной школе // Литература в школе. 1996. — № 5.

Выделим интеграцию «старых» предметов, а именно литературы и истории. В этой области поисков базой является культурологическая основа. Данный процесс в школе выливается в рождение единых для двух предметов уроков, не отрицая отдельное их существование. Главным, по мнению Т.Г. Браже, «существенным результатом интеграции должно быть единство в формировании у растущего поколения ценностей, изучаемых в разных предметах, единство в конечных целях образования»²⁸.

Таким образом, процесс интеграции находится на пути поисков и открытий. Важны не столько конкретные результаты интеграции у конкретных учителей, сколько рождение нового мышления — интегративного, не замкнутого в узкой специализации. В работе над интегрированными уроками важно учитывать объект интеграции, ее содержание и компоненты, состав (учебные дисциплины, входящие в нее), сочетание старых, классических и новых, основных или дополнительных дисциплин, направление и объем предметов, уровень (стадию) интеграции содержания в курсе или на уроке, достижение систематизации знаний, формирование целостного взгляда на предмет, формы проведения урока, виды деятельности учителя и учеников в нем, ведет ли сочетание предметов к поставленной цели, насколько органично сотрудничество учителя и учеников, едины ли проблемы и содержание проведенных уроков, каковы результаты уроков с точки зрения создания единого представления о проблеме, широты кругозора, культуры суждений и их аргументации, эмоциональной вовлеченности в проблему²⁹.

Проведение интегрированных уроков литературы требует решения следующих задач:

- рассмотреть патриотизм как подсистему личности учителя и ученика как субъектов образовательного процесса;
- определить роль литературы о родном крае в углубленном восприятии, понимании и интерпретации литературного произведения;
- увидеть дополнительные возможности нравственного воспитания и формирования патриотического чувства учащихся;
- обеспечить прочность и устойчивость знаний на основе расширения ассоциативных связей.

В рамках предмета литературы мы использовали его художественные, воспитательные, учебные возможности, которые стремились реализовать на материале преимущественно регионального компонента с учетом его жанрового своеобразия. При этом учитывались возрастные особенности восприятия литературы для реализации запросов, потребностей личности.

²⁸ Там же. С. 151.

²⁹ Бодаев А.А. Личность и общение: Избранные психологические труды. — М., 1995.

Часть 2. МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВСТВЕННОСТИ

Моральное сознание воспринимается нами не просто как свод норм и ценностей, которые утверждаются и культивируются данным обществом. Мораль всегда имеет компонент активности своей сущности. Она требует не только постулировать определенные устои: вести нравственную жизнь — это всегда означает неустанный поиск морально-нравственных ориентиров своего бытия, утверждение своей жизненной позиции, наполнение его светом и смыслом гуманистических идей. Без искания ценностного и мировоззренческого наполнения жизнь человека в обществе становится похожей на заранее заведенный механизм, на прежде сверстанную программу. Ценность нравственных поисков обостряют чувство жизни, придают человеку особую полноту бытию (достаточно вспомнить саркастическую характеристику, данную Гёте филистеру: пустая кишка, которая наполнена страхом). Только в этих исканиях человек может обрести моральную свободу.

Нравственные искания, жизненная позиция и сознательные поступки, их гармоничное сочетание являются важнейшими элементами жизни индивида. При их отсутствии человеческая жизнь оказывается неполноценной не только в социальном, но и в индивидуально моральном плане. Как пишет российский философ, академик А.А. Гусейнов: «Мораль освящает путь человеческой жизни... Она посюсторонняя... Ее миссия... дать определенное направление самому историческому бытию. Мораль есть правда земной жизни и вне конкретного наполнения, вне связи с жадой счастья ее не существует. — Мораль ответственна за осмысленность жизни человека»³⁰.

Но такой взгляд на мораль существовал не всегда. Аристотель, рассматривая вопрос об ответственности субъектов за свои поступки, говорит: «Если непроизвольное совершается подневольно и по неведению, то произвольное — это, по-видимому, то, источник чего — в самом деятеле, причем знающем те частные обстоятельства, при которых поступок имеет место»³¹. При этом произвольные поступки расцениваются шире сознательного выбора: «к произвольному причастны и дети, и другие живые существа, а к сознательному выбору нет, и внезапные поступки

³⁰ Гусейнов А.А. Великие моралисты. — М.: Республика, 1995. С. 21.

³¹ Аристотель. Никомахова этика // Соч.: В 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984. С. 98–99.

произвольными мы называем, а сознательно избранными — нет»³². Таким образом, получается, что за свои произвольные поступки несут ответственность и дети, и рабы, и даже... животные.

Особенно интересными в этом отношении являются идеи социобиологов. Эволюционный подход в социологии был сформулирован на основании идей Ч. Дарвина. Две главы его «Происхождения жизни»³³ были специально посвящены проблемам становления нравов. Сам Дарвин пользовался философскими идеями, воспринятыми главным образом у Д. Юма и А. Смита. Основным условием возникновения нравственного сознания Дарвин считает то, что социальный инстинкт преобразуется в моральные принципы лишь при более высоком развитии душевных способностей. Доминирование социальных инстинктов происходит под воздействием не сколько инстинктов, а сколько на основе представлений, которые создают «образы всех прошлых действий и любовь»³⁴. Но и при этом, «привычка играет важную роль у каждой особи» и «социальный инстинкт и симпатия укрепляются привычкой». Столь витиеватый и усложненный способ объяснения генезиса морали Дарвин избрал, скорее всего, для того, чтобы не войти в противоречие с самим собой. Ибо, если бы продолжение рода и выживание, беспощадная борьба за существование более основанные на индивидуальном эгоизме, были первостепенными в иерархии инстинктивных ценностей первых людей, то вряд ли ему надо было бы выходить из животного состояния. По всей видимости, загадка появления у первобытного человека этических и эстетических чувств так и осталась для ученого англичанина неразгаданной.

Одним из наиболее важных и явных признаков сближения гуманитарных наук и биологии заключается в том, что по современным научным представлениям невозможно полное описание всей структуры и функций отдельных подсистем и всей системы живых организмов. При описании и моделировании биологических объектов ученые принимают не только онтологически, но и гносеологически принцип эмергентности, при котором в невозможно полное, окончательное и «объективное» познание, но возможно понимание. Как остроумно отмечал немецкий философ и психолог В. Дильтей: «Если природу мы объясняем, то душевную жизнь понимаем»³⁵. Теперь предстояло такую же методологию исследования применить по отношению к естественным наукам.

³² Аристотель. Никомахова этика // Соч.: В 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984. С.99.

³³ См.: Дарвин Ч. Происхождение жизни и половой отбор. — СПб.: Наука, 1995.

³⁴ Дарвин Ч. Происхождение жизни и половой отбор. — СПб.: Наука, 1995. С. 87–88.

³⁵ Хрестоматия по психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Джан. — М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 267.

Во многом это очень сходна с физически ориентированным позитивизмом П. Сорокина, который в своей «Системе социологии»³⁶ писал, что его социологии нужна своя «единая теория взаимодействий» и своя методология, построенная на специальной теории познания, не вполне естественно-научная, но и не «чисто гуманитарная» гносеология.

Надо сказать, что такое представление начало складываться задолго до приобретения наукой доминирующего положения в человеческой жизнедеятельности. Его истоки можно найти не только в догадках античных философов и физиологов, но и в гностических недогматических формах морального сознания Средневековья. Представление о том, что все в мире создано Богом, и все что нас окружает, и мы сами являемся тварями — творениями Божьими естественным образом приводит нас к мысли об единстве и многообразии мира. И вопрос об единстве духа и тела встает сам собой. Конечно, идеалом могло быть только преображенное, благодатное тело, но религия не отказывается от природности его происхождения. Однако, низовая культура, проживающая профаническую жизнь, была пронизана языческой энергией, утрирующей телесные функции как божественно предопределенные. Она подчеркивает индивидуальность телеустройства человека, абсолютизирует его животные черты, даже дефекты и уродства, свидетельствуя об ограниченности способностей и избыточности самотической стихии в людях, нарушающие все эстетические черты. Пусть и заранее заданные Богом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что люди издревле наделяли человеческими чертами окружающую природу и присваивали себе природные силы и свойства.

Несомненным является и тот факт, что, древним были хорошо известны случаи взаимной помощи и альтруизма в животной среде. Они рассматривали их как проявления просоциальных форм, как предпосылки социальности у человека. Однако только в середине XIX века идеи психической эволюции становятся бесспорными в сознании естествоиспытателей и исследователей. Представление об эволюции человека как естественно-историческом процессе — глубоко эволюционное по существу, породило новое направление — социологию животных. В начале XX века появляется фундаментальный труд А. Эспинаса «Социальная жизнь животных»³⁷, в которых, рассматривая «уровни социальности»

³⁶ Сорокин П. Система социологии. Том I: Социальная аналитика. Часть I: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. — Пг.: Изд-во тов-ва «Колос», 1920. С. IX—XIII.

³⁷ Эспинас А. Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. — СПб.: Тип. Д-ра М.А. Хана, 1882.

в случайных ассоциациях между животными разных видов (например, паразитизм или различные формы мутуализма), выводит некоторые основные принципы, в основе которых лежат организации «истинных» сообществ. Прежде всего это касается условия постоянного сотрудничества между отдельными существами не только одного вида. «Взаимный обмен услуг между более или менее независимыми деятелями — вот самая характерная черта социальной жизни...»³⁸. Он выделяет так называемое «нормальное общество» — сообщество, которое характеризует самую высшую ступень животного-социальной иерархической лестницы. Говоря о том, что лежит в основе таких сообществ, Эспинас считает: «Простой и естественный переход к племени и сообществу коренится не в отношениях отца и матери и родителей к детям, но во взаимных отношениях членов нарождающегося поколения»³⁹. Именно эти молодые члены семьи — братья и сестры, пока вряд ли сознающие себя таковыми, не связанные узами воспроизводства, не связанные семьей, но с чувством любви и единства к себе подобным — вот и основа, зародыш «истинного» общества. Симпатия — братская любовь и есть первая существенная причина племенного сообщества. Эту братскую любовь, взаимную привязанность членов нарождающегося поколения Эспинас выявляет через альтруизм.

Альтруизм как нравственный принцип предписывает бескорыстные действия по отношению к другому, во благо другого. Термин был введен в научный оборот О. Контom для фиксирования понятия, которое противоположно понятию «эгоизм» и выведен из комплекса представлений о благожелательности, милосердии, благодетении, симпатии, заботе и др. Как принцип, по Конту, он гласит: «Живи для других». Его также можно интерпретировать в духе «золотого правила»: «Поступай так, чтобы твой личный интерес служил чужому интересу»⁴⁰.

Но если допускать альтруизм по отношению к другим людям и считать, что это есть проявление милосердия, братской любви, то есть ли такое чувство у животных? Ведь только в этом случае мы можем считать сострадание феноменом универсальным для всех живых существ.

С точки зрения социобиологов альтруизм развивается из материнской, отцовской или братской любви, т.е. любви к самому себе, перенесенной на своих сородичей. Это перенесение происходит в силу того, что животным в борьбе за выживание приходится не сколько тратить себя на

³⁸ Там же. С. 137.

³⁹ Там же. С. 393.

⁴⁰ *Этика*: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2001. С. 21.

борьбу с другими сородичами за место в иерархии, сколько постоянно обща вести борьбу за существование. Как пишет П.А. Кропоткин в своей книге «Взаимная помощь, как фактор эволюции»: «... Необходимо... определить истинные размеры и значение в природе единичной борьбы за жизнь между членами одного и того же вида животных, по сравнению с борьбой целым сообществом против природных препятствий и других видов»⁴¹. Кропоткин трактует альтруистическое поведение как взаимную помощь, любовь, притом распространяя его и на неродственных особей. Наиболее яркими являются именно такого рода отношения партнеров: примеры супружеской верности у птиц (аистов, лебедей и т.п.), помощи друг другу брачными партнерами, помощи молодым и престарелым членам стада, более того, оказание помощи представителям другого вида. Альтруизм, по всей своей полноте (феноменологии) из предпочтения родичей (kin preference) — феномена имеющего генетические корни. Иначе возможности сведения к нему какой-либо формы паразитизма.

Так называемое «помогающее поведение» было объяснено в концепции Р.Л. Триверса, и получила название «взаимного (*reciprocal*) альтруизма»⁴², когда особь совершает некоторые поступки, полагая, что в последующем ей отплатят тем же. В.П. Эфроимсон в выше названной статье указывал, что фиксирующиеся в процессе эволюции генетические механизмы лежат практически во всех проявлениях морали: альтруизма (рассматриваемого достаточно широко), заботы, помощи, самоотверженности, самопожертвования, чувства сострадания, долга, совестливости, благородства и даже однолюбия и почитания девственности. Правда, данные сравнительно-этнографических исследований оказались для автора явно недостаточными. Например, хотя ценность целомудрия и признается в большинстве культур, она не является универсальным⁴³. Однако, альтруизм в этическом понимании не может базироваться на индивидуальной или коллективной выгоде, пусть даже растянутого во временном измерении. В этом смысле даже материнская любовь как свой вклад в беззаботную старость в будущем не является любовью в моральном отношении и нравственно ценным.

Это положение оказалось предвестником глубокого кризиса биосоциальности. Э. Уилсону пришлось даже внести некие коррективы в свою идею социобиологии человека основанную, как мы указали, на выведении действительно биологических корней морали: он уточнил, что со-

⁴¹ Кропоткин П.А. Взаимная помощь, как фактор эволюции. — СПб.: Изд. Тов-ва «Знание», 1907. С.15.

⁴² Trivers R.I. The Evolution of Reciprocal Altruism // SBD. P. 213–226.

⁴³ См.: Кон И.С. введение в сексологию. Гл. 3. — М., 1988.

циальное поведение развивается совместно с анатомией, но «моральные суждения не являются свойствами молекул»⁴⁴. По представлениям Уилсона и его коллег, определяющее воздействие на мышление и поведение человека оказывают т. н. эпигенетические правила, т.е. механизмы, возникающие в психике и имеющие свой материальный субстрат в человеческом мозге, возникающие в процессе взаимодействия с окружающей средой. «Мораль зашифрована в эпигенетических правилах и прежде всего во вторичных... Как сущность, так и форма этих правил управляются механизмами, порождающими альтруизм», «и чувства обязанности, которые мы испытываем по отношению к членам нашей семьи»⁴⁵.

Но ведь и категорический императив И. Канта также покоится на вторичных эпигенетических правилах. Основы их восходят и к учению Дж. Локка о двух источниках возникновения восприятия у человека: из внешних по отношению к нему ощущений, т.е. из данных опыта и его рефлексии, внутреннего опыта ума, разумной деятельности⁴⁶. Речь идет о том, что любая среда, в том числе и социальная, оказывается тем самым фактором, определяющим зарождение и развитие органических и функциональных структур, в том числе и тех, которые несут ответственность за моральное поведение.

Не вызывает сомнения ценность социобиологических исследований, для выявления нравственного содержания разумной (и неразумной) жизни человека, особенно на первых порах становления человеческих сообществ. Моральные высказывания за всю писаную историю человечества менялись — нельзя сводить воедино мораль и нравы человека архаического и времен античности, средних веков и эпохи Возрождения. Но вместе с тем в моральном всегда есть нечто непреклонное, незыблемое, некое божественное в себе (слово «божественное» мы применяем в самом широком смысле, не сводя его только к религиозному пониманию). Мораль делает человека свободным, возвышает его над обыденностью. Это, как говорил И. Кант, практическая философия, возможно, предфилософское знание, предтеча, первая попытка философствования вообще.

Человек сам по себе не является локковским *tabula rasa*, он не сосуд, который со временем, в процессе общественного воспитания заполняется всем необходимым для жизни в повседневном мире. Он с момента рождения генетически является носителем специфически человеческой

⁴⁴ Рьюз М., Уилсон Э. Дарвинизм и этика // Вопросы философии. 1987. № 1. — С. 100, 104.

⁴⁵ Там же. С. 99, 100.

⁴⁶ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1985. С. 154—155.

биологии, он уже готов к восприятию культурно-исторических достижений нашего общества. В процессе индивидуальной эволюции человек, как бы вновь проходит все стадии антропогенеза. Впрочем, это составляет предмет антропологии. Так что на социобиологическом уровне до конца не раскрывается нравственность как таковая. Можно говорить о различных формах сотрудничества, взаимного действия, кооперации, приспособленчества, но не об альтруизме как основе благожелательности, милосердия, самопожертвования и сострадания. Говоря о центральной проблеме, нами рассматриваемой, Я.А. Новак считает, что проблема альтруизма — «в действительности возникает из недоразумения»⁴⁷. Это высказывание можно продемонстрировать следующим образом: предположим, что в группе существуют особи, «самоотверженно жертвующие самим собой», «милосердно отказывающие от своего в пользу другого», т.е. некие явные «альтруисты-храбрецы». Но, логически рассуждая, мы придем к выводу, что в таком сообществе будут выживать и тем самым сохранять и передавать свою генетическую информацию те, кто будет «равнодушным», не «храбрецом», а скорее «равнодушным трусом», так как их выживаемость в обществе будет высокой. «Если в храбрости существует компонент самопожертвования, то нет способа, с помощью которого альтруистические генетические тенденции могут усиливаться по сравнению с тенденциями к самосохранению»⁴⁸. Если коротко, то все биологизаторские теории воспринимают социальную жизнь, в том числе и мораль — как регулятор взаимоотношений в сообществе, как механизм адаптации. Если родовая характеристика способности к взаимодействию, сотрудничеству, кооперации не вызывают сомнения, то выведение морального сознания из биологического синкрета, утверждение о жесткой эволюционной обусловленности морали, в том числе феноменов альтруизма, милосердия, сострадания и т.д. нельзя признать убедительными. Конечно, сотрудничество в животных популяциях, стаях, кланах, отличается от взаимодействия в обществах людей. Одно из отличий обществ человеческих как раз в том и состоит, что сотрудничество опосредуется различными важными идеальными факторами, как идеологическими, так и мотивационными. Характер этих факторов постоянно варьируется. Это может быть и принуждение, и одобрение, и матери-

⁴⁷ Новак Я.А. Социобиология и принцип социогенеза с точки зрения биологии и философии // Пути интеграции биологического и социогуманитарного знания. — М.: Наука, 1984. С. 228.

⁴⁸ Кэмпбелл Д.Т. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: Эволюционный аспект // Психологические механизмы регуляции социального поведения. — М., Наука, 1979. С. 95.

альная необходимость, и экономические интересы, и любознательность, и целеустремленность, и вера, и солидарность, и благотворительность, и человеколюбие и т.д. Тот образ альтруизма, о котором мы говорили выше, более всего, в морально-философском категориальном аппарате, тяготеет к утилитаризму, а в конечном счете, сводится к эгоизму, т.е. к своей противоположности. Нравственность в поступках людей, по сути своей, в основном, не является деянием целесообразным, тем более корыстным. К тому же она всегда выступает как деятельность социально-духовно-творческая. Социобиологи часто упускают этот момент в своих рассуждениях: человек не только существо приспособляющееся, оно еще и творчески-преобразующее. Как удачно заметил Н. Бердяев — эволюционизм забывает о свободе и творчестве, связывают «динамизм человеческой природы» с эволюцией, а не со свободным творчеством⁴⁹.

Говоря о моральном в человеческом, социобиологи всегда рассматривали его как особый, сложный социально-культурный феномен, компенсирующий имманентную утерю биологических механизмов самосохранения, приспособления, продолжения рода. Такое мнение высказывал и Г. Спенсер⁵⁰. Последовательный его ученик К. Лоренц понимал мораль как социальный, культурный фактор, сформированный в ходе естественной эволюции и фиксирующий на внебиологическом уровне функциональные связи, которые в обычных условиях протекают в рамках биологических механизмов. Он считал, что у животных, наряду с инстинктом агрессивности существует и инстинктивный запрет на братоубийство⁵¹. Вполне возможно, что такой же запрет есть и у людей в их архетипе, однако условия социализации во многом изменили его и опосредовали различными идеальными установлениями и мотивациями (виновность, защита родины, «во благо последующих поколений» и т.д.). Мораль в данном случае является одним из социальных механизмов, замещающих инстинкты. По логике, вполне возможен и обратный процесс, который мы часто наблюдаем в обыденной жизни: высокая человеческая мораль порой замещается инстинктами (месть, зависть, гнев и т.д.).

По всей видимости, все проблемы социобиологического подхода связаны с ограниченностью такого взгляда, прежде всего связанные с представлением о вторичности социальности, об адаптивном характере процесса социализации. Представление об иерархии, «лестнице

⁴⁹ Бердяев Н.А. О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). — Париж, 1931. С. 58.

⁵⁰ См.: Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. — СПб.: Изд. Врублеского В., 1906. С. 478.

⁵¹ Лоренц К. Врожденный запрет на братоубийство // Лит. газета. 1974. 16 янв.

социальности» ведет к установлению границ социальности на основе репродуктивного разделения функций, деятельности. И все это несмотря на тот огромный вклад социобиологии, который утвердил идею социальной преемственности, доказав естественный путь происхождения общества, а не путь «общественного договора».

Рассмотрение данной проблемы было бы неполным, если не коснемся представления о социальном архетипе. Описывая его Ю.М. Плюскин в своей книге «Проблема биосоциальной эволюции»⁵² пишет, что архетип представляет собой прообраз, идею (например, в аналитической психологии Юнга) и означал первоначальные, врожденные психические структуры, первичные схемы образов, содержащихся в коллективном бессознательном и априорно формирующих активность, лежащую в основе общечеловеческой духовной культуры. Это древнейшая, первоосновная, принципиальная форма. Исходя из концепции Ю.М. Плюскина предполагается, что все многообразие конкретных форм социальных структур, наблюдаемое как в природе, так и сообществе людей, основывается на единственном, универсальном каркасе, который состоит из немногих принципиальных видов отношений между организмами. Автор приводит аналогию с домом: у самых разных по конструкции и форме домов, совершенно разных, не похожих друг на друга, внутренний каркас всегда одинаков. Так и социальные системы создаются по одному и тому же плану. «Но это многообразие имеет совершенно естественные, внутренние причины: любое взаимодействие ведет именно к таким видам взаимных отношений, а не к каким либо другим»⁵³. Таким образом, само наличие во взаимодействиях между живыми существами социального архетипа во всей своей полноте доказывает о наличии социальной организации. Наличие между сородичами отношений по поводу ресурсов, воспроизводства, распределения социальных ролей и действий, направленных на поддержание единства необходимо и достаточно создают жизнеспособную организацию.

Во времени и в пространстве мы наблюдаем конкретные социальные формы, а не сам социальный архетип. Как целое не сводимо к единичному, так и орган ни по своей функции, структуре не может быть сведен к составляющим его клеткам, так и формы социальной системы не исчерпываются характеристиками существующих в них отношений. Касаясь общественных отношений, можно сказать, что нормы поведения устанавливаются в каждом сообществе самостоятельно, независи-

⁵² Плюскин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.

⁵³ Там же. С. 203.

мо и обуславливаются конкретными формами социальных отношений и условий. Поэтому некоторая нормативность, моральность поведения, в конечном счете, оказываются реляционными характеристиками, признаками общества. Невозможно по одному единственному феномену, проявлению, форме поведения судить обо всем обществе, об его моральности. Но сам архетип в социальной сфере изначально универсален и представляет собой единство. Он существует вне времени, вне родовой и видовой принадлежности. Он внеисторичен, однако, социальный архетип может выступить как основание, как точка отсчета, позволяющая начать строить здание исторической социологии, и может быть положена в основание теории социальной обусловленности поведения любого существа, которое заранее не закодированы, генетически не детерминированы. Плюшкин заранее признается в идеальности подобной конструкции и корни его видит в идеях Платона.

Говоря о соотношении социального и биологического в нравственности, об универсальной социальной детерминированности человеческой природы мы приходим к выводу: современное представление о прогрессивной эволюции социальности, как постепенного изменения от простого организма до человеческого общества, теперь не может приниматься как истина в последней инстанции. По всей видимости, при универсальности развития, движения, социальная жизнь не эволюционирует в привычном виде, а представляет как некая особая собственно социальная жизнь, социальная история, уникальная для каждой системы, каждого вида и для каждой популяции. Вот почему при всем желании невозможно создав социальные условия, подобно человеческим, воспитать из человекоподобных обезьян людей. Мы никогда не сможем до конца объяснить, обосновать организацию социальной жизни у муравьев, пчел или дельфинов. Как и, наоборот, для всех остальных живых существ основы и принципы жизни человеческих сообществ останутся непонятыми и не воспринятыми до конца. В этом проявляется единство и многообразие биологической формы движения материи. Можно согласиться, что «жизнь — это такое явление природы, которому присуще направленное развитие от низшего к высшему, от простого к сложному и, наоборот, от самосохранения до альтруизма, жертвоприношения собственной жизнью ради жизни других. Если явлениям неживой природы присуще существование, то живой природе свойственно направление развития ее конкретных форм в процессе чего они осуществляют свое жизнепроектирование и выживание»⁵⁴.

⁵⁴ *Биофилософия*. — М.: ИФРАН, 1997. С. 267.

Следовательно, мы можем только наблюдать, и, сравнивая поведение животных со своими поступками предполагать, что, например, они крайне по человечески принимают уход из их жизни близких им людей (хозяев) или своих сородичей. Что в этом более проявляется — исчезновение хозяина (всемилостно позволяющего и столь же всеильно запрещающего), как источника пропитания или, действительно, это есть потеря друга и товарища, которая лишает их смысла в дальнейшем существовании? Если мы согласимся с последним, или, наоборот, опровергнем его как таковое, нам придется согласиться, что действия такого порядка подтверждают выход альтруизма за рамки простой схемы «люблю — не люблю», «удовольствие — неудовольствие». Сострадание ни в коем случае нельзя воспринимать только как ответную реакцию на боль, присущую любому живому существу высшего порядка — эмпатию, симпатию и т.п., или как обыкновенную жалость, проявленную к лишениям, страданию. Человеческое сострадание может быть выражено без ожидания вознаграждения в будущем; оно может оказаться и вовсе вневременным. Ведь мы выражаем свое сострадательное отношение к людям, давно ушедшим из жизни, к событиям, имевшим место во времена давно минувшие. Без этого чувства невозможна наша общая память, наша общественная история. Сострадаем мы только по отношению к другим, к чужому «Я», к «не-Я». Если жалость возможна и по отношению к самому себе, то сострадать можно только горю, беде, печали другого; как и сорадоваться можно только по отношению к чужой радости, счастью, успеху. Это возможно представить только в системе сообщества одновременно совмещающего фиксирование своего прошлого, анализ общего настоящего и прогноз всеобщего будущего.

В своем знаменитом письме, адресованном на имя короля Фридриха-Вильгельма II И. Кант отвечая на обвинение в антирелигиозности пишет о своей совестливой ответственности (*gewissenhafte Verantwortung*): сказав, что «... ответ мой по совести таков...»⁵⁵, он полностью отказывается от выступлений по вопросам религии. Логика данного письма немецкого философа такова: я не считаю себя виновным, потому замолкаю. Подлинной инстанцией ответственности становится не король, не суверен, а разум, который в свою очередь есть основание абсолютного нравственного закона. Долг как принуждение посредством закона является внутренним судищем, судом всеобязывающим. «... Совесть есть внутренний судья над всеми свободными поступками... совесть должна

⁵⁵ Кант И. Королю — Фридриху-Вильгельму II (черновик) // Кант И. Тракаты и письма. — М.: Мысль, 1980. С. 595—598.

мыслиться как субъективный принцип ответственности перед богом за свои поступки; понятие же ответственности (хотя и туманно) всегда содержится в моральном самосознании»⁵⁶.

Общая человеческая нравственность есть не только сложившаяся в процессе генезиса и признанная окружающими совокупность норм, правил поведения, выступающая регулятором отношений к различным социальным группам, обществу в целом и поддерживаемых личным убеждением и силой общественного или группового мнения — наказания или одобрения. Мораль как таковая построена на определенных ограничениях. Однако, вполне естественно и то, что любое ограничение мы можем воспринимать как подавление. Но это такого рода подавление, которое налагает на себя сам человек, руководствуясь своей внутренней или внешней потребностью. Только с помощью такого подчинения своего поведения нравственными императивами человеческое сообщество сумело выйти из своего прежнего животного состояния и получило все необходимое для дальнейшего совершенствования своей внутренней духовной природы, для постижения истины. Человек в отличие от других биологических видов понимает, что такое долг и ответственность, а они подчиняются нашей морали.

После всего изложенного напрашивается необходимость четкого разделения двух, кажущихся синонимами, видов помогающего поведения — альтруизма и сострадания. Рассмотрение альтруизма выраженного дефиницией — любовь и забота о других; стремление к благополучию для других при отсутствии явной выгоды для себя, склонность безвозмездно жертвовать собой ради группы — показывает, что его мы можем зафиксировать практически во всех биосоциальных группах. Однако, вряд ли тот альтруизм, который мы наблюдаем у животных, исходит из сострадательной деятельности, определяемой нами как сознательное восприятие чужой боли, горести, добровольное принятие на себя ответственности за чужое страдание.

Можно сказать, что невозможно сострадание представить без альтруизма, но альтруизм без сострадания вполне возможен. Альтруистическое поведение может исходить и из требований вероисповедания, из собственного понимания долга, чести, достоинства, исполнения служебных обязанностей и т.п. В конце концов, из инстинктивного чувства ответственности за сохранение своего рода, заложенных биологически материнских чувств и т.д.

⁵⁶ Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. — М.: Мысль, 1965. С. 378.

Сострадание берет свое начало из общебиологического принципа альтруизма и исходит из глубокого архаического поведенческого начала, диктующего оказывать помощь ради самосохранения рода без расчета на внешнее вознаграждение. Вместе с тем, оно не сводится к помогающему поведению, представляя собой более сложную разумную человеческую деятельность, которая актуализируется в социальной жизни. Именно в человеческом сообществе сострадание, сочувствие начинают приобретать нравственную ценность и цельность. Так что, хотя человеколюбие возникает в далеком детстве людей, в биологическом начале человечества, его дальнейшее воспроизведение и незыблемость выходит за рамки альтруизма. Этот процесс пунктирно можно обозначить так: биологическое начало — помогающее поведение — альтруизм — сострадание. Но далее сострадание уже на ином, более высоком уровне возвращается к своему биологическому, сознательно благотворно воздействуя на свое существование и существование всего сущего в окружающем мире. Таким образом, в помогающем поведении мы можем разглядеть исток, но не сам предмет — феномен сострадания.

Человек и общество представляют собой два неотделимых друг от друга атрибута социальной реальности, органичной частью которой является мораль. А истинная человеческая жизнь невозможна без морального выбора — выбора созидательного, целенаправленного и осознанного. Нельзя сделать нравственный выбор там, где уже имеется образец наилучшего поступка, где заранее просчитано одобряемое решение. Вот поэтому нельзя в полной мере оценивать с позиций моральности или аморальности действия людей как в первобытном состоянии («борьба всех против всех»), родовом обществе («поступай как все»), так и в обществе тоталитарном. Если ты заранее знаешь, как правильно поступать (например, согласно требований партийного устава или морального кодекса), то сложно говорить собственно о самостоятельном поступке и свободном выборе вообще.

Каково же соотношение должного и ценностного в истории этической мысли? При рассмотрении всего богатства этических идей становится ясно, что подавляющее большинство этих концепций категории блага, ценности выступают как первооснова оправдания в морали. Это и гедонистически-эвдемонистическая традиция, начинающаяся в античной философии, связанная с именами Демокрита, Эпикура, Лукреция, продолженная Т. Гоббсом, Д. Юмом, французскими и английскими материалистами XVII века, утилитаристами, вновь подхваченная Л. Фейербахом, Д. Дрейком, поздним Б. Расселом и др.

Понятие блага, как исходная категория нравственности, имеет своими предпосылками этические идеи Сократа, Платона, Аристотеля,

Б. Спинозы, А. Шефтсбери, Дж. Мура и их последователей в рамках школы аксиологического интуитивизма. А среди приверженцев категории должного как основы этического можно назвать древних стоиков и киников, Лютера, Канта, Кьеркегора, сторонников теории нравственного чувства XIX–XX веков.

Последователей первой тенденции намного больше. Это объясняется тем, что «основная задача виделась в философском объяснении содержания нравственных требований к человеку (для чего они нужны человеку или обществу, какова их природная, социальная или сверхъестественная целесообразность), постольку, естественно, всякое должествование основывалось в конечном счете на понятие ценности («высшего блага», пользы, интереса и цели)»⁵⁷. Таким образом, главная задача этики состоит в том, чтобы убедить человека в самоценности моральных поступков, в их достоверности «по природе» или «от бога». По мнению Сократа, если человек видит, что для него является благом, то он просто не способен выбрать зло, «предпочесть недоброе»⁵⁸. Это могло быть как божественное просветление, так и результат нравственного воспитания. В противовес сократовскому упованию на победу силы разума киники и стоики акцентировали свое внимание на понятии долженствования: оно должно было стать обязательным требованием от человека самообуздания и самопринуждения чувств, инстинктов и эмоций⁵⁹, что в поздней античности было афористически выражено Овидием: «Вижу и одобряю лучшее, но следую худшему»⁶⁰. Такого рода выводы мы найдем и в древнекитайской философии, у Конфуция: «Увы, я не видел, чтобы добродетель любили так же, как красоту»⁶¹. В древнеиндийской традиции внутреннее совершенство человека и исполнение обязательных законов выступают как разные ступени моральности⁶².

А является ли должным сострадание? В Новое время И. Кант оказался одним из первых критиков «этики блага» и свой взгляд на справедливость он переводил практические потребности развития общественных отношений на язык априорных определений и постулатов разума. Источником такого вида справедливости Кант представляет категорический императив — обязательный нравственный закон, в абстрактной

⁵⁷ Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р.Г. Апресян. — М.: Гардарики, 2002. С. 317.

⁵⁸ Платон Сочинения: В 3 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1968. С. 247.

⁵⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. — М., 1969. С. 86–93.

⁶⁰ Овидий. Метаморфозы. — Л.: Госполитиздат, 1938. С. 48.

⁶¹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. — М.: Наука, 1970. С. 108.

⁶² Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. — М.: Наука, 1969. С. 17.

форме выражающий идею равенства и самоценности человеческой личности. Только исходящее из абстрактной рефлексии может быть признано истинно добрым и добродетелью как таковое. Вот почему сострадание по его мысли является проявлением слабости человеческого индивида и не может быть добродетелью.

Необходимость сострадательного отношения к окружающим вытекает из положения о нерасторжимости связи жизни в целом и страдания, оппонирует ему А. Шопенгауэр. Любое человеческое желание вытекает из потребности, из недостатка, из страдания и потому удовлетворение, чувство счастья есть ни что иное, как устраненная мука. Как ни печально и пессимистично, но радость есть лишь конец страдания. Совершенное с добротой, любовью и человеколюбием в другом — это познание чужого страдания, понятое из собственного страдания. В процессе сострадания происходит взаимопроникновение, взаимопознание и обмен духовными ценностями, установление содержания общечеловеческого единства и сравнение с ними своих средств и целей.

Рассмотрение феномена сострадания на когнитивном и концептуальном уровнях подводит нас к следующим выводам:

- сострадание, являясь интимным внутренним человеческим чувством, возникло в глубокой психологической архаике как общебиологический инстинкт самосохранения, удовлетворения групповых эгоистических устремлений и желаний;

- впоследствии по мере усложнения человеческого общества, сострадание вышло за рамки индивидуального чувства и уже мировоззрениях Древнего мира осмыслялся как универсальное, воистину социальное проявление человеческого в человеческом;

- таким образом, как этический феномен, сострадание не удерживается только в индивидуальных помыслах и поступках, а в социально-философском контексте выступает как общечеловеческий принцип построения общественных отношений и непреходящая ценность и важнейший элемент государственной институции социума;

- подлинная сострадательность, деятельное милосердие и человеколюбие приобретают социально-философскую характеристику своего проявления и функционирования и становятся объектом всестороннего философского анализа.

В процессе исследования мы приходим к общему выводу, что без сострадания оказывается невозможным стабильное функционирование общества как гармоничной системы, становится сложным реальная рациональная фиксация в истории событий, феноменов, фактов, что препятствует ощущению общечеловеческого процесса как единого дея-

ния прошлого, настоящего и будущего. А утеря сострадательности ведет к забвению уроков и морали истории, обнищанию человеческого сознания и самосознания каждого человека как части общности.

Замысел данной работы заключался в том, чтобы посредством концептуального анализа раскрыть подлинную сущность сострадания как особого специфического вида нравственного состояния бытия человека. А также попытаться осмыслить генезис и функционирование феномена сострадания как философской универсалии в процессе существования социума. При этом ход развертывания материальной и духовной жизнедеятельности общества как предмет философского исследования рассматривался в рамках этого явления. Все это нашло свое отражение в логике изложения материала посредством использования в органическом единстве общефилософских универсалий и социально-философских, морально-нравственных понятий при раскрытии содержания темы и рассматриваемого явления. В связи с отсутствием современных исследований по данной тематике, автору пришлось давать собственную интерпретацию и определение различным понятиям как социальным, так и моральным.

Не ставя под сомнение целесообразность диалектико-материалистической интерпретации социальной жизни, заметим, что сострадание приобретает статус особого социально-философского понятия, и тем самым, ее функционирование в обществе рассматривается как специфическая форма человеческого существования. «Данное положение исходит из убеждения, что социальная реальность развертывается не только, с одной стороны, как общность, общество и не только как человек, индивид, личность — с другой, но только в неразрывном единстве, в постоянном взаимопроникновении и взаимодействии того и другого. Сущность и существование социальной реальности, основанной и творчески созидаемый в человеческой жизнедеятельности, реализуется одновременно и неразрывно друг от друга, где происходит взаимопереход материального и идеального»⁶³. Считаем оправданным и другой вывод: современная философия выступает в качестве опосредующей силы прошлого, настоящего и будущего всеобщего общественного развития человека. Именно такое философское видение объединит научное познание, и практическую деятельность, принципы рациональности и моральные нормы, мир объективного познания и мир духовных ценностей.

⁶³ *Старостин В.П.* Сострадание как социально-нравственный феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 19 (45): Аспирантские тетради: Научный журнал. — СПб.: Книжный Дом, 2007. С. 263.

Возникновение и дальнейшее функционирование общего морального требования может быть рассмотрено лишь в ретроспективе, т.е. в «прошлом», в процессе последующего теоретического анализа разносторонних общественных связей и отношений. Только в этом случае становится возможным оценка практической значимости той или иной нравственной нормы и морального требования. Однако, в конкретно-историческом плане, во время развертывания «настоящего», мы не можем сказать, насколько верным является та или иная жизненная позиция, тот или иной вид нравственности в «будущем». С опытом, в бесконечном повторении становится видимым необходимость и осознается обязательность предписания. Вот почему иные моральные нормы, законы имеют здесь и сейчас характер действий не рациональных, не отвечающих требованиям целесообразности и прагматичности. Такова суть реализации морали в социуме: ее функции необходимы и полезны обществу, но распознаются только на более высоком уровне социально — исторического обобщения и теоретической абстракции. Сострадание как аксиологический императив осознавался и признается общечеловеческой ценностью, которую сложно вычленить и зафиксировать в социальной жизни, но без утверждения и развития которой невозможно представить дальнейший прогресс человеческого общества.

Часть 3. ЭСТЕТИКА СИМВОЛИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОСТИ НАРОДА САХА

Сегодня вектор усилия модернизации сконцентрирован на инновационной экономике, выстроенной на НБИК (нано-био-информационно-когнитивных) технологиях. С другой стороны, «технологическая рациональность» разбивает мечту Просвещения⁶⁴. Состояние «мыслить самостоятельно» активно утрачивается под напором технологического схематизма и шаблонов. Ключевым фактором остается подвижность социального, а точками реальных аттракторов — та или иная модель эстетики символического.

Эволюция эстетики символического сознания, конституирующего человеческое претерпело формы: первичный универсальный символизм — разнообразие псевдо-символизма этнических мифов — возврат к универсальному символизму посредством философии и мировых религий — мощному потоку идеологической переработки технократического общества. Последнее произошло «по вине» технических способов коммуникации, в том числе упомянутых немецким философом Вилемом Флюссером знаковой линейной кодировкой в слова и тексты, с использованием технических средств воспроизводства образов — аппаратов. Вилем Флюссер в известной проблеме развития культуры видит, что саморазвитие происходит через результаты культурных трансформаций, посредством изобретенной человеком техники «расколдовывания мира». В начале это была техника понимания мира через мифические образы: визуальные интерпретации. «Изображения выступают посредниками между миром и человеком». Впоследствии эти образы становятся «экранами», через которые не пробивается бытие, человек разучивается читать данные образы. Чтобы помочь себе, он придумывает «линейное вытягивание» пикселей изображения в буквенные знаки, — появляется письменность, как причина, по В. Флюссеру, исторического сознания. Таким образом, произошла демифологизация сознания, появилось понятийное мышление. Тексты стали означивать не мир, а изображения: «расшифровывать тексты — значит, открывать означенные ими изображения»⁶⁵.

⁶⁴ Финберг Э. Средство как смысл: рациональность и действие в критической теории технологии // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVIII. № 2. С. 21.

⁶⁵ Флюссер В. За философию фотографии / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 10.

В свою очередь, тексты начинают со временем заслонять, созданные человеком образы, — вырастает новая стена экранирования.

Одним словом, изначальное «расколдовывание мира», обернулось «заколдовыванием» — оборачиванием интерпретации интерпретацией. Мир стал непонятным, современные символы превратились по мнению М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского в «знак непонятно чего»⁶⁶.

Таким образом, в соотношении «символической и знаково-вербальной культуры» первый элемент предстает начальным и продуктивным этапом саморазвития культуры. Заметим, что символ суть — переданное конечным вещественным элементом мира — прохождение бесконечных точек возможных интерпретаций понимания определенного состояния сознания. Через конечное материального носителя предстает бесконечное множество интерпретаций истины.

Усложняемая социальная практика человеческого общежития, коррелируемая природно-ландшафтным воздействием порождает этнический псевдо-символический набор, который, есть набор отражений определенных общечеловеческих качеств и состояний, праксиологии выживания, игры, народного творчества и т.д. Как правило, данный спектр псевдо-символов конкретного этноса невелик и может представляться десятком символических конструкторов, представленных геометрикой орнамента, узора, ритуальных и повседневных бытовых вещей и приспособлений — одежды, посуды, домашней утвари и т.п. Затем, формализующая и нормативная функция культуры начинает переводить данные псевдосимволические образования этнического сознания на уровень формального знания, тогда как псевдо-символический уровень, напомним, был расширительным уровнем понимания.

Таким образом, существует необходимость обратить внимание на онтологический срез раскачивающейся транзитивной социальной реальности, носителем которой является субъект и способы, кодирующие модель социальности.

Обратимся к онтологии социального среза этносов Севера-востока России. У последних имеет место особый культурный топос, провинциальный менталитет. Культура модерна имеет к ним опосредованное отношение. Существует необходимость наращивания богатства символической природы этносов, творческого развития этнической культуры. Назрела необходимость видеть символический характер вещей и состояний сознания. Заметим, что приобщение к символической

⁶⁶ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

универсальной (европейской) культуре, является условием любых возможных перманентных социальных трансформаций. Одним словом, народы с незавершенной транзитивностью относительно социальной реальности, приблизились к точке органически измениться, и она, априори онтологична.

Актуальность работы возникает и в той мере, в какой дать ориентир, в духовном хаосе жизни. Религиозные институты, в силу неразвитости своей социальной автономии, могут в полной мере не справляться, а притяжение к этническим культурным истокам подвержено опасной мифологизации, отвлекающей от жизни сознания. Зафиксировав образцы сознательной жизни нужно дать возможность занять им социальную нишу и включить в механизм трансляции культуры.

Современные исследователи не скрывают, что за социологическим аспектом теории модернизации скрывается идеологически превращенная форма идеи прогресса. Давая оценку существующим концепциям модернизации заметим, что сами они, без сомнения, являются вторичными системами сознания, в основе которых, как указывали М.К. Мармашвили и А.М. Пятигорский необходимо выделить псевдо-структуры сознания, редуцируя которые можно попытаться понять какие содержательности символики интерпретируются, тем самым, выявляя самостоятельную жизнь сознания, независимую от рассматриваемых систем, и то, как эти содержательности понимаются исследователями.

Таким образом, проблема возможности проведения завершенной модернизации, фундируется онтологическим уровнем овладения ее идеей. Суть завершенной модернизации заключена в формировании новой социальной реальности. Кроме того, существует проблема сохранения культурной самобытности трансформированного сообщества. Либо новые формы культуры и формы традиционной этнической культуры контрнаправлены, либо они успешно взаимодействуют, при условии выявления позитивного содержания в культурной самобытности, как необходимого ресурса движения к новой социальной реальности. Существует и проблема антимодернизационного протеста, обретающего варварские формы, а также смещения самобытных культур к псевдо-этническим превращенным формам под влиянием массовой знаковой культуры⁶⁷.

Культурная формализация, выполняющая функцию редукции понимания и низведения его до нейтрального по отношению к сознанию знания, явила водораздел «миф-логос» и «знание-понимание». Каждому

⁶⁷ Пудов А.Г. Современные угрозы антимодернизации и качество символического сознания // Культура мира на современном этапе: материалы Республиканской научно-практической конференции (Уфа, 28 апреля 2011 г.). — Уфа: Вагант, 2011.

члену деления соответствует свой символизм. В первом случае им являются вторичные символические образования национальных мифов, функцией которых становится обеспечение рождения человечности, обеспечивающим не столько понимание, сколько фиксирование определенных знаний как социального нормативного кода. Знание, таким образом, сформировало руководящее этическое пространство, ориентирование на которое является обязательной нормой, непререкаемой традицией. Культурный мутагенез древних греков, поставил во главу угла механизм порождения знания как побочной содержательности, остающейся как остаточный продукт рефлексии над сознанием, которое каждый раз должно быть воспроизведено «hic et nunc» («здесь и сейчас»). Не столько специальные символы, а новые культурные формы (например «древнегреческая трагедия», «сократовский диалог», «гражданская агора») и возникающие на этом культурном фоне особые метафизические, а затем и христианские метафизические символы, явились конструкциями рождения логоса и его продукта — понимания.

Традиционное общество и этногенез в нем, характеризуется символотворчеством — процессом сотворения спектра символических образований: вербальных, графических, а также вещного формообразования, несущего символическую нагрузку, а как дополнение — дальнейшую идеологическую проработку и закрепление произведенных символических конструктов через жанры устного народного творчества, наполненного этнопсихологизмом национального менталитета.

Введение мифических «персонажей» — псевдосимволов, позволяло за счет совмещения в своем теле: явлении, вещи или герое противоположностей, разрешить противоречивое для человека мифологического мировоззрения противопоставление природы и культуры⁶⁸. Кентавричная соединенность двух важнейших для человека центров в одном теле разрешала мучающие человека сомнения. А способен ли я лично на это соединение? Миф давал ответ — отчасти ты можешь это, если сопрягаешься с этим «телом», указанным псевдо-символом. Таким образом, мифологический псевдо-символ осуществлял перенос ответственности с самого человека на мифический объект. Псевдо-символ выполнял за человека функцию, на которую тот не был способен. Результатом была истина о человеческой предназначенности.

Основной способ конструирования метафизических символов был заимствован философами в мифах. Однако в метафизическом символе

⁶⁸ Пудов А.Г. Ключевые парадигмы кодирования социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I.

нет изоляции от бытия, нет указания на какие-то недоступные в действительности сверхъестественные вещи. Сверхъестественное отменяется, — срабатывает запрет, указующий на появление качественно нового метафизического мировоззрения.

А можно ли использование этнического символизма в современных условиях сделать настолько же продуктивным, как и в прошлые исторические эпохи? Мы считаем, трансмиграция символов возможна и предполагает возможность блокирования механизма наглядности, имеющей место в мифологическом типе кодирования и декодирования символа. Существует необходимость перестать вводить содержание символа, помимо формы, как определяющей. Суть изменений на основе символической онтологизации сознания раскрывается фиксацией лучших образцов жизни сознания, предоставление им возможности занятия ниши в социальных структурах и включением в механизмы трансляции культуры, осуществляемой трансмиграцией символов разной природы. Любое социокультурное преобразование, мы назовем внутренней модернизацией, если оно осуществляется на основе открытия новых культурных возможностей, данных символическими конструктами, их синтезом.

Глобализация в данном ракурсе предстанет возможностями наращивания символического капитала конкретной этно-национальной культуры. Сегодня это должно подразумевать задачу отрефлексировать и презентовать спектр этнических или национальных символов, трансформированных культурной переработкой в ценности рассматриваемой культуры. Вторая задача заключается в создании условий сохранения экзистенциального поля функционирования символического спектра этнокультуры, так как третьей задачей станет активизация перевода указанного спектра в феномены массового знакового уровня, из которого элемент сознания элиминирован. Последнее необходимо для активной коммуникации на уровне знакового знания, его перекодировании, хранении и доставки в любые иные культурные пространства.

Современность для саха можно охарактеризовать как завершение этапа осознания культурной и цивилизационной идентичности. Для них современно то, без чего они уже не могут себя помыслить. А помыслить они себя уже не могут без национальных театров и кинематографа. Это связано с необратимым процессом качественного изменения сознания, датировать которое следует концом XIX, началом XX в. С той поры театральное искусство помогало пережить на уровне общественного сознания неявные социокультурные преобразования, которые мы можем обозначить как предмодернизацию.

Какой путь пройден профессиональным театральным искусством Якутии? Попытаемся зафиксировать лишь общие тенденции. Являясь усилием многих, театральное искусство, в возможности вобрать самое эффективное, прошло законченный смысловой и тематический период от театра тонкой якутской психологии А. Софронова-Алампы, Д. Большева, А. Глебова, Н. Слепцова, Ф. Потапова, В. Фомина к символическому театру А. Борисова и метафизическому театру Ю. Макарова. Концептуально и содержательно оформляется Театр Олонхо. Сделал заявку на собственный стиль режиссер С. Потапов. Зреет новая плеяда якутской театральной режиссуры. Эволюция сюжетно-тематических постановок и драматургии претерпела за сто с лишним лет движение от бытовой и народной психологии, через авторски прочитанную русскую и мировую классику, к налаживанию прерванной пуповины метафизической преемственности между поколениями народа саха, этапами европейской культуры. Эпоха, растянувшаяся с XX по XXI века — стала затянувшимся обретением идеала Просвещения, понимаемого как состояние «мыслить самостоятельно». Такое состояние стало на рубеже нового тысячелетия фактором воспроизводства национальной памяти, в которой помнятся именно те поступки, личности и их действия, в которых воспроизводился смысл самостоятельного мышления. Здесь нет апеллирования к идеологическим причинам. Только к метафизическим основаниям действий! Саха театр смог пропустить все это через себя.

Якутский кинематограф получил к концу первого десятилетия XXI века мощный импульс развития. Связан он не только с доступностью технологии кинопроизводства, но потребностями массовой культуры аудиовизуального восприятия. Эволюция молодого, по меркам региона, искусства претерпела самую стремительную эволюцию, вобравшую интерес к этнографичности, психологическому портрету якута переживающего перелом в сознании, поиску «современного героя», первым попыткам символического синтеза инокультур.

Нужно заметить, что синтетические искусства — это возможность получить в массовой культуре опыт самосознания — театральным перформансом, художественным и документальным фильмом. Театр и кино стали эффективным способом самопознания.

Указанные средства позволяют создать эффективную модель выявления и сопоставления возникающих на переходном этапе социокодов, отразить которые другие способы не позволят. Необходимость непредвзятого широкого обсуждения позволит осознать интеллектуалам возможности культурного саморазвития. Как никогда стремительно утрачиваются без возможности консервации сложившиеся социокоды развития. Театр и кино

позволяют зафиксировать стремительно исчезающие особенности «текстов культуры», засечь которые мы сможем на достаточно непродолжительной по времени размерности, соизмеримой с жизнью индивида.

Культурная ассимиляция, потребительская модель, вульгарно понятая урбанизация, выбили из под ног северян основания нравственности и традиционных ценностей, заданные эпическим символизмом мифов и фольклорных жанров. Театр, как механизм воспроизводства памяти и производства мысли стал неотъемлемым способом поддержания живого зазора культуры, которого в определенной мере были лишены национальные регионы. Реальная культура заключается в чувстве бытия или небытия, реализованного в экспериментальной эстетике театра и кино. Театр, а сегодня кино, становятся зазором для внутреннего усилия культуры.

Культурно-исторические перипетии России отразились на ее искусстве. Классическое мировоззрение с ее концептами прогресса, детерминизма в развитии, породили линейные подходы в сознании общества. Ими стали мифологемы индустриального общества. Кризис европейской культуры, предсказанный в XIX в., проявил себя в XX-м, став объектом исследований. Реакция на этот кризис не заставила ждать в сфере искусства. Границы между «эстетическим» и «реальным» размылись. В свою очередь, якутское искусство стало барометром, чутким инструментом предсказания неявных изменений в социокультурном пространстве. Сказанное на языке театральной эстетики, а сегодня кино, может предугадать то, что станет реальностью через десяток лет. Таковым стало творчество режиссера Андрея Саввича Борисова и его сподвижников в Саха драматическом академическом театре имени Платона Ойунского. Жанрам национального искусства, удалась попытка налаживания метафизической преемственности и связи поколений, которая была прервана на волне социальных преобразований XX века.

В свою очередь, Национальный Театр Олонхо, это проект той задачи, которую саха не смогли органично решить в XX столетии. Почему сегодня якутские театральные деятели обращают пристальное внимание на японский театр Кабуки? Мы считаем, дело не только в его эстетике и сценическом языке. Качество «поставленных» перед Кабуки и Театром Олонхо задач в точности совпадает. Японский театр выполнил на рубеже постепенного крушения традиционного уклада и плавного перехода к эпохе модерна, задачу по сохранению уникального социокода японской культуры, символов этнического сознания страны Ямато. Нужно заметить, что существование японского театра с XVII века позволило не столько выработать за 300 лет высокую театральную эстетику, но подспудно вычлениить и канонизировать спектр японского этносимволизма, данного в языке, жесте и звуке.

Задача театра Олонхо, по нашему мнению, суметь использовать мировоззренческий и практический потенциал, интегрировать символические образования национальной культуры, её социокода и социокода других культур. Этот эстетический ренессанс сегодня становится почти модельным шаблоном и для других процессов: этнические ценности должны быть трансформированы в социальную организацию — законодательную, производственно-экономическую. Без данного условия этнические ценности окажутся невостребованы. Они выпадут из употребления, а затем исчезнут также, как сегодня исчезают национальные языки народов Севера и Арктики. Эти явления изоморфны.

Какие образы воплощают духовное родство саха? Не ошибемся, если навскидку назовем — чорон, лировидный орнамент, сэргэ, звуки хомуса и кырымпы, мелодию тойука. В XX веке якутам удалось воплотить этнический символизм в современных предметах обихода — прежде всего, ювелирных изделиях. Остаются открытыми для символотворчества посуда, мебель, повседневно носимая одежда, современные синтетичные виды и жанры искусства. Во втором десятилетии XXI века у саха назрела потребность выхода к пространству универсальных метафизических символов.

Человек перестает обретать самобытие через вещи и обычаи, когда-то плотно окружавшие его и составлявшие элементы жизни. Изменяется способ самобытия. На смену традиционным образцам приходят новые, не включающие материальные и духовные артефакты прошлого. Таким образом, если не создавать новые прецеденты органичной культурной жизни, этносы остаются вне символической жизни сознания. В этом плане придуманная фиктивная форма, которой являлся любой обрядово-ритуальный комплекс традиционного общества, в современных условиях имеет возможность быть «обыгран» любой другой новой формой, соразмерной действительности. При этом могут в каком-то приближении возродиться утраченные смыслы. Последнее зависит от удачности способа воспроизведения символики, упакованной в новый «культурный ритуал». Можно заключить, что этническое в эпоху модерна, мигрирует в сферу искусства. Оно там живет и находит продуктивное лоно для саморазвития в новых социо-культурных условиях.

К месту напомнить об удачном в какой-то мере спектакле Театра Олонхо — «Удаган кыргыттар». Нам показалось, что Степанидой Борисовой совместно с хореографами нашупан уникальный пластический почерк будущих постановок. Выделяется в спектакле та особенность, которую мы упомянули выше — создать современную адекватную восприятию форму, заставляющую сработать этносимволы. Пластика движения, манера контрисполнения героев «нижнего» и «среднего» миров заслуживает пристального внимания как творческая находка, прозвучавшая

вскользь в некоторых ранних спектаклях. Именно жест, телодвижение и мелодика тойука творят синтетичное единство целостности и законченности образа. Но это лишь частное. Весь смысловой замысел спектакля весьма экзотичен и вместе с тем консервативен, подчиненный мифу.

На примере данного спектакля можно констатировать, что якуты активно учатся транслировать массовую компоненту этнокультуры, обогащая свой и чужой знаковый культурный опыт. Воспроизводство образов старинной культуры не может более являться самоцелью. Человечество творчески перерабатывает символы родной и чужеродной культуры. В этом его предназначение как существа культуры.

Режиссер Сергей Потапов настоял на новой интонации в якутском театральном и киноискусстве. Мы отмечаем потаповскую иронию, некое «трагическое веселье» без учета подоплеки которых, восприятие работ покажется плоским и немногосмысленным. Он всегда пытается скрыться от зрителя гротеском, любимым им шутовством, оттеняющим голую и ранимую истину, явный показ которых оказался бы непродуктивным морализаторством. Он всегда конструирует схему, выявляющую траекторию мерцающего сознания. Его можно назвать мастером сюжетных переходов, всегда оставляющих душевный диссонанс или шок. Режиссер решает важные задачи в особых условиях социокультурной среды, раскручивая в национальном театре тему соединения универсального языка души и нашего этнического психо-ментального строя. Автор пластическим языком постановки напоминает, сказать художнику внятное и универсальное на языке подсознания или идеологии невозможно. Режиссер, принадлежащий ряду региональных художников, отражает концептуальные поиски метафизического. Они сделали попытку завоевания пространства, трансцендентного отголоскам вязкого подсознания.

Итак, существует единственный способ прочесть упакованное в символы сознание. Нужно облечь набор этносимволов в форму, проигрываемую искусством. Они и позволят найти новые каналы коммуникации на сознательном уровне. Сделать это сложно, однако другого способа нет.

Одно из конструктивных видений глобализации, импонирующее нам, это не формирование одной глобальной культуры, которое происходит само по себе, а формирование «информационной сети, позволяющей доставлять плоды многих культур в разные точки планеты, сокращая расстояние между ее творцами и потребителями». Поэтому нужны ядра и кластеры по производству уникальных локальных смыслов культуры, нужна потребность не только в воспроизводстве символизма, но и в его творческом продолжении, синтезе. Творческий акт здесь выливается в рождение нового этико-эстетического и, по сути, метафизического стиля.

Для якутов, новая социальная реальность реализует превращение этнокультурного поведения в культурный капитал, что есть:

- понимание ценностей родной культуры;
- необходимость выявления и нахождения современных форм, использующих эти ценности, причем эти формы должны быть понятны сообществу;
- развитие взаимодействия, партнерства и конкуренции через указанные формы; последнее и представляет процесс формирования культурного капитала⁶⁹.

Практика заключается в том, чтобы современные деятели культуры находили новые способы воспроизведения символов в их неповторимости. Это явление нам бы хотелось назвать продуцированием неповторимого стиля этноса, продуктивного механизма их жизни. Этот стиль должен явиться сначала в искусстве, затем науке, технике и быту. Нужны агенты символического сознания и выявление новой социальной реальности, чтобы осуществить завершение растянувшейся на столетие этнокультурной модернизации.

Восстанавливать символическую нагруженность «архаического сознания» саха придется на свой страх и риск. Мы не сможем до конца узнать, что сотворили. Единственное, что остается, – личная интерпретация. Будем надеяться, что новое поколение деятелей якутского искусства продолжит органично и грамотно развивать якутский символизм. Ведь именно символ – способен творить этнос⁷⁰.

В онтологических координатах символизма, этнос не есть неизменная субстанция. Номинально он таковым остается, но его суть меняется во времени, оставляя в императиве функцию воспроизводства человеческого начала. Этнос в традиционную эпоху оставался колыбелью сохранения человеческого, причем главным образом, за счет символической онтологизации. Чем больше доминирует идеологического в конструировании этноса и сборке этничности, тем меньше в остатке гуманистического – основного результата функционирования этнического в традиционную эпоху.

Мы считаем, в современном мире возвращение этнического, не продиктованного политической сферой, происходит посредством искусства и этнических верований. Движение ренессанса идет от радикальных культурных течений, например, рок музыки, до вдумчивого обретения духовных корней посредством живой реконструкции вторичных этнических символов в изобразительном искусстве, театре, кино, мультипликации и т.п. Живые примеры реанимации этнического символизма прослеживаются в культуре современных саха (якутов). Так якутский чорон (кумысный кубок)

⁶⁹ Пудов А.Г. Эстетика символического в эпоху транзитивной социальной реальности / А.Г. Пудов. – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2014.

⁷⁰ Пудов А.Г. Символическая онтологизация сознания как основа конструирования этноса на этапе этногенеза // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 7 (73).

и кумысная посуда, хомус (варганный музыкальный инструмент якутов), хороводный танец «осуохай», будучи введенные в новые формы культуры, искусства и реанимированные ритуалы и формы национального праздника «Ысыах» — становятся новым источником этнической сборки.

Формирование новых этносов по Ю. Бромлею, как указывает В. Тишков⁷¹ возможно, но это уязвляет теорию этноса. С обозначенной точки зрения, формирование новых этносов принципиально осложнено отсутствием символической онтологизации сознания как качества принципиально отсутствующего у современного человека. Ему придется довольствоваться примитивными моделями идеологического сознания — мифологизирующей идентификации. Цикл «символизация — десимволизация», повторяющийся в сердцевине культуры, возвращает человеческое человеку, обращает его внимание на мысль как свободную ипостась, независимую от нашего рационального волеизъявления. Смоделировать символ волеизъявлением трудно, поэтому необходимо научиться «прочитывать» то, что как свободный процесс сознания протекает в каждом конкретном человеке, в каждом конкретном сообществе. Нужно попытаться синтезировать то, что уже пришло как свободная мысль, отличная от психологизмов и стереотипов. «Первичный символизм» порождается смыслами. Обретение едва уловимых смыслов происходит синтезом символических образований, адекватных для интерпретации данным сообществом. Поэтому многими этносами ведутся «культурные раскопки» по ренессансу и введению в современные формы культуры и быт исконных вторичных символов — артефактов ритуально-обрядовой культуры этноса.

Известно, «нация — ежедневный плебисцит», этнос не в меньшей мере, у которого за отличием от первого конструкта, имеет место апеллирование к мифологически структурированным сакральным первоисточникам происхождения. В якутской мифологии о прародителе (культурном герое) народа саха (самоназвание якутов) Эллэй⁷², имеется уникальный материал для расшифровки этногенеза народа саха. Культурогенез, развязанный Эллэем выражен рядом действий, имеющих: праксиологический (хозяйственный), ритуальный и метафизический характер. Это подчеркивает дополнительный объяснительный элемент этногенеза — социокод, а в последующем менталитет народа, сорожаемые вместе с его символическим спектром. Социокод фиксируется лингвистическими средствами и социальными шаблонами, кроме того, снивелирован психологией. Но это вопрос для отдельной проработки.

⁷¹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. С. 115.

⁷² Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. — Якутск: Бичик, 2004.

Часть 4. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР НИЖНЕЙ ИНДИГИРКИ

Река Индигирка, одна из крупных рек Северо-Восточной Азии, впадающих в Восточно-Сибирское море. Её длина 1726 км, площадь бассейна 360 тыс. кв. км.

Истоки Индигирки, р. Хастах и Тарын-Юрях, находятся на северных склонах Ханкайского хребта. В верховьях Индигирка течет по Оймяконскому нагорью, далее в узком ущелье прорезает ряд горных цепей хребта Черского. При пересечении Чемалгинского хребта Индигирка течет в глубокое ущелье и образует пороги. Выше устья р. Момы, где Индигирка выходит в Момо-Селенняхскую впадину, начинается нижний участок. Долина расширяется, русло изобилует мелями и косами, местами разбивается на рукава, образуя дельту площадью 5500 кв. км. От моря устье Индигирки отделено мелководным баром. Питание Индигирки смешанное. Замерзает в октябре, вскрывается в конце мая — начале июня.

В бассейне Индигирки свыше 125 тыс. водотоков, 80 тыс. озер, свыше 300 наледей. Главные притоки: Нера, Мома, Бадяриха — справа, Селеннях, Уяндина — слева.

В горной части бассейна господствуют лиственничные, кустарниково-лишайниковые подгольцовые редколесья в сочетании с зарослями кедрового стланика. В бассейне среднего течения реки обширные пространства занимают лиственничные, кустарниковые, мохово-лишайниковые северо-таежные редколесья. На севере простираются осоково-пушицевые кочкарные тундры с болотами.

В лесотундре и тундре обитают лось, северный олень, бурый медведь, росомаха, волк, лиса, песец, на арктическом побережье — белый медведь. В июне прилетают на летовку птицы, в том числе стерхи, лебеди, гуси, утки, гагары и т.д.

Арктическая зона Нижней Индигирки впервые была заселена первобытными охотниками в эпоху позднего палеолита, когда ещё существовали стада крупных плейстоценовых млекопитающих. Об этом свидетельствуют артефакты, обнаруженные в культурном слое стоянки Берелёх. Стоянка находится в верхнем течении р. Берелёх, левого притока р. Индигирки, на 71° с. ш. Она открыта в 1970 г. ленинградским палеонтологом профессором Н.К. Верещагиным во время размыва гидропомпой костеносного горизонта знаменитого «берелёхского кладбища

мамонтов», в свою очередь, впервые введенного в научный оборот мерзлотоведом Н.Ф. Григорьевым в 1957 г., который в 1947 г. собрал здесь несколько костей мамонтов и сфотографировал местность.

Стоянка приурочена к 12-метровой террасе левого берега р. Берелёх, где экспедицией Геологического института Якутского филиала СО АН СССР в 1970 г. при помощи гидропомпы был размыт костеносный участок склона и искусственно вымыты из грунта 7614 экз. костей, 98,6 % которых принадлежало мамонтам, а остальные 1,4 % — шерстистым носорогам, бизонам, лошадям, северным оленям, пещерным львам, волкам, россомахам и зайцам (определение Н.К. Верещагина)⁷³. Весьма интересна находка здесь целой задней ноги мамонта, с мясом и шерстью, которая, по наблюдениям Б.С. Русанова была в древности искусственно отделена от туши.

Стоянка исследовалась в 1970-х гг. археологом Ю.А. Мочановым. В связи с сильным разрушением памятника в процессе палеонтологических работ, археологические раскопки велись на оставшихся от размыва участках поверхности и склона террасы посредством карьерных зачисток и поисков сохранившегося культурного слоя.

По отобраным из культурного слоя образцам древесины получены 2 радиоуглеродные даты: 12930 ± 80 лет (ГИН-1021) и 13420 ± 80 лет (ИМ-152). Они хорошо соответствуют возрасту образцов, отобранных палеонтологами с глубины 160 см от дневной поверхности древесины 11830 ± 110 лет (ЛУ-147) и бивня мамонта, взятого с глубины 255 см — 12240 ± 160 лет (ЛУ-149)⁷⁴.

В процессе зачистки культурного слоя на стоянке обнаружены 127 обработанных каменных предметов, 49 обработанных костяных предметов и 1003 кости животных, являющихся, вероятно, кухонными остатками. По Н.К. Верещагину, среди них имеются 78 костей мамонта, 3 — бизона или лошади, 1 — северного оленя, 827 — зайца, 92 — куро-патки, 2 — рыбы⁷⁵. Каменные предметы из слоя представлены 1 клиновидным нуклеусом, 64 отщепами, 4 чешуйками, 4 пластинами, 10 орудиями (7 ножей, 2 наконечника копья или дротика, 1 долото и 4 каменных подвески). Помимо каменных орудий, на стоянке представлены орудия из обломков костей и бивня мамонта.

⁷³ *Верещагин Н.К.* Раскопки мамонтова кладбища на р. Берелёх // Вестник АН СССР. — 1971. — № 8. — С. 85–93. Верещагин Н.К., Мочанов Ю.А. Самые северные в мире следы верхнего палеолита (Берелёхское местонахождение в низовьях р. Индигирки) // Советская археология. — 1971. — № 3.

⁷⁴ *Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1977.

⁷⁵ Там же.

Недалеко от стоянки Берелёх, в местности Усаммыт в 1981 г., С.П. Кистеневым в трех пунктах собраны несколько каменных предметов: 1 четырехгранный наконечник стрелы, 1 сланцевый нож типа «улу» и 4 отщепа⁷⁶.

Бескерамические стоянки зарегистрированы автором в горной части Селенных и Уяндина, являющихся левыми притоками Индигирки⁷⁷.

Стоянка Харбатар открыта в 1989 г. в 6 км от устья левого берега одноименного ручья, впадающего на 421 км в р. Селенных, левый приток Индигирки, впадающий в неё на 782 км (68°10' с. ш., 139°44' в. д.). Культурные остатки, представленные 14 отщепами, зафиксированы на раздернованных участках 5–7-метровой террасы. Культурный слой выявлен в шурфе (1,0×1,0 м). Он располагался под дерном, в супеси со щебнем мощностью 3–7 см. В шурфе найден 21 отщеп, на 1 отщепе наблюдается мелкая краевая ретушь⁷⁸.

Стоянка Агдайка открыта в 1989 г. на левом берегу р. Селенных в 4 км ниже впадения в неё р. Агдай, на 335 км от устья (67°48' с. ш., 139°57' в. д.). На раздернованном обнаженном участке бровки террасы высотой 15–17 м зафиксированы сильно истлевшие раздробленные кости крупных млекопитающих и сланцевый топор с хорошо выраженными ушками (рис. 1, 6). Последний входит в круг изделий с овально-выпуклым обушком, которые существовали наиболее длительное время. Внешне эти орудия очень вариабельны. Агдайкинский топор наибольшее сходство имеет с топором, обнаруженным из культурного слоя V стоянки Белькачи I на Алдане со шнуровой керамикой (табл. 30, 1)⁷⁹. Однако, мы не можем утверждать, что это изделие, имеющее, может быть, случайное внешнее сходство, оставлено белькачинцами, поэтому пока нельзя говорить что-либо о конкретном возрасте данного орудия без дополнительных параллелей с находками из четко стратифицированных стоянок.

Стоянка Суордаах открыта в 1989 г. на правом берегу р. Суордаах, правого притока р. Селенных, впадающей в р. Индигирку на 318 км

⁷⁶ Кистенев С.П. Отчет о работе Второго отряда Приленской археологической экспедиции в полевой сезон 1981 года. — Якутск, 1983. — 19 с. (рукопись).

⁷⁷ Эверстов С.И. Древние памятники культуры Нижней Индигирки (по материалам исследований двух последних десятилетий) // Циркумполярная культура: Памятники культуры народов Севера (Материалы научно-практической конференции в апреле 2000 года). — Якутск, 2000.

⁷⁸ Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирской группы Северного отряда Приленской археологической экспедиции в полевом сезоне 1989 года. — Якутск, 1990. — 54 с. (рукопись).

⁷⁹ Эверстов С.И. Рубящие каменные орудия Нижней Индигирки // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. — Новосибирск: Наука, 2003.

(67°42' с. ш., 140°23' в. д.). Культурные остатки приурочены к мысовому участку коренного берега речки, на раздернованной поверхности которого обнаружены 32 сланцевых отщепа и обломки обожженных костей крупных млекопитающих⁸⁰.

Стоянка Эгэрдэлиир открыта в 1990 г. на 522 км от устья р. Уяндины, левого притока Индигирки, впадающего на 626 км (69°08' с. ш., 140°57' в. д.). Стоянка зарегистрирована в 300 м к северу от безымянного распада на бровке 50–60-метровой левобережной террасы. На раздернованном участке собран 31 отщеп и 1 обломок ножа. Шурфом (2,5×1,0 м) выявлено, что культурные остатки залегают в пылеватом покровном суглинке, мощностью от 14 до 28 см, подстилающемся обломочной горной породой. Извлечено 153 каменных предмета, представленных 149 отщепами, 2 крупными ножевидными пластинами и 2 сколами, снятыми с призматического нуклеуса⁸¹.

Стоянка Тирехтях открыта в 1990 г. в 2 км к югу от стоянки Эгэрдэлиир на 50–60-метровой террасе, напротив левого рукава устья р. Тирехтях, впадающей справа в Уяндину (69°08' с. ш., 140°57' в. д.). На раздернованном участке собрано 14 отщепов и 1 микропластина. Шурф (2,0×1,0 м) выявил, что культурные остатки залегают под дерново-моховым покровом в пылеватом суглинке мощностью до 4 см. Извлечено 66 каменных предметов: 61 отщеп, 3 обломка призматических нуклеусов и 2 микропластины.

Стоянка Очуостаах открыта в 1990 г. на левом коренном берегу р. Уяндина, в 2 км левого рукава её правого притока р. Тарын-Юрях, на 482 км от устья Уяндины (68°55' с. ш., 141°08' в. д.). Культурные остатки собраны с раздернованной поверхности 70-метровой террасы. Они представлены 8 отщепами. Здесь же был заложен шурф (1,8×1,0), в результате чего выявлено, что находки залегают в покровном суглинке, мощностью до 23 см. Обнаружены 1 фрагмент микропластины, 4 отщепа, 1 обломок двусторонне ретушированного ножа, 1 обломок наконечника стрелы.

Стоянки без керамики обнаружены и на берегу Индигирки во время разведочных работ. Подъёмный материал, за исключением стоянки Коноковка в дельтовой части реки, собран в бечевнике и на склоне коренного берега, представленный отходами производства. 4 пункта находятся на территории Абыйского улуса (Юеннях-Тааса, Хаягастах, Тумус II,

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Эверстов С.И.* Отчет о работе Нижне-Индигирской группы Северного отряда Приленской археологической экспедиции в полевом сезоне 1990 года. — Якутск, 1992. — 85 с. (рукопись).

Юрюйэ) и 6 – на территории Аллаиховского улуса (Похвальный, Таас-Тумус I и II, Осининово, Босьяковка, Конюковка).

В местности Юеннях-Тааса, на левом берегу р. Индигирки, в 633 км от устья ($68^{\circ}22'$ с. ш., $145^{\circ}58'$ в. д.) среди подъемного материала выделяется одна из находок, изготовленная из обломка метаморфизованной породы. Поперечное сечение изделия клиновидное. На её плоскостях прослеживаются следы обработки как более древнего происхождения, так и более позднего. Оформление изделия произведено в основном в древности, скорее всего, в эпоху палеолита, так как грани древней обработки сильно затуплены. Выпуклый край оформлен с двух сторон. Очевидно, в древности изделие употреблялось как рубящее орудие. Сколы позднего происхождения сделаны частично на одной плоскости и свидетельствуют о попытке её утилизации людьми⁸².

Стоянка Хаягастаах ($68^{\circ}26'$ с. ш., $145^{\circ}58'$ в. д.) расположена на правом берегу р. Индигирки, в 625 км от устья. Здесь в неё впадает одноименный ручей. Каменные остатки производственных отходов собраны на бечевнике под обрывом 15-метровой террасы в непосредственной близости от устья ручья. Среди находок выделяются скребок на первичном сколе и заготовка орудия на обломке диабазового валуна⁸³.

Стоянка Тумус II открыта 1989 г. на разрушенном времени мысовидном уступе левого берега р. Индигирки, в 603 км от устья ($68^{\circ}32'$ с. ш., $146^{\circ}10'$ в. д.) напротив стоянки Белая Гора. Среди находок интерес представляют обломок кремневого призматического нуклеуса и обломок ножевидной пластины.

В местности Юрюйэ, на левом коренном берегу р. Индигирки ($68^{\circ}31'$ с. ш., $146^{\circ}06'$ в. д.), в 2-х км к западу от стоянки Тумус II, на склоне 25–30-метровой террасы, собрано несколько кремневых отщепов, один из которых ретуширован с брюшка.

Стоянка Похвальный (70° с. ш.) обнаружена на правом берегу р. Индигирки, в 393 км от устья, на западной стороне одноименного поселка. В этом районе располагается окраина хребта Улахан-Тас. Поселок расположен на 20–25-метровой террасе. Кремневые отщепы и ножевидные пластины собраны у дороги, спускающейся вниз к реке, на раздернованном участке мысовидного уступа, в подножье которого

⁸² Эверстов С.И. Глиняные сосуды ымыяхтахцев Нижней Индигирки // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Наука, 2003. С. 42–43.

⁸³ Эверстов С.И. (совместно с В.А. Кашиным). Отчет о работе археологического отряда Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 1993 года. – Якутск, 1994. – 68 с. (рукопись).

размещен подвал-ледник. Продольные стороны одной пластины обработаны мелкой ретушью с брюшка.

В местности Таас-Тумус, находящейся на правом берегу р. Индигирки, в 141 км от устья (70°46' с. ш., 148°45' в. д.) на бровке 25–30-метровой террасы, на раздернованной щебнистой поверхности, в двух пунктах собраны каменные предметы, представленные сланцевыми отщепами и кремневыми микропластинами. В пункте II, в отличие от пункта I, найдены обработанные крупные сланцевые отщепы. Один из них использовался как скребущее орудие, так как лезвие сильно сработано: затуплено и заполировано. Длина орудия 6,6 см, наибольшая ширина – 6,0 см. 3 отщепа использованы без дополнительной обработки. Длина их 6,2; 6,8 и 8,2 см, наибольшая ширина, соответственно, 6,2; 5,0 и 6,2 см. Одно изделие неизвестного назначения сделано на отщепе кварцитовой гальки. Один торец выемчатый и ретуширован с брюшка. Одна широкая поверхность уплощена стелющимися фасетками. С одной продольной стороны снят пластинчатый отщеп, а противоположная – обработана краевой ретушью. Длина – 2,3 см, ширина – 1,9 см.

В местности Осининово, расположенной на левом берегу р. Индигирки, в 134 км от устья (70°49' с. ш., 148°53' в. д.), под разрушающимся берегом, у воды, найдены халцедоновые и кремневые отщепы. Можно предположить, что здесь была древняя стоянка людей, которая ушла под воду по причине интенсивного развития судоходства.

Ещё одна разрушенная стоянка зарегистрирована в 150 м выше от устья речки Босяковка, правого притока р. Индигирки, в 113 км от устья (70°47' с. ш., 149°00' в. д.). Здесь, у подножья коренного берега на бечевнике собраны кремневые и халцедоновые отщепы и 1 халцедоновая ножевидная пластина. Из-под земли торчали старые раздробленные кости животных. Они лежали под камнями и между ними. Некоторые из них превратились в труху⁸⁴.

Стоянка Конюковка открыта на правой стороне р. Индигирки, в 137 км от её устья (70°47' с. ш., 148°49' в. д.), где высокий коренной берег, поворачивая к юго-востоку, понижается до 7–10 м. Разведочный шурф размером 2,0×2,0 м заложен на ровной площадке коренного берега в 5–7 м от бровки террасы. Культурные остатки зарегистрированы в суглинке темно-серого цвета, переходящего в желтый цвет толщиной 3–11 см, оказавшимся порошкообразным продуктом жженной кости. Среди находок из камня выделяется обломок рубящего орудия,

⁸⁴ Эверстов С.И. (совместно с Кашиным В.А.). Отчет о работе археологического отряда Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 1994 года. – Якутск, 1995. – 53 с. (рукопись).

изготовленного на базальтовой плите. Широкие поверхности обработаны частично. Рабочая часть ретуширована уплощающими сколами. Лезвие вышерблено. Длина обломка 5,6 см, ширина лезвия — 7,3 см, толщина — 3,0 см. Имеется отщеп от шлифованного сланцевого орудия. Кроме того, обнаружены 233 фрагмента кости и рога северного оленя, 12 обломков костей мелких животных, 2 осколка бивня мамонта и 11 экз. раздробленных костей рыб. Часть фрагментов костей и рогов обработана. Обломок трубчатой кости оленя длиной 3,0 см и шириной 0,7 см имеет на продольной стороне косо расположенный паз длиной 1,8 см. Широкие плоскости и продольные края другого изделия зашлифованы. Один конец его изогнут и клиновидно уплощен. Торце выемчатый. На противоположном торце поперечно расположен выступ. Длина изделия 27,7 см, ширина — 0,9–1,2 см, толщина — 0,2–0,5 см. Почерневший под действием высокой температуры обломок рогового стержня найден рядом с упомянутым рубящим орудием. Поперечное сечение округлое. Поверхности выструганы. Один конец изделия заужен. Длина — 4,3 см, толщина — 0,7–1,0 см. Изделие из рога треугольной формы имеет прямые стороны, срезанные острым предметом. Одна широкая поверхность не обработана, на другой сохранилась губчатая пористость. Длина боковых граней 2,0; 3,7 и 3,9 см, толщина — 1,0 см. Плоский кусок рога на торце срезан острым орудием до пористой губчатой массы, затем обломан. На плоской поверхности вдоль края сделан паз длиной 1,8 см, шириной 0,15 см и глубиной также 0,15 см. На другом крае — след глубокого паза, при помощи которого расколот рог. Длина — 4,7 см, наибольшая ширина — 3,5 см, толщина — 1,0 см. Отросток рога оленя сломан после глубокого надреза острым орудием. Поперечное сечение овально-выпуклое. Длина — 7,3 см, ширина — 0,8–1,3 см. На обломке бивня мамонта прослеживаются следы обработки. Поперечное сечение треугольное. Длина — 3,2 см, толщина — 0,8 см. Второй осколок бивня уплощенно-овальный. Длина — 10,4 см, ширина — 3,6 см⁸⁵.

По всей вероятности, вышеописанные памятники были недолговременными стойбищами бродячих охотников. Датировка упомянутых памятников затруднена тем, что в них не найдены обломки глиняных сосудов, свидетельствующие о принадлежности памятников.

Около десяти памятников обнаружены с остатками керамических сосудов, представляющие разные эпохи неолита и более позднего времени. Фрагменты сосудов встречены не только в сборах, но и в культу-

⁸⁵ Эверстов С.И. (совместно с В.А. Кашиным). Отчет о работе археологического отряда Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 1993 года. — Якутск, 1994. — 68 с. (рукопись).

росодержащем пласте. Однако большинство стоянок зарегистрировано в разрушенном или полуразрушенном виде.

Следы пребывания племен сылахской ранненеолитической культуры IV тыс. до н.э. обнаружены в лесотундровой зоне Нижней Индигирки. В 1980 г. на правом берегу Индигирки на 617 км, в 18 км выше по течению от поселка Белая Гора, муниципального центра Абыйского улуса, автором открыта стоянка Буолумуна-Тааса (68°28 с. ш., 145°58' в. д.), приуроченная к 10–15-метровой цокольной террасе, покрытой супесью, песком и щебнем. Стоянка посещена в 2002 г. Как показал стратиграфический разрез небольшого раскопа (4×3 м), культурные остатки залегали под дерном в темно-оранжевой супеси мощностью 18–30 см, а также на границе подстилающей её серой супеси. Культурный слой оказался смешанным, притом каменный инвентарь небольшой. Здесь, вместе с другими находками обнаружены 44 фрагмента сетчатой керамики, принадлежащие сылахцам. Четыре из них, представляющие разные сосуды, относятся к венчиковой части. Все венчики утолщены налепом. Под бортиком размещён горизонтальный ряд округлых и овальных дырочек. Кроме того, на двух экземплярах сохранился ободок налепного валика с насечками. Длина первого обломка 4,1 см, наибольшая ширина – 1,9 см (с. 70, табл. III, 9)⁸⁶, размеры второго, соответственно, 4,3 см и 3,1 см. Наибольшая толщина венчиков 0,6–0,8 см.

Наряду с отходами производства, из слоя извлечены каменные орудия, в том числе, наконечники стрел (3 экз.), концевые скребки на отщепе (1 экз.) и на пластинах (3 экз.), ножи на пластинах (2 экз.) и на отщепе (1 экз.), вкладыши (4 экз.), остроконечники в обломках (4 экз.), обломок шлифованного топора, а также нуклеусы (4 экз.) и точильные камни. Часть этих находок, несомненно, принадлежит охотникам более молодых культур. Следует подчеркнуть, что это единственный памятник в бассейне Индигирки, где зафиксированы археологические артефакты людей сылахской культуры.

На указанной территории также побывали охотники средненеолитической белькачинской культуры III тыс. до н.э. В смешанном культурном слое Буолумуна – Тааса найдено 44 фрагмента тонкостенной и толстостенной керамики со шнуровыми отпечатками на внешней поверхности. Венчик одного сосуда прямой, другого – слегка отогнут наружу. У них отсутствует горизонтальный ряд дырочек и лишены украшений.

⁸⁶ Эверстов С.И. Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // Новое в археологии Якутии. – Якутск, 1980. Табл. IV, 7, 9.

В 1978 г., в местности Усть-Сутуруоха, на склоне левого коренного берега р. Сутуруохи, в 4 км выше от её устья, левого притока р. Индигирки, на 602 км (68°32' с. ш., 146°10' в. д.) автором забит шурф (0,5×0,5 м). Выявлено, что дерн подстилается светлой супесью мощностью 71–80 см. В ней на глубине 12 см от дневной поверхности в размытом очаге найден обломок венчика глиняного сосуда, украшенный горизонтальным рядом сквозных дырочек и слегка отогнутым наружу бортиком. Невыразительность технического декора затрудняет определение культурной принадлежности керамики. Однако заглаженные бороздки, спускающиеся сверху вниз, напоминают отпечатки шнуровой керамики⁸⁷.

2 фрагмента белькачинской шнуровой керамики были обнаружены в процессе раскопок 1980 г. на стоянке Белая Гора. Они зарегистрированы в раскопе под дерном в 12 см от южной стенки у бровки коренного берега Индигирки (с. 70, табл. III, 2)⁸⁸. Эти обломки сосудов свидетельствуют о пребывании на этой местности белькачинцев. Видимо, часть обнаруженных в раскопе (80 кв. м) каменных изделий принадлежит им, однако невозможно выделить чистый белькачинский каменный инвентарь, обнаруженный вместе с ымыяхтахскими артефактами.

4 фрагмента тонкостенной керамики обнаружены автором в 1989 г. в местности Тумус I на левом берегу Индигирки, на 603 км (68°33' с. ш., 146°11' в. д.) в 0,2 км юго-западнее окраины поселка Сутуруоха. Здесь на 15–17-метровом мысовидном уступе коренного берега, наряду с указанными обломками сосудов, собраны 9 отщепов, 4 ножевидные пластины и 1 призматический нуклеус. На внешней поверхности одного из фрагментов сосудов четко прослеживаются оттиски крученого шнура. Поверхности остальных обломков заглажены⁸⁹.

Во II тыс. до н.э. в Северо-Восточной Азии белькачинская культура сменилась ымыяхтахской, индикатором которой являются глиняные сосуды с вафельными и рубчатыми оттисками на внешней поверхности. Нижняя Индигирка не была обойдена охотниками новой культуры. Стоянки с вафельной керамикой обнаружены в культурных слоях Белая Гора, Буолумуна-Тааса, Дениска-Юрюйэтэ, Сугуннаах в лесотундровой зоне, Бурулгино, Кресты, Уларовская и Татьянино озеро — в дельтовой

⁸⁷ Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирского отряда Приленской археологической экспедиции в полевом сезоне 1978 года. — Якутск, 1979. — 41 с. (рукопись).

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирской группы Северного отряда Приленской археологической экспедиции в полевом сезоне 1989 года. — Якутск, 1990. — 54 с. (рукопись).

части реки. Судя по публикациям исследователей, они разнствуют по времени существования.

Чистый ымыяхтахский комплекс, подобный синхронным классическим памятникам Приленья, зафиксирован на территории современного поселка Белая Гора, на правом берегу р. Индигирки, в 603 км от устья (68°32' с. ш., 146°10' в. д.)⁹⁰. Вскрыто 80 кв. м площади. Из них 12 кв. м занимает углубление жилищного комплекса более позднего происхождения, который будет описан ниже.

Стратиграфический разрез стенок раскопа показывает однослойность памятника. Культурный слой залегал под дерном мощностью 3–20 см в темно-серой или коричневатой-серой супеси со щебенкой. Мощность слоя колебалась в пределах 14–40 см. Он подстилался сероватой супесью со щебенкой, лежащей на базальтовом цоколе. Культурный слой насыщен находками, равномерно рассеянными по нему, но в районе кострища концентрация находок резко увеличивалась.

В ходе раскопочных работ 1978–1979 гг. в слое обнаружено 1736 отщепов из кремня, халцедона, обсидиана и яшмы, 128 ножевидных пластин, 3 конических нуклеуса, 57 каменных орудий и их обломков, 67 фрагментов вафельной керамики и 9 мелких обломков костей животных⁹¹.

Каменные орудия представлены 12 наконечниками стрел, 12 скребками, 6 вкладышами, 2 проколками, 9 резцами, 3 комбинированными орудиями, 2 топорами, 1 отбойником, 10 обломками и заготовками орудий. Преобладающее большинство орудий относится к ымыяхтахскому позднелитическому комплексу и попадает под квалификационную таблицу ымыяхтахского каменного инвентаря, разработанную С.А. Федосеевой⁹². Из указанных орудий наибольший интерес представляют топоры. Они изготовлены из метаморфизованного базальта и глинистого алеволита. Базальтовый топор имеет прямоугольную форму, прямоугольное поперечное сечение, клиновидное продольное сечение и прямой обушок, все плоскости его тщательно пришлифованы. Он не имеет аналогий в ымыяхтахском комплексе. Обе поверхности топора из глинистого алеволита трапециевидной формы, с миндалевидным продольным и поперечным сечением, первоначально обрабатывались

⁹⁰ Эверстов С.И. Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // Новое в археологии Якутии. — Якутск, 1980.

⁹¹ См.: Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирского отряда Приленской археологической экспедиции в полевом сезоне 1978 года. — Якутск, 1979. — 41 с. (рукопись); Эверстов С.И. Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // Новое в археологии Якутии. — Якутск, 1980.

⁹² Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980. С. 224.

ретушью, а затем полностью пришлифовывались. Интересно отметить, что не только лезвие, но и обушок и продольные края орудия заполированы. В ымыяхтахской типологической таблице, разработанной С.А. Федосеевой⁹³, подобные топоры не имеют номера, так как в чистых комплексах не встречались⁹⁴.

Как показывают изделия из камня, обитатели стоянки употребляли преимущественно те же типы каменных орудий, что и синхронное им население бассейнов Алдана, средней Лены и Вилюя.

Из 67 многослойных фрагментов керамики на 19 четко просматриваются вафельные отпечатки, а на остальных поверхности либо затёрта, либо разрушена. Найдено 4 венчика, представляющие разные сосуды. Ромбические вафельные отпечатки преобладают над прямоугольными оттисками. Найденная керамика с присущими ей характерными элементами (многослойность, примесь шерсти или волос в тесте, отличительный декор) принадлежит к ымыяхтахской культуре.

В смешанном слое стоянки Буолумуна-Тааса найдены черепки от тулова, представляющие сосуды с квадратными (2 экз.) и ромбическими отпечатками (2 экз.), свидетельствующие о пребывании в этой местности обитателей ымыяхтахской культуры⁹⁵.

Многослойная стоянка Бурулгино открыта в 1959 г. С.А. Федосеевой и З.В. Гоголевым. Она находится на левом берегу Индигирки (70°45' с. ш., 148°06' в. д.), чуть выше дельты. С 1971 по 1973 г. стоянка обследовалась Приленской археологической экспедицией⁹⁶. В процессе раскопок было выявлено три культурных слоя. Для III культурного слоя по образцу древесины получена радиоуглеродная дата 2950 ± 50 лет (ЛЕ-1002). Кроме того, был собран обильный подъёмный материал на разрушенных участках памятника.

По С.А. Федосеевой (10), в трёх слоях обнаружено 110 каменных орудий, их заготовок и обломков. Наиболее многочисленными из них являются многофасеточные резцы — 24 экз. и топовидные скребки — 20 экз. Найдены наконечники стрел (7 экз.) и концевые скребки (7 экз.), остальные орудия встречены в обломках и неопределимы. Обработка орудий не отличается тщательностью.

⁹³ Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980. Рис. 102.

⁹⁴ Там же. Табл. II, 33, 34.

⁹⁵ Эверстов С.И. Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // Новое в археологии Якутии. — Якутск, 1980. — С. 70.

⁹⁶ Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980.

Хорошо представлены предметы из кости. В I слое найдены 2 рубящих орудия из бивня мамонта, клиновидная поделка из бивня и невыразительный обломок костяной заготовки. Костяные изделия II слоя представлены игловидным наконечником стрелы с клиновидным насадом, копьем из бивня мамонта, копьем из рога, костяным крючком, вероятно, для плетения сетей, обломком рукоятки вкладышевого орудия, 4 рубящими орудиями из бивня мамонта, 3 костяными панцирными пластинами, обломком костяной орнаментированной поделки, 2 иглообразными изделиями непонятного назначения, обломком рога северного оленя с насечками, 4 обломками костяных заготовок со следами обработки. В III слое встречены 2 шила, посредник наконечника стрелы, обломок лезвия топора из бивня мамонта, обломок панцирной пластины, обломок поделки с глубокими продольными нарезками, 3 обломка костяных заготовок⁹⁷.

С.А. Федосеева отметила, что «все культурные слои стоянки имеют большое сходство в каменном инвентаре». Нам кажется, что основная масса костяных изделий обработана металлическим орудием.

Керамика встречена в малом количестве. Во II слое обнаружено 4 фрагмента тулова одного сосуда. Внешняя поверхность обломков серовато-жёлтая, внутренняя — черная. В изломе цвет черный, толщина фрагментов 6—7 мм. В III слое найдено 12 мелких фрагментов одного сосуда с плохо сохранившейся внешней поверхностью, по которой трудно определить, была ли она орнаментированной или гладкостенной⁹⁸.

Судя по описанию керамики, они мало похожи на классические ымыяхтахские сосуды. Среди подъемного материала имеется 30 мелких черепков, один из которых представлен обломком венчика. У фрагментов отсутствует технический орнамент. Венчик сосуда с бортиком в виде острого ребра отогнут наружу и украшен горизонтальным рядом сквозных дырочек⁹⁹.

Следует упомянуть, что ымыяхтахцы арктической зоны Якутии не украшали венчик сосуда сквозными дырочками. Зато, они просверливали стенки сосуда для скрепления трещин.

Исходя из вышесказанного следует предположить, что в Бурулгино, наряду с охотниками ымыяхтахской культуры, одновременно существовали обитатели другой культуры, скорее всего, протоэскимосской. Оно подтверждается наличием в слое и в сборах большого количества

⁹⁷ Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980.

⁹⁸ Там же. С. 132, 138.

⁹⁹ Там же. Рис.88, 4.

топоровидных скребков, характерных для эскимосской культуры¹⁰⁰, костяной пластины с циркульным орнаментом¹⁰¹ (рис. 87, 5, 6) и ложками эскимосского типа (рис. 94, 2–4).

Стоянка Кресты обнаружена автором в 1978 г. на правом берегу р. Индигирки (70°44' с. ш., 148°45' в. д.), напротив вышеупомянутой стоянки Бурулгино. Тогда был собран подъемный материал на бечевнике под скальным выступом, на которой стоял навигационный знак. В 1993 г. в 70 м к востоку у геодезического триангуляционного знака, расположенного на 20-метровой террасе, заложен шурф площадью 4×2 м (7). Здесь, находки обнаружены в дерне, толщиной 2–5 см и под ним в темно-коричневом суглинке, мощностью 7–10 см. В дерне встречено 267 халцедоновых отщепов, относящиеся к продуктам первичной и вторичной обработки. Под дерном обнаружено 2408 предметов. Среди них, кроме отщепов (2328 экз.), имеются каменные орудия (23 экз.), представленные топоровидными скребками (4 экз.), концевыми скребками (3 экз.), ножами (1 целый, 5 обломков), заготовкой многофасеточного резца, двусторонне ретушированным вкладышем, комбинированным орудием и изделиями неизвестного назначения. Найдены обломки костей, рогов и осколки бивня мамонта и стружки, снятые из них. Из слоя извлечены 2 фрагмента невыразительной керамики, аналогичные бурулгинским находкам.

Следует сказать, что извлеченный из слоя материал визуально очень похож на бурулгинский. Некоторые осколки бивня мамонта срезаны очень острым, скорее всего, металлическим орудием.

Стоянка Татьянино озеро обнаружена в дельте Индигирки в 1951 г. учителем истории И.Т. Тирских. В 1952 г. под руководством И.С. Гурвич были проведены небольшие раскопки на площади 7,5×1,5 м (с. 123¹⁰²; с. 42–51¹⁰³). Из слоя извлечены многочисленные отщепы, 2 ножевидные пластины, несколько скребков и наконечников стрел из халцедона, а также костяные изделия и кости животных. Найдены черепки глиняного сосуда с ромбическими вафельными отпечатками. Венчик сосуда украшен 6 наклепными валиками. Среди костяных находок выделяются «наконечник копья из мамонтовой кости с вставленными вдоль

¹⁰⁰ Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. — Новосибирск: Наука, 1971. — Табл. XX, 1–6; XXIV, 1–13213 с.

¹⁰¹ Федосеева С.А. Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980.

¹⁰² Окладников А.П. История Якутской АССР. — М.: Л., 1955. — Т. I.

¹⁰³ Окладников А.П., Гурвич И.С. Древние поселения в дельте р. Индигирки // Краткие сообщения Института этнографии. — Вып. XXVII. — М., 1957.

лезвия кремневыми пластинками, наконечник копья из бивня моржа, наконечник стрелы или дротика и кинжал из голенной кости северного оленя»¹⁰⁴.

Для сбора дополнительного археологического материала стоянка вновь посещена автором в 1994 г. Она была расположена на юго-западном берегу озера на доминирующей бугорообразной возвышенности. В результате обследования выяснилось, что стоянка размыта водой. Под возвышенностью на дне озера глубиной 10–30 см и площадью 70×25 м разбросаны раздробленные кости млекопитающих и крупных птиц, а также кости человека, в том числе, черепная коробка, затылочная кость, нижняя челюсть и фрагмент верхней челюсти. Здесь же, наряду с халцедоновыми отщепами, обнаружен обломок сланцевого крупного орудия со следами шлифовки и ретуши. Длина по излому 4,9 см, наибольшая ширина – 1,6 см, толщина – 1,3 см ((табл. 50, 8)¹⁰⁵. Найдено обломок венчиковой части вафельной керамики с квадратными ячейками. Под бортиком сохранились следы 2-х наклепных валиков. Цвет черепка в изломе оранжевый, внешней поверхности – оранжево-бурый. Наибольшая длина – 3,9 см (табл. 50, 9).

Стоянка Уларовская была обнаружена зоотехником Н.И. Волковым в 1950 г. в дельте р. Индигирки, примерно в 25 км от стоянки Татьянино озеро¹⁰⁶. В осыпи 4-метровой средней поймы Волков собрал кремневые отщепы, черепки глиняного сосуда с ромбическими вафельными отпечатками и двумя наклепными валиками под венчиком, тесло из кремня, костяные изделия. Были найдены также раздробленные кости мамонта, медведя, моржа, оленя, рыб и человека.

Что касается датировки двух вышеуказанных стоянок, то А.П. Окладников и И.С. Гурвич считали, что они представляют две последовательно сменявшихся этапа культуры. Притом стоянка Уларовская ими датирована собственно неолитическим временем, а Татьянино озеро – рубежом неолита и бронзового века¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Там же. С. 123.

¹⁰⁵ *Эверстов С.И.* (совместно с Кашиным В.А.). Отчет о работе археологического отряда Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 1994 года. – Якутск, 1995. – 53 с. (рукопись).

¹⁰⁶ *Окладников А.П., Гурвич И.С.* Древние поселения в дельте р. Индигирки // Краткие сообщения Института этнографии. – Вып. XXVII. – 1957.

¹⁰⁷ *Эверстов С.И.* Изображение на бересте и этническая идентификация ымыяхтахских памятников Индигирки (в свете новых археологических открытий) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 50.

По С.А. Федосеевой, «все три нижеиндигирские стоянки (Бурулгино, Татьянано озеро, Уларовская – С.Э.) залегают в сходных стратиграфических условиях. Судя по археологическому материалу, они принадлежали близкородственному населению. Бурулгинские даты свидетельствуют о том, что все рассматриваемые стоянки существовали в конце II или в самом начале I тыс. до н.э.»¹⁰⁸.

Как нам кажется, стоянки Татьянано озеро и Уларовская, расположенные в дельтовой зоне, являются одновременными, об этом говорит обнаруженный археологический материал с их идентичной вафельной керамикой с налепными валиками. Подобной керамики нет и в Бурулгино, и на Крестах, в то же время в двух выше указанных памятниках не были обнаружены многофасеточные резцы в отличие от бурулгинских находок.

Интересно отметить, что костяные изделия, обнаруженные на этих 4-х стоянках, обработаны острым режущим и рубящим орудием, скорее всего, металлическим. Исходя из вышесказанного, следует предположить, что эти памятники существовали в эпоху раннего металла. Однако, в них не были зарегистрированы следы литейного производства, что свидетельствует об использовании готовых металлических орудий, приобретенных в результате обмена.

Стоянка Дениска-Юрюйэтэ открыта автором в 1989 г. во время рекогносцировочных археологических работ в бассейне р. Индигирки. Она находится на правом приустьевом мысу одноименного ручейка, впадающей в р. Индигирку справа на 621 км и расположена на 18–20-метровой цокольной террасе (68°27' с. ш., 145°59' в. д.). Общая площадь раскопа 54 кв. м.

Культурные остатки уже были встречены в дерне, мощностью 2–11 см. Они плавно переходили в суглинисто-супесчаный слой с оттенками от коричневого до коричневатого-желтого цвета, толщиной 26 см, подстилаемый суглинисто-супесчаным слоем без находок. Следует отметить, что обнаруженные на дневной поверхности артефакты идентичны предметам, извлеченным из дерна и культурного слоя.

В составе каменного орудийного инвентаря выделяются наконецники стрел (97 экз.). Все орудия тщательно обработаны двусторонней ретушью с поперечно и диагонально направленными струйчатыми фасетками. Они подразделяются на треугольные с прямым основанием, треугольные с выемчатым основанием, треугольные со скошенным основанием и вытянутым жальцем, иволистные. Длина их колеблется от 1,8 до 2,9 см, ширина их – от 1,0 до 1,7 см. Много найдено концевых

¹⁰⁸ Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980.

скребков, многофасеточных резцов, ножей, вкладышевых лезвий, проколов, провёрток-свёрл, комбинированных орудий, изделий неизвестного назначения, заготовки, точильные камни из среднезернистого песчаника со следами употребления. Интересными находками являются плоские гальки-диски овальной формы и просверленными отверстиями в средней части или на одном из концов. Отверстие биконическое. Длина дисков варьирует от 2,0 до 3,9 см, толщина — от 0,2 до 0,4 см.

Керамика представлена фрагментами глиняных сосудов с вафельными отпечатками на внешней поверхности и многочисленными обломками льячиков для литья расплавленного металла. Стенки круглодонных сосудов для варки пищи многослойны, в них просматриваются примесь шамота, мелкозернистого песка, мелкораздробленного кварцита и волос или шерсти¹⁰⁹. Найден обломок глиняного сосуда, отличающийся своей миниатюрностью, толщина которой не превышает 0,2–0,3 см, высота его 1,7 см (рис., фиг. 3). Льячики трещиноваты и изготовлены из беловатого цвета глины. Бортики венчиков округлые или прямосрезанные. Одна часть изделий заглажена рукой, другая — лопаточкой с гладкой поверхностью. Судя по представленным фрагментам, резервуар льячиков имел чашевидную форму. На некоторых экземплярах сохранились натёки и даже застывшие капельки металла. Внутренняя поверхность одного фрагмента замазана красным веществом (охрой?), а на бортике застыл металлический натёк зеленого цвета. Обнаруженные обломки днищ льячиков показывают, что дно их было плоским. В коллекции имеется фрагмент глиняного изделия с ломаной в поперечном сечении плоскостью. Возможно, он представляет обломок литейной формы. Длина его 3,1 см, ширина — 1,7 см.

В слое найдены образцы металла в виде всплеск-слитков. Наряду с ними обнаружены остатки изделий. Интересен кусок плитчатого литого металлического изделия подчетырёхугольной формы толщиной 0,8 см. Одна продольная грань длиной 1,8 см имеет неглубокий желобок на всю длину. Остальные края неровные. Обе плоскости ровные и гладкие. Длина сторон изделия 2,1; 1,7; 2,4 см. Вся поверхность другого экземпляра, имеющего грушевидную форму, сильно запатинирована. Длина его 0,85 см, наибольшая ширина — 0,5 см¹¹⁰ (табл. 44, 7).

¹⁰⁹ *Эверстов С.И.* Глиняные сосуды ымыяхтахцев Нижней Индигирки // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. — Новосибирск: Наука, 2003.

¹¹⁰ *Эверстов С.И.* (совместно с *В.А. Кашиным*). Отчет о работе археологического отдела Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 1993 года. — Якутск, 1994. — 68 с. (рукопись).

Находки в культурном слое большого количества обломков льячиков и остатки металла позволяют высказать мнение о том, что здесь существовала бронзолитейная мастерская. Что касается даты существования стоянки, то по образцу дерева, взятого со дна культурного слоя, получена дата 1749 ± 164 (ИМ-1184) лет назад¹¹¹.

Однослойная стоянка Сугуннаах открыта автором в 1993 г.¹¹². Она находится на приустьевом мысу одноименного ручейка, впадающего в р. Индигирку справа в 622 км от устья ($68^{\circ}26'$ с. ш., $145^{\circ}58'$ в. д.) и расположена на 7–9-метровой цокольной террасе. Исследовалась в 1997, 1999, 2001–2003 гг. (Материалы хранятся в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Республики Саха/Якутия). Терраса занята низкорослым лиственничным лесом, зарослями карликовой березы и тальниковыми растениями. Естественная оттайка земли небольшая, её глубина в августе не превышает 3–16 см, по причине большой затененности площадки.

Вскрыто 264 кв. м. Толщина культурного слоя, насыщенного археологическими остатками, колеблется от 15 до 65 см. Находки зафиксированы не только в слое и в дерне, но и на дневной поверхности. Наряду с каменными артефактами и керамикой, зафиксированы костяные и деревянные остатки, береста, лоскутки кожи, сохранившиеся благодаря вечной мерзлоте. Кроме того, в слое обнаружены обломки медных и бронзовых изделий, а также всплеск-слитки металла. О бронзолитейном занятии сугуннаахцев свидетельствуют многочисленные обломки глиняных льячиков.

Поражает обилие орудий, изготовленных из камня, в основном, из халцедона (95 %). Встречены также изделия, сделанные из кремня (3 %), кремнисто-глинистого сланца, роговика, диабазы и других (2 %). Орудия тщательно обработаны двусторонней плоской или струйчатой ретушью с поперечно- и диагонально направленными фасетками. Среди каменных орудий преобладающее значение имеют наконечники стрел, многофасеточные резцы, скребки, комбинированные орудия, лезвия вкладышевых орудий. Кроме того, были найдены проколки, провёртки-сверла с затупленными рабочими концами, долота, наконечники копий, ножи, обломки шлифованных и ретушированных топоров. Обнаруженные камни-абразивы на обеих плоскостях имеют следы сработанности в виде широких желобков и пологих углублений.

¹¹¹ Эверстов С.И. Сугуннаах — новая стоянка ымыяхтахской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. — Новосибирск: наука, 1999. — С. 56.

¹¹² Там же.

Из каменных поделок наибольший интерес представляют диски, аналогичные находкам из слоя Дениска-Юрюйэтэ и редко встречающиеся в древних памятниках северо-востока Сибири. Они изготовлены на обычных плоских речных гальках или вырезывались из плиток глинистого сланца. Обнаруженные диски имеют овальную, округлую и подпрямоугольную формы. Они снабжены одним биконическим отверстием диаметром 0,15–0,4 см. Последнее расположено в центре¹¹³ (рис. 4, 2–4, 6, 7). Иногда встречаются диски с просверленным отверстием на одном из концов гальки асимметрично-овальной формы (рис. 1, 5). На стенке отверстий сохранились горизонтальные витки, являющиеся следами сверла. Длина дисков колеблется от 2,1 см до 3,3 см, наибольшая ширина — от 1,4 до 3,1 см, что соответствует размерам дисков, найденных из глазковских погребений Прибайкалья¹¹⁴. В отличие от нижеиндигирских, глазковские диски изготавливались из более ценных пород камней — нефрита, кальцита и агальматолита, которые легко поддавались обработке и имели белый цвет.

В раскопе зарегистрированы обломки горного хрусталя, образцы перламутра, охра, завёрнутая в берестяных пакетиках.

Основная масса кости и рога, извлеченная из слоя, имеет неудовлетворительную сохранность. Среди них встречаются не только кухонные остатки, но и обработанные строганием, заглаживанием и шлифовкой изделия в обломках или в целом виде. Большинство из них представлено предметами непонятного назначения. В коллекции выделяются наконечники стрел с клиновидным насадом, роговые посредники с вертикальным пазом на конце для каменного наконечника, шилья, стерженьки с суженной средней частью, обломки изделий с полулунным концом, обоймы для многофасеточных резцов и плоские стерженьки составных рыболовных крючков небольшого размера. Последние обнаружены на севере Якутии впервые и заслуживают описания. Один из них изготовлен из трубчатой кости животного. Оба конца стерженька плавно заужены. Верхний конец имеет поперечно расположенный выступ прямоугольной формы для привязывания шнура, а нижний — просверленное биконическое отверстие для крепления когтевидного острия-

¹¹³ Эверстов С.И. Сугуннаах — новая стоянка ымыяхтахской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. — Новосибирск: наука, 1999.

¹¹⁴ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — Ч. III. (Глазковское время). — М.: Л., 1955. С. 271.

жальца. Длина орудия — 3,7 см, ширина — 0,8 см (рис. 1, 9)¹¹⁵. Другой стерженек с полулунным концом для фронтального крепления жальца изготовлен из пластины трубчатой кости животного. Второй конец снабжен отверстием диаметром 0,15 см. Длина — 3,3 см, наибольшая ширина — 0,9 см, толщина — 0,1 см (рис. 2, 3). Часть обломков стерженьков с полулунной головкой, по всей вероятности, относятся к рыболовным крючкам (рис. 2, 1, 4).

В слое встречены разрубленные или поперечно разрезанные куски массивных частей оленьего рога. Из них изготавливались рукоятки орудий. Один экземпляр сохранился очень хорошо и представляет обойму для каменного орудия. Прямосрезанную венчиковую часть окаймляет валик-ободок. Внешняя поверхность изделия тщательно обработана острым инструментом. Поперечное сечение асимметрично-овальное. Тулово к венчику сужается. Днище его сферическое. Длина — 6,8 см, ширина тулова 3,4–4,3 см, наибольшая ширина валика-ободка — 0,9 см, глубина гнезда для орудия — 2,1 см, наибольшая ширина — 2,7 см.

В коллекции имеется наконечник копья из бивня мамонта. Вся поверхность зашлифована. Поперечное сечение его симметрично-овальное. Одна продольная сторона снабжена пазом со сходящимися на нет концами длиной 17,7 см и глубиной до 0,4 см, куда вставлялись каменные вкладыши. Насад орудия обломан. Длина сохранившейся части 22,6 см, наибольшая ширина — 2,0 см, толщина — 1,2 см (рис. 3, 7).

Особый интерес представляют костяные и роговые пластины с резными граффити на поверхности, свидетельствующие о высоком духовном интересе носителей (с. 40–43, рис. 1–14)¹¹⁶.

В культурном слое обнаружены десятки образцов всплеск-слитков. Самый крупный из них имеет округлую форму. Одна поверхность плоская, противоположная — выпуклая и неровная, с углублениями. Длина слитка 2,0–2,5 см, наибольшая толщина — 0,9 см (табл. 28, 4)¹¹⁷. Изделия обнаружены в целом виде и в обломках. Целые предметы представлены проколкой и пластиной непонятного назначения. Проколка из бронзы имеет 4 грани. Изделие плавно сужается к острию. Длина — 2,4 см, ширина граней — 0,3 см (10, табл. 50, 5). Второе изделие удлинненно-оваль-

¹¹⁵ Эверстов С.И. Сугуннаах — новая стоянка ымыяхтахской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. — Новосибирск: наука, 1999.

¹¹⁶ Эверстов С.И. Рубящие каменные орудия Нижней Индигирки // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. — Новосибирск: Наука, 2003.

¹¹⁷ Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирского отряда археологической экспедиции в полевом сезоне 2003 года. — Якутск, 2004. — 84 с. (рукопись).

ной формы представляет тонкую пластину с округленными концами. Длина — 1,9 см, наибольшая ширина — 0,6 см, наибольшая ширина — 0,1 см (табл. 37, 1)¹¹⁸.

Обнаружено 3 обломка бронзовых изделий. Лезвие первого обломка заточено с двух сторон. Широкие поверхности гладкие. Длина лезвия 2,2 см, наибольшая ширина — 1,3 см, наибольшая толщина — 0,3 см. Второй экземпляр является обломком обоюдоострого пластинчатого орудия. Лезвие заточено с одной стороны. Одна продольная сторона, судя по вогнутости, стачивается. Длина — 1,2 см, ширина — 1,2–1,7 см, толщина — 0,1 см (табл. 50, 1)¹¹⁹. Третий обломок подтрапециевидной формы, своим характерным прогибом напоминает венчик глиняного сосуда. Обе широкие поверхности ровные. Одна из поперечных сторон, длиной 1,6 см, прямая, остальные бугорчатые. По всей вероятности, находка является обломком развалившегося по трещинам блюдцеобразного изделия. Длина продольных сторон 1,9 и 2,1 см, нижней — 2,0 см (табл. 37, 2)¹²⁰.

В раскопе на разных уровнях обнаружены обломки льячиков или сосудов для расплавленной руды. Основная масса льячиков изготовлена из глины без примесей. Венчики таких сосудов бывают чаще всего трещиноваты, иногда оплавлены и ошлакованы. Бортик венчика у сохранившихся обломков в поперечном сечении дугообразно-овальный или уплощенно-овальный, реже прямой. Один из льячиков овальной формы восстановлен способом апплицирования. Поперечное сечение его подпрямоугольное. На верхней части имеется ложковидный резервуар глубиной 1,2 см. Бортик венчика срезан прямо. На дне ложка сохранился натек плавленной бронзы зеленоватого цвета. Длина льячика 8,7 см, ширина — 6,3 см, высота — 3,8 см (рис. 5, 1)¹²¹. Также из дерна извлечены обломки льячиков, отличающиеся своей массивностью. Глиняное тесто содержит примесь мелкоизмельченного кварцита и шамота. Судя по представленным обломкам, формовка сосуда производилась послойным наращиванием теста. На месте расслоения четко прослеживаются

¹¹⁸ Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирского отряда археологической экспедиции Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 2002 года. — Якутск, 2003.

¹¹⁹ Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирского отряда археологической экспедиции Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 2001 года. — Якутск, 2002.

¹²⁰ Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирского отряда археологической экспедиции Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 1997–1999 гг. — Якутск, 2000. — 100 с. (рукопись).

¹²¹ Эверстов С.И. Сугуннаах — новая стоянка ымыхтахской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. — Новосибирск: наука, 1999.

негативы тончайших волокон растительности или волос. Стенка резервуара крутая, бортик в поперечном сечении дугообразно-выпуклый. Глубина вместилища для плавленной бронзы достигает 2,3 см (рис. 5, 2).

Таким образом, как показали обломки вышеупомянутых льячиков, обнаруженные в дерновой части раскопа, технология изготовления их несколько изменилась, для изготовления литейщики стали применять то же тесто с примесью, из которого формовали обычные тонкостенные сосуды.

В слое встречено большое количество деревянных остатков. Большинство их истлело. На дне культурного пласта зафиксированы остатки хозяйственных построек, в том числе, колышки, вбитые в толщу земли, настилы из плотно пригнанных стволов молодых лиственниц. Северная сторона первого настила, длиной 3,4 м и шириной 0,84 м, превратилась в труху. Самый длинный ствол достигает длину 2,74 м. Диаметр стволов варьирует от 1,2 до 3,7 см. В 4–5 м южнее расположен второй настил размером 1,2×0,8 м. Обрубленные лиственничные стволы, диаметром 2,3×3,9 см и длиной 0,9×1,2 см, плотно пригнаны. В средней части раскопа зарегистрированы истлевшие следы параллельно расположенных полосок коры крупного тополя.

Кроме того, в культуросодержащем пласте на разных уровнях найдены поделки из дерева в обломанном и целом виде, обработанные острым режущим предметом. Среди них выделяются стерженьки с округлым поперечным сечением диаметром 0,4–0,7 см. Видимо, они являются обломками древков наконечников (табл. 17, 4; 11, табл. 36, 2, 3, 9)¹²². В мерзлоте сохранились фрагменты деревянных сосудов. 13 обломков принадлежат одному сравнительно большому сосуду в виде широкой чаши или блюда. Судя по двум крупным фрагментам, тулово сосуда было выпуклое. Венчик в поперечном сечении имеет треугольную форму. Под венчиком просверлена дырка диаметром 0,7 см. Длина сохранившейся части сосуда 16,4 см, ширина – 14,5 см, толщина – 0,5–1,0 см (табл. 49)¹²³.

Следует полагать, что для обработки деревянных и костяных изделий использованы металлические орудия (табл. 47, 5; 11, табл. 31, 7; 32, 8; 33, 1–6, 34, 2, 3; 12, табл. 28, 1). Среди находок имеются предметы, обработанные рубящим орудием. Оба конца некоторых изделий обрублены косыми зарубками в круговом направлении. Негативы зарубок показывают, что орудие оставляло глубокие следы (табл. 39)¹²⁴.

¹²² Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индибирского отряда археологической экспедиции Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 2001 года. – Якутск, 2002.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

Обнаружено большое количество лоскутков вырезанной бересты. Они имеют прямоугольную, треугольную и трапезиевидную форму. У одного из них сохранилось графическое изображение, состоящее из зигзага ломаных линий, образующих три основных треугольных острия. Внутри каждого из них вписаны аналогичные острия. Пространство между внешними продольными сторонами треугольных острий заполнено подобными изображениями концами вниз (табл. 45, 1)¹²⁵. Наряду с обрезками обнаружены свёрнутые в трубку берестяные полотна — рулоны. Интерес представляет рулон, имевший наибольшую сохранность. Внутренняя поверхность покрыта пересекающимися прямыми линиями, полученные способом тиснения. Изображение напоминает сетку с ромбовидными ячейками. Длина полотна в развернутом виде 32,4 см, ширина — 2,8–6,3 см. На одном из обрезков бересты сохранились следы прошивания в виде округлых отверстий диаметром 0,1 см (табл. 45, 2)¹²⁶.

В мерзлой земле сохранился лоскуток кожи подпрямоугольной формы. В средней части вдоль продольной оси имеется вырез длиной 2,3 см. На одном конце вырезки вдоль края сохранился ряд сквозных отверстий и остатки витой нитки из сухожилия. По-видимому, данный лоскуток являлся деталью одежды. Длина — 7,4 см, наибольшая ширина — 2,9 см. На дне культурного слоя зафиксирован клочок шкуры животного с вьющейся тонкой шерстью (горного барана?).

В слое обнаружены волосы, лучевая кость и фаланга руки, а также фрагмент ребра человека. Найдены кости домашней собаки (обломки челюсти и клыка) и клыки волка.

Наряду с костями северного оленя, зарегистрированы трубчатые кости и клювы крупных перелетных птиц.

Из слоя извлечено большое количество фрагментов глиняных сосудов с вафельными отпечатками на внешней поверхности. По технико-технологическим характеристикам они ничем не отличаются от сосудов, изготовленных обитателями Дениска-Юрюйэтэ и Белая Гора¹²⁷. В зависимости от силы удара оттиски имеют различную глубину и разную степень четкости. Иногда встречаются обломки сосудов, внешняя поверхность которых покрыта одновременно негативами прямоугольных

¹²⁵ Эверстов С.И. Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // Новое в археологии Якутии. — Якутск, 1980.

¹²⁶ Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирского отряда археологической экспедиции Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 1997–1999 гг. — Якутск, 2000. — 100 с. (рукопись).

¹²⁷ Эверстов С.И. Глиняные сосуды ымыяхтахцев Нижней Индигирки // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. — Новосибирск: Наука, 2003.

и ромбических ячеек (рис., фиг. 8). Судя по некоторым обломкам, тулово сосудов частично заглаживалось. Имеются фрагменты с просверленными конусовидными дырочками, указывающие на реставрацию сосудов с трещинами. Сосуды были яйцевидными.

Среди множества черепков фигурирует небольшой обломок тулова сосуда подтрапцевидной формы. Внешняя поверхность покрыта оттисками прямоугольных ячеек. На этой стороне поверх технического декора проведены две пересекающиеся тонкие прямые линии наподобие украшений сосудов населения Приленья. Линии прочерчены явно до обжига сосуда по мягкому тесту (рис., фиг. 7). Это пока единственный экземпляр с линейным орнаментом на Индигирке. На внешней поверхности другого фрагмента сосуда выгравированы кончиком острого орудия прямые тонкие неглубокие линии. Это обломок сравнительно большого обломка сосуда, где была выгравирована целая композиция, состоящая из пересекающихся горизонтальных, вертикальных и косых линий (см.: рис., фиг. 6). Данное изображение напоминает граффити на камнях из сборов со стоянки Раучувагытгын на Западной Чукотке¹²⁸.

В коллекциях стоянок Дениска-Юрюйэтэ и Сугуннаах имеются обломки глиняных сосудов, которые использовались в качестве сырья для поделок (рис., фиг. 1, 2, 4, 9–12, 14, 16, 17)¹²⁹.

Можно сказать, что утилизация обломков глиняных сосудов — не повсеместное явление, она зафиксирована только на Нижней Индигирке. Что касается их функционального назначения, то пока рано что-либо говорить определенно, за исключением тех поделок, которые заточены клиновидно с двух сторон в виде режущего инструмента, явно для резки материалов из мягкого сырья, например, глиняного теста, меха и т.д.

В 1978 г. в устье р. Сутуруоха, левого притока Индигирки, в 4 км к северо-востоку от поселка Белая Гора автором обнаружены и исследованы наскальные рисунки, выполненные красной охрой (с. 3–8; 23, с. 176–179)¹³⁰. Как выше указано, что в культурном слое Сугуннааха обнаружены берестяные пакетики с остатками охры. Они свидетельствуют о том, что часть изображений принадлежит сугуннаахам.

¹²⁸ Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. — М.: Наука, 1993.

¹²⁹ Эверстов С.И. Глиняные сосуды ымяхтахцев Нижней Индигирки // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. — Новосибирск: Наука, 2003.

¹³⁰ Эверстов С.И. Наскальные рисунки Сутуруохи — новый археологический памятник на Индигирке // Вопросы истории, языка, литературы. — Якутск, 1980.

Следует констатировать, что на северо-востоке Сибири впервые в едином беспримесном слое, принадлежащем несомненно потомкам ымыяхтахской культуры, обнаружены мастерские литейного производства, притом не в бассейне Лены, а в Заполярье, на Индигирке. Бронзолитейщики Сугуннааха, Дениска-Юрюйэтэ и Белой Горы (жилищный комплекс) были преемниками ымыяхтахцев II тыс. до н.э., но по материальной и духовной культуре намного выше стояли, чем их дальние предки. Самобытность их культуры, обособленность от синхронных им памятников, позволяет считать, что ими представлена особая археологическая культура — сугуннаахская, по названию стоянки, давшей полную картину носителей. Сугуннаахцы внесли ощутимый вклад в циркумполярную цивилизацию северо-востока Сибири. Они здесь появились во II—III веках нашей эры и существовали вплоть до прихода русских землепроходцев в первой половине XVII в.

Как показали археологические материалы Нижней Индигирки. Здесь до сих пор не зарегистрированы следы усть-мильской культуры и раннего железного века. На этом основании мы можем утверждать, что потомки ымыяхтахцев не имели культурных контактов с южными племенами усть-милцев и племенами раннего железного века, обитавших в Приленье.

Богатая материальная культура, запечатленная в археологических артефактах, показывает высокий уровень производственной и социальной организации людей, проживавших в этом уголке широких просторов Евразии. Дальнейшее изучение и крупномасштабные исследования в северной части Якутии должны принести еще больший материал для широких обобщений и выводов о богатстве духовной жизни предков современных жителей Индигирки.

Часть 5. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Предлагаемый материал представляет собой переработанные фрагменты на основе данных социологического исследования, проведенного учебно-научной лабораторией «Философские основы гражданской культуры» (Северо-Восточный федеральный университет). Участие в исследовании принимали кандидаты философских наук, доценты В.В. Михайлова, П.Н. Жондоров, В.Б. Надькин, Н.С. Павлова, А.Н. Куликова, кандидат социологических наук Ю.И. Жегусов. Исследование проводилось в Якутске (2011–2013), Мирном (2011), Нижнем Бестяхе (2012, 2013), Вилюйске и Кысыл-Сыре (2013), Алдане (2012), Нерюнгри (2012). Перечисленные населенные пункты расположены в центральной, западной и южной частях республики, они различаются по основным характеристикам, по социально-экономическому состоянию. Так, Нерюнгри, Мирный, Алдан представляют промышленно развитые (преимущественно горнодобывающие) районы, где преобладает русскоязычное население. В Вилюйском районе (улусе) сейчас преобладает коренное (якутское) население, только поселок газовиков Кысыл-Сыр, с резко сократившимся населением, является исключением (там проживает около 3500 русскоязычных). Якутск и Нижний Бестях расположены напротив друг друга по обоим берегам Лены, сейчас они заселены представителями различных национальностей. При этом можно отметить, что русскоязычное население существенно уменьшилось, увеличилась доля якутского населения, и в несколько раз стало больше среднеазиатского и кавказского населения. В результате, возросла актуальность изучения отношений, складывающихся между представителями различных конфессий и этносов, и вообще уровня религиозности сознания.

Исследование проводилось в рамках выполнения республиканского гранта по заказу Государственного комитета РС (Я) по науке для Департамента по делам народов. Социологические опросы проводили и составляли отчеты преподаватели СВФУ и ЯГСХА, сотрудник Института гуманитарных исследований. Хотелось бы представить некоторые фрагменты из отчетов, дающие представление о состоянии межрелигиозных и межнациональных отношений в республике. Конечно, приводимые данные отражают лишь об-

щественное мнение, их нельзя считать неоспоримыми, но они не беспочвенны, и заставляют задуматься, кое в чем настораживают. Несомненно, исследования такого рода следует проводить как можно чаще (идея постоянного мониторинга), используя различные методы, меняя места или точки опроса.

Многую были рассмотрены и проанализированы вопросы 3, 4, 15, 16, 17, 21 анкеты по социологическому исследованию «Этноконфессиональные отношения в Республике Саха (Якутия)». Данные социологического опроса были обработаны кандидатом социологических наук, научным сотрудником ИГИ РС (Я) Ю.И. Жегусовым, на основе чего был сделан анализ.

Анализ вопроса № 3. Как Вы оцениваете современную ситуацию в межэтнических/межнациональных отношениях?

Всего на этот вопрос ответили 1467 респондентов по 7 точкам опроса. Вопрос был разбит на варианты: по своему населенному пункту, по республике, по Российской Федерации.

3.1. Как Вы оцениваете современную ситуацию в межэтнических/межнациональных отношениях в населенном пункте, где проживаете?

Большинство респондентов оценивают ситуацию в своих населенных пунктах как нормальную, благоприятную — 73,2% в целом. Особенно высок показатель в Вилюйске (87,2%) и Нерюнгри (81,9%), относительно невысок в Якутске (69,4%) и Нижнем Бестяхе (66,8%). В Мирном и Алдане показатель близок к среднему: 74,6 и 79,1% соответственно. Особо следует отметить, что в поселке Кысыл-Сыр наиболее невысокий процент (60,7%) респондентов, полагающих, что у них с межнациональными/межэтническими отношениями все обстоит благополучно. Если сравнить с Вилюйском, находящимся в часе езды, получается разница в 26,5%. В этом случае можно высказать два замечания:

- 1) ответы респондентов зависят от преимущественно мононационального, либо многонационального состава населения их мест проживания;
- 2) ответы зависят от общей социально-экономической ситуации в сочетании с конкретными обстоятельствами и фактами.

Так, именно в относительно мононациональных городах Вилюйске, Нерюнгри, Алдане, Мирном показатель наиболее высок. Причем надо заметить, что в преимущественно сахаязычном Вилюйске уровень жизни и доходы заметно ниже, чем в остальных городах — среднемесячная заработная плата на одного работника составляет 24808,6 рублей. В соседнем поселке газиков Кысыл-Сыре, преимущественно русскоязычном, среднемесячная заработная плата на одного работника составляет 39062,1 рублей на одного работника — на 14253,5 рублей больше, чем в Вилюйске. Нетрудно сделать вывод, что в Вилюйске респонденты довольны преимущественно мононациональной средой, в которой живут,

несмотря на то, что их среднемесячная зарплата более чем в полтора раза меньше, чем в Кысыл-Сыре, где ответы респондентов во многом обусловлены ухудшением социально-экономической ситуации и переходом руководства в газовой компании к выходцам из Кавказа — дагестанцам. Парадокс в том, что Кысыл-Сыр, несмотря на продолжающуюся несколько последних лет деградацию, все равно превосходит по уровню среднемесячной зарплаты жителей Вилуйска — маленького города с привычной стабильностью в сочетании с некоторым ростом и оживлением. Если бы жителям Кысыл-Сыра гарантировали стабильность и неплохие в материальном плане перспективы, то их ответы вряд ли отличались бы от Алдана, Нерюнгри или Мирного, где также преобладает русскоязычное население. Поэтому ответы респондентов из газодобывающего поселка во многом объясняются тяжелой ситуацией и неблагоприятной конъюнктурой, что же касается непосредственно межнациональных/межэтнических отношений, то обострение здесь маловероятно. Что либо экстраординарное может произойти в том случае, если социально-экономические условия и дальше будут ухудшаться, и найдутся некоторые силы, способные этим воспользоваться, организовав протест с национальной окраской.

Интересно, что в газодобывающем поселке Кысыл-Сыр оценка межэтнических отношений связана с недовольством сменившимся руководством — теперь там руководство и контроль в руках кавказцев. Можно с уверенностью предположить, что раньше досаду вызывали якуты, представленные районным/улусным руководством, — следы этого заметны и сейчас. Так, в ходе собеседований с респондентами, выяснилось, что многие из них разочарованы равнодушием со стороны администрации, считают себя брошенными, чуть ли не преданными. Из этого видно, что здесь задействована **локальная, поселковая идентичность**, почти совпадающая с этнической, так как газодобычей занимались и занимаются преимущественно русскоязычные работники. При этом обнаруживается, что их идентичность проявляется в активном противопоставлении себя местному якутскому населению и новому кавказскому руководству, персоналу. Например, постоянно проживая в национальной республике, районе, практически в окружении якутских поселений, большинство жителей Кысыл-Сыра не владеют якутским языком. Респонденты шутили, что их дети почему-то получают хорошие оценки по якутскому языку, владея при этом минимальным набором слов.

3.2. Как Вы оцениваете современную ситуацию в межэтнических/межнациональных отношениях в Республике Саха (Якутия)?

На этот вопрос ответили 1460 респондентов.

Почти половина (46,7%) находят ситуацию нормальной, благоприятной, но немало и тех, кто находит ее напряженной, проблем-

ной — 36,8% в целом. Совсем мало тех, кто считает ее критической, взрывоопасной — 4,1% от общего количества. Незнакомых с ситуацией по республике 12,3%; их больше всего в Кысыл-Сыре — 19,9% и Мирном — 15,5%. Наиболее уверены в своем знании ситуации по республике респонденты из Якутска и Вилюйска — 7,4% и 8,5% соответственно. Представляется, что они могут экстраполировать ситуацию в своих населенных пунктах на республику в целом. Следует остановиться на ответах, где утверждается, что в межнациональных отношениях в республике сложилась напряженная, проблемная ситуация — почти каждый третий респондент, причем во всех 7 точках опроса, так считает. Представляется, что в области отношений между этносами, этническими группами вообще не может быть беспроблемной ситуации. Якутия как давно уже многонациональная территория накопила как положительный, так и отрицательный опыт межэтнического взаимодействия, и этот опыт продолжает расширяться. К исторически сложившемуся (традиционному) опыту русско-якутского взаимодействия в последние два десятилетия добавляется во многом еще неполный опыт взаимодействия с кавказскими, среднеазиатскими группами и диаспорами из дальнего зарубежья (например, с китайцами).

Из ответов респондентов можно заключить, что любые этнические группы считают Якутию в плане межнациональных отношений в целом спокойной территорией, хотя при этом совсем не идеализируют ситуацию. Представляется, что их оценки близки к реальности — республика никак не является кризисным регионом, зоной межэтнических конфликтов, но при этом в сфере межнациональных отношений накопилось немало проблем. Исторически так сложилось, что группы обычно не враждуют активно и открыто друг с другом; скорее наблюдаются взаимная отчужденность, малая интенсивность контактов. Отрадно, что основные группы населения — якуты (саха) и русскоязычные — не противопоставляют **региональную, республиканскую** и собственную **этническую идентичность**. В случае с якутами понятно, что они и не могут быть отчужденными от своей республики, так как ни с какой другой территорией они не могут себя прочно и легитимно идентифицировать. Что касается русских, то и они воспринимают республику как составную часть России, свое пребывание находят вполне естественным. К тому же Якутия состоит из районов с преобладанием, либо коренного, либо русскоязычного населения — соответственно, и те, и другие группы могут отождествлять себя со своими территориями компактного проживания, а тем самым и с республикой в целом.

3.3. Как Вы оцениваете современную ситуацию в межэтнических/межнациональных отношениях в Российской Федерации в целом?

На этот вопрос ответили 1450 респондентов.

Тут видно, что многие склонны находить ситуацию напряженной, проблемной — 637 респондентов (43,9%), что на 7,1% выше показателя по Якутии, и на 23,4% выше показателя по пункту проживания. Наверное, играет свою роль и сложившиеся у немалой части населения представления о России как опасной территории, изобилующей межнациональными конфликтами. Лишь 20% находят ситуацию нормальной, благоприятной, что на 26,7% ниже показателя по республике в целом. Лишь процент не знающих ситуации по стране довольно велик — 19,4%. В целом выстраивается довольно логическая цепь: люди уверены в знакомстве с проблемой у себя дома, по отношению к республике уверенность падает почти вдвое, чтобы достичь самой низкой отметки по отношению к стране. Все-таки в Нерюнгри оптимизм по отношению к ситуации в России выше, чем в остальных точках опроса — 25,9% выбрали вариант «нормально, благополучно», незнакомых только 15,2%. Это показывает, что нерюнгринцы чаще других имеют возможность бывать за пределами республики — так, они обнаруживают себя более информированными, чем жители Мирного. Также можно думать, что Нерюнгри является во всех отношениях намного более открытым городом, в сравнении с Мирным — оазисом относительного материального благополучия, особо курируемым местом.

Ответы на этот вопрос весьма показательны, так как видна следующая тенденция: локальная, например поселковая идентичность позитивнее региональной, республиканской, которая в свою очередь позитивнее общефедеральной, общенациональной. И все это сопрягается с этнической, в основном стабильной идентичностью. Так, русскоязычные респонденты все же позитивнее оценивают ситуацию в межнациональных отношениях в Российской Федерации, чем якутские респонденты. Во-первых, они чаще бывают за пределами республики и относительно знакомы ситуацией, во-вторых, проявляется фактор воображаемого сообщества — многие считают, что в стране в целом ситуация благополучная, и не может быть иной. Любопытно, что оценки состояния межнациональных отношений по республике и по стране в целом несколько различны у якутских и русскоязычных респондентов — можно сказать, что обнаруживается некий водораздел. Республиканская идентичность для якутов (саха) позитивнее, чем для русскоязычных, в свою очередь и общероссийская идентичность позитивнее для русскоязычных, чем для якутов.

Анализ вопроса № 4. Приходилось ли Вам сталкиваться с недоброжелательным отношением к Вам из-за Вашей национальности?

Всего на этот вопрос ответили 1564 респондента по 7 точкам опроса.

В целом 40,2% респондентов не сталкивались с подобным отношением. Ответы сильно варьируются в зависимости от точки опроса, начиная с Алдана (54,2%) и кончая Кысыл-Сыром (32,7%), Якутском (32,6%) и Нижним Бестяхом (25,8%). И по противоположному ответу (часто приходилось сталкиваться с недоброжелательным отношением к себе из-за национальности) выделяются Нижний Бестях (15,3%) и Кысыл-Сыр (15%). Объяснение этому следует искать в следующем:

1) резкое изменение этнического состава населения, увеличение доли инонационального (и вообще нового) населения;

2) ухудшение социально-экономической и, соответственно, социально-психологической ситуации;

3) быстро происходящие большие перемены, экономическое развитие, рост.

Так, наиболее близки ответы респондентов из Нижнего Бестяха и Кысыл-Сыра — двух небольших поселков, где в последние годы произошли большие перемены. В одном случае наблюдаются бурное экономическое развитие и рост, превращение русскоязычного населения (когда-то доминировавшего) в одну из групп, наряду с якутами/саха и выходцами из Средней Азии. В другом случае имеет место многолетняя деградация, сопровождающаяся массовым выездом русскоязычного населения — некогда многолюдный поселок газовиков Кысыл-Сыр сейчас имеет около 3500 жителей. Любопытно, что только 6% респондентов из Вилюйска считают, что к ним плохо относятся из-за их национальности — в 2,5 раза меньше, чем респонденты из Кысыл-Сыра. Следовательно, ответ на этот вопрос показывает, скорее, не фактическую картину (ее не может быть из-за самой расплывчатой формулировки вопроса), а является достаточно четким индикатором социального самочувствия. Так, жители Алдана наиболее уверены в себе, так как 54,2% респондентов не терпели неудобств из-за национальности, а сталкивались с недоброжелательством только 4,1%, в то время как в целом — 9,3%. В этом плане их ответы наиболее “благополучны”, оптимистичны — Алдан «опережает» Мирный и Нерюнгри, где, казалось бы, социальное самочувствие должно быть не хуже. Но, судя по ответам, прочная средняя стабильность — особого роста, либо резкого падения нет, этнический состав населения существенно не изменился — вообще способствует уверенности в себе, отсутствию фрустрации. В известной мере ответы алданских респондентов сопоставимы с данными по Вилюйску, где тоже нет особых перемен,

хотя там процент тех, кто не сталкивался с недоброжелательством из-за своей национальности на 12,2% ниже и составляет 42%. Пострадавших из-за национальности среди вилюйских респондентов 6%, что на 1,9% выше, чем в Алдане, но на 3,3% ниже, чем в целом – 9,3%. Вероятно, из этого можно сделать вывод, что до сих пор якутское население сохраняет большую тревожность, чем русскоязычное население.

Представляется странным, что только 35 респондентов (2,2%) из общего массива затруднились ответить на этот деликатный и непростой вопрос, для остальных ответ представляется очевидным. Это свидетельствует о том, что большинство респондентов действительно сталкивались с этнически обусловленным отношением к себе, либо допускают, что оно вполне может быть. Действительно, население Якутии исторически разделено по национальному признаку, часто совпадающему с расовым признаком – двумя полюсами являются якуты/саха и примыкающие к ним, русскоязычные. Своего рода «конкуренция» между ними за лидерство в республике, либо в отдельных ее районах, городах и поселках определяет фон межэтнических отношений.

Анализ вопроса № 15. Там, где Вы живете, случались или не случались конфликты между людьми разных национальностей?

Всего на этот вопрос ответили 1535 респондентов по 7 точкам опроса.

В ответах замечен большой разброс: считают, что межнациональных конфликтов не было 58% респондентов из Вилюйска и только 15,5% из Кысыл-Сыра, что такие конфликты были, утверждают 60% респондентов из Нижнего Бестяха и 24% из Вилюйска. Опасно, что в Якутске тех, кто считает, что конфликты были, больше, чем тех, кто их отрицает – 47,4% против 33,9%. Удивительно, что в благополучном во всех отношениях, по сравнению с другими, Мирном, 54,7% респондентов полагают, что конфликты имели место (это близко к показателю Нижнего Бестяха, даже на 2,7% превышает показатель Кысыл-Сыра). В целом можно сказать, что ответы на этот вопрос являются, скорее, индикатором социального самочувствия, так как не ясно, что респонденты подразумевают под межнациональным конфликтом, на каком основании они утверждают, что таковые конфликты были у них. Видно, что в относительно крупных городах выше готовность допустить возможность конфликтов на национальной почве, хотя в Южной Якутии (Алдан и Нерюнгри) тревожность ниже, чем в Мирном, Нижнем Бестяхе, Кысыл-Сыре. Вероятно, не следует исключать потенциальную возможность русско-якутских конфликтов, так как за постоянным шумом о возмутительном поведении кавказцев (особенно) и выходцев из Средней Азии, забывается, что и отношения между двумя наиболее крупными этническими группами в республике далеки от идиллии.

Анализ вопроса № 16. По Вашему мнению, следует или не следует ограничить въезд представителей некоторых национальностей в нашу республику?

Всего на этот вопрос ответили 1537 респондентов.

Настораживает, что практически около половины респондентов (от 47,2% в Нерюнгри до 68,7% в Кысыл-Сыре) полагают, что следует вводить ограничения для въезда в республику для ряда национальностей. Только меньшинство — от 15,6% в Кысыл-Сыре до 30,2% в Нерюнгри — считают, что никаких ограничений по национальному признаку для въезда не может быть. Колеблющихся тоже достаточно — от 12,5% в Вилуйске до 24,2% в Якутске. Ясно, что в своих ответах на этот вопрос респонденты руководствовались своими фобиями, вроде страха потерять работу, либо оказаться в чуждом окружении, а также обнаружили имеющиеся у них ксенофобские установки. Выявляются такие приблизительно группы: Алдан, Нерюнгри и Вилуйск (относительно спокойные), Якутск, Нижний Бестях и Мирный (непокойные), Кысыл-Сыр (тревожность). Интересно, что в Якутске сторонников запретов больше, чем в Нерюнгри на 10,9%, что показывает и веру в действенность административных ресурсов, и недовольство приездом из Кавказа и Средней Азии. Что касается Нерюнгри, то, несмотря на наличие значительных национально обусловленных фобий (что видно из ответов на другие вопросы), респонденты вполне осознают, что многие из них сами приезжие, могут уехать, и, вероятно, готовы были бы к приезду русскоязычного населения. Ответы респондентов из Мирного объясняются тем, что его жители не желали бы поступиться своим материальным благополучием в пользу приезжих. Причем известно, что немалые опасения у мирнинцев именно в отношении якутов, особенно из близлежащих вилуйских улусов. Ответы из Кысыл-Сыра отражают тревогу русскоязычных жителей этого газодобывающего поселка, находящегося одновременно в состояниях глубокой и затяжной депрессии, и неминуемого коренного изменения этно-демографической ситуации в будущем.

Анализ вопроса № 17. Если Вы считаете, что следует ограничивать въезд представителей некоторых национальностей в нашу республику, то каких национальностей?

Ответы на этот открытый вопрос исключительно трудно анализировать, так как в них наблюдается своего рода хаос — фобий обнаруживается множество, есть немало бестолковых и издевательских, несерьезных ответов. Впрочем, выясняется, что наиболее нежелательны выходцы из Средней Азии и Кавказа, китайцы и цыгане. Есть высказывания и против евреев, корейцев и других. Складывается мнение, что русскоязычные

и якуты/саха почти в унисон протестуют в основном против въезда азиатов — как из национальных республик Российской Федерации, так и ближнего (СНГ) и дальнего зарубежья. По отношению к не азиатам, имеются высказывания против украинцев, в отношении остальных есть единичные ответы. Эти ответы любопытны не только тем, что вполне соотносятся с предыдущими вопросами и ответами, но и обнаруживают общее неприятие коренным и старожильческим населением республики новопривыбывшего населения. При этом рушатся все стереотипы и ожидания, вроде взаимных симпатий тюркских и вообще азиатских народов, чего вообще не видно. Ни языковое родство, ни расовая близость якутов/саха и части новопривыбывшего населения не способствуют пока взаимопониманию, тем более к симпатии по отношению друг к другу. Скорее всего, три мощных фактора — ислам, общинные, клановые интересы, конкуренция на рынке труда и в сфере бизнеса — препятствуют сближению новопривыбывшего и коренного, старожильского населения. Кроме того, играют роль и значительные культурные и психологические различия — многим известны, и многих раздражают некоторые стереотипы поведения кавказцев и выходцев из Средней Азии (нарочитая мужественность, бравость, двуличие, неприятное сочетание грубости и вежливости, раболепия и высокомерия и другое). Также следует учесть разницу в быту: непривычная кухня, свой семейный уклад, своя система воспитания, иные гигиенические привычки (особенно у мусульман) и так далее.

Анализ вопроса № 21. Какие принципы межнационального взаимодействия из перечисленного больше подходят для России?

На этот вопрос ответили 1461 респондент, при этом явно доминирует такой принцип как дружба народов — выбор 847 респондентов (58 % из общего количества). Толерантность и мирное сосуществование идут во вторую и третью очередь — 13,6 и 17,1 % соответственно. Остальные принципы явно в положении аутсайдеров: например, «Россия для русских» выбрали только 4 % (59 человек) респондентов. Лишь в Нерюнгри этот показатель равен 10,4 % (17 респондентов). Это значит, что почти каждый третий респондент, выбравший этот явно националистический лозунг, из Нерюнгри, а доля респондентов из этого города в общем массиве: 163 из 1461 (каждый девятый — около 11 %). Любопытно, что в Нерюнгри выбравших принцип «дружба народов» на 19,9 % ниже, чем в Алдане — тоже русскоязычном промышленном городе, лежащем на полпути между Якутском и Нерюнгри. Для сравнения: 233 алданских респондента из общего массива в 357 человек, считают, что межнациональные отношения в России должны строиться на дружественной основе, а в Нерюнгри так считает 74 респондента из 163 опрошенных в целом. По-

этому можно заключить, что немало нерюнгринцев предпочли бы политику, строящуюся на выделении русских, на предпочтении их интересов: 19,6% респондентов выбрали такие варианты, как «Россия для русских», «все народы России должны быть в первую очередь русскими», «народы России должны отказаться от своей веры и объединиться вокруг православия». Несколько близки к показателям Нерюнгри ответы из поселка Кысыл-Сыр: 14,4% респондентов выбрали три указанных принципа, что все-таки на 5,2% ниже. При этом в Кысыл-Сыре наиболее высок процент выбравших нейтральный принцип «Народы России должны сосуществовать мирно, не вступая в близкие отношения» — 22%, как и в Нижнем Бестяхе — 23,3%. Но в Нижнем Бестяхе 14% респондентов выбрали принцип «Местные жители должны терпимо относиться к приезжим, даже если они доставляют неудобства», а в Кысыл-Сыре такой вариант выбрали только 6,8%. Интересно, что в Вилюйске такой «толерантный» принцип выбрали 17,8% респондентов (выше на 4,2%, чем в среднем).

Анализ ответов на этот вопрос показывает, что, несмотря на наличие ксенофобии и националистических предрассудков, убеждений, население Якутии в целом не рассматривает новоприбывшее население как смертельных врагов, радикально националистических установок по отношению к ним нет у большинства местного населения. Ответы по точкам опроса очень разнятся между собой, отражают мнение и выявляют стереотипы, характерные для жителей. По ним можно сделать выводы касательно фобий, уверенности или неуверенности, надежд на будущее. Видно, что многие жители русскоязычных городов и поселка Кысыл-Сыр желают сохранения в целом сложившегося этнического состава, уклада жизни, стабильности, что вполне ожидаемо и объяснимо. Во многом близки позиции Якутска, Алдана и Мирного: именно респонденты из этих городов настроены наиболее спокойно, и выбирают наиболее позитивные варианты ответов. При этом этнический состав в них совершенно несхожий, облики городов и образы жизни, прошлое и перспективы скорее различны. Наибольшая тревожность характерна для респондентов из Кысыл-Сыра, в какой-то степени из Нижнего Бестяха и Нерюнгри. При этом названные населенные пункты скорее непохожи, сходного в них мало. Стоит отметить страхи и тревоги русскоязычного населения — видимо, на фоне общего сокращения численности и динамичных изменений (кроме Нерюнгри, где больших изменений нет).

Можно сделать вывод, что в нашей республике у основного коренного народа преобладает позитивная идентичность, что отмечали другие исследователи (например, У.А. Винокурова). Уровень религиозности невелик у якутов, несмотря на декларируемую приверженность православию

(фактор воображаемого сообщества). У русскоязычных респондентов тоже позитивная идентичность, хотя проявляются тревоги, фобии обусловленные пребыванием в национальной республике, ухудшением социально-экономических условий.

Примечания:

Участники (эксперты) Делфи-опроса, проведенного 8–9 августа 2013 г. в поселке Нижний Бестях Мегино-Кангаласского района (улуса):

1. Афанасьева Тамара Романовна — директор МБУ СКИЦ МО п. Нижний Бестях; 89142610832; Эл. адрес: 47232s@mail.ru. Заслуженный работник культуры РС(Я), саха, возраст — более 60 лет, живет в с. Майя (там же и родилась).

2. Бор Георгий Михайлович — глава МО Поселок Нижний Бестях; 89146647660 (или 89146697660). Украинец, родом из Сумской области, из возрастной категории 50–59 лет.

3. Варламова Надежда Михайловна — ГБУ РС(Я) Транспортный техникум, зав. заочным отделением; 89142258281; ttnb2011@yandex.ru. Отличник образования РС(Я), саха, живет в с. Майя (там же и родилась).

4. Данильченко Татьяна Ивановна — Гос. учреждение МК РС(Я), педагог-психолог; 89246610291. Родом из Казахстана, русская, из возрастной категории 50–59 лет.

5. Колесова Виктория Иннокентьевна — учитель и социальный педагог Вечерней школы п. Нижний Бестях; 89248611373. Родилась в с. Бютейдах Мегино-Кангаласского района Якутской АССР, якутка.

6. Лебедев Николай Егорович — подполковник полиции, начальник отделения (МВД РФ по Мегино-Кангаласскому району); 47555 (служебный телефон). Родился в п. Батагай Верхоянского района, из возрастной категории 40–49 лет, якут.

7. Титов Феликс Спартакович — председатель административной комиссии Администрации Мегино-Кангаласского района/улуса; (41143) 47546; felixt@mail.ru. Родился в Мегюренском наслеге Мегино-Кангаласского района/улуса, живет в с. Майя, по национальности — саха. В прошлом Ф.С. Титов (историк по образованию) работал преподавателем культурологии в Якутском государственном университете.

Опрос проводился среди различных фокус-групп населения поселка Нижний Бестях сотрудниками межфакультетской учебно-научной лаборатории СВФУ «Философские основы гражданской культуры» В.В. Михайловой, П.Н. Жондоровым, Н.С. Павловой по теме межэтнических и межконфессиональных отношений.

Примерный сценарий опроса

1. Знакомство с аудиторией и объявление темы разговора: значение/актуальность вопросов, связанных с религией и национальностью, краткое ознакомление тем, что уже проведено в Мирном, Алдане, Нерюнгри, Якутске, Вилюйске и Кысыл-Сыре. Время — 3–4 минуты. Предупредить о регламенте и попросить говорить только по существу вопросов.

2. Пустить лист присутствия: ФИО, род занятий, возраст.

3. Скажите, пожалуйста, кем Вы себя ощущаете, осознаете в первую очередь? Какова Ваша идентификация? Все говорят по очереди — не более 6–7 минут.

4. Какое место занимает в Вашей жизни религия, вера? Считаете ли Вы себя верующим, маловерующим, либо неверующим человеком? Во что Вы верите? Время — от 5 до 8 минут.

5. Какое значение имеет для Вас Ваша национальная/этническая принадлежность? Что роднит Вас с Вашим народом? Время: 5–6 минут.

6. Приходилось ли Вам сталкиваться с недоброжелательным отношением из-за национальной/этнической принадлежности? Время: 3–4 минуты.

7. Можно ли считать Республику Саха (Якутия) территорией мира и согласия? Доводы за и против. А поселок Нижний Бестях каков в этом отношении? Время: от 4 до 8 минут.

8. Должны ли религии, конфессии (вероисповедания) оказывать влияние на принятие государственных решений? Доводы за и против. Время: от 4 до 8 минут.

9. Какие из внутренних проблем Республики Саха (Якутия) беспокоят Вас прежде всего? В отношении Вашего поселка какие самые острые проблемы можно отметить? Время: от 5 до 10 минут.

10. Религию, веру можно считать разъединяющим или объединяющим фактором? Доводы за и против. Время: от 4 до 7 минут.

11. Какие религии и национальности Вам близки, дружелюбны, и какие религии, национальности не близки, не симпатичны Вам? Это можно ответить на листке бумаги — заранее дать респондентам.

12. Представителей каких религий, национальностей Вы бы хотели видеть главами муниципальных образований, депутатами, чиновниками, сотрудниками силовых ведомств? Это можно ответить на листке бумаги — заранее дать респондентам.

13. Существуют ли, по Вашему мнению, экстремистские, националистические организации в Республике Саха (Якутия), либо в Вашем поселке? Время: 3–4 минуты.

14. Каковы Ваши пожелания, предложения в области этноконфессиональных отношений? Время: 5–8 минут.

15. Завершение опроса по фокус — группе.

Продолжительность опроса респондентов по фокус — группе: от 50 минут до 1 часа 15 минут. Реальное время может быть около 1–1,5 часов.

Наиболее интересные фрагменты из опросов:

1. Замечание сотрудника администрации: мечеть в Нижнем Бестяхе больше, чем мечеть. Это центр межэтнического взаимодействия, консолидации.

2. Замечание имама (узбека): в христианстве слишком много реальности, что отталкивает.

3. Узбекская семья: дочь в возрасте 21 года отправляют обратно в Ошскую область Кыргызстана, чтобы выдать там замуж. У ней 8 классов образования, работала в магазине (сидела на кассе).

4. Немало приезжих из Средней Азии знают по-якутски, по крайней мере, многие понимают, что выгодно отличает их от многих русскоязычных старожилов.

5. Русская с Нефтебазы: ощущаем себя букашками, бесправными и бессильными.

6. Хороший магазин (торговый центр) — «Бону» принадлежит узбекам.

7. Строится небольшая православная церковь — говорят, на собственные средства.

8. Быстро построен Дом олонхо (красивое и достаточно просторное здание).

9. Замечание в полиции: наркомания есть везде, в Нижнем Бестяхе издавна употребляли наркотики.

10. В мечети в пятницу много людей, активность верующих высока. Употребляются русский и узбекский языки, молитвы читаются по-арабски.

Часть 6. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКРЕАЦИОННОГО ТУРИЗМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ МЕСТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ

Одной из важных социальных задач в нашей республике, является забота о здоровье людей. Это, кроме улучшения системы здравоохранения, требует организации курортов, пансионатов, домов и зон отдыха, рекреационно-восстановительных территорий.

Популярными и перспективными местами отдыха в республике являются уникальные озера и местности, заповедники, охотничьи угодья, где благодаря сочетанию рекреационных факторов возможна комплексная организация центров с разнообразными туристскими предложениями.

Главным фактором развития рекреационного туризма является — экономически выгодное географическое положение туристического комплекса, транспортная доступность, наличие электроэнергии и телефонной связи, близкое расположение сельских поселений. Все это может обеспечить высокую рентабельность туризма при условии организации хорошего сервиса. Рекреация в Якутии может, во-первых, носить познавательный эколого-исторический и ландшафтно-географический характер и быть близкой экологическому туризму, во-вторых, стационарной и полу стационарной в экзотических сухих сосняках и у грандиозных рек и озер, в-третьих, рекреацией для этнографов, в-четвертых, рекреацией для гурманов и любителей рыбалки и охоты. Тем более, что ценные виды ягод, рыб и жеребятина в регионе имеются [5].

Учитывая результаты маркетингового анализа экономико-географических, рекреационных условий, был разработан проект для развития экологического и рекреационного туризма на территории Мегино — Кангаласского района Центральной Якутии по направлению «Предоставление услуг на комплексное применение традиционно используемых ресурсов местности».

Целью работы было показать многообразие природных ресурсов местности, и возможности их перспективного использования в Центральной Якутии в рекреационных целях.

В связи с этой целью поставлены нижеперечисленные задачи:

- изучение и анализ тенденции развития туристско-рекреационного направления в России и в Республики Саха (Якутия).
- составление характеристики отдельных природных и социально-бытовых рекреационных условий исследуемой местности;

– рассмотрение видов рекреационного туризма, получившего распространение в Центральной Якутии и разработка туристической программы.

Анализ общей характеристики и тенденции развития туристско-рекреационных комплексов в Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) – важнейший фактор развития всей российской туристической индустрии. Без знания о методах исследования, оценки и использования которых невозможно осуществить грамотное развитие туризма и отдыха. В условиях рыночной экономики, когда рынок российского туризма развивается крайне неравномерно, современный работник сферы туристического сервиса должен осознавать, что рекреационные ресурсы ограничены.

Рекреационные ресурсы условно можно подразделить на *природные* и *культурно-исторические (социально-культурные)*.

Природные ресурсы туризма классифицируют:

- по принадлежности к определенным компонентам природной среды (климатические, водные, лесные и т.д.);
- по функциональному назначению (оздоровительные, познавательные);
- по иссякаемости (иссякаемые: объекты охоты, рыбалки и неиссякаемые: солнце, морская вода);
- по возобновляемости (возобновляемые: растения, животные и не возобновляемые: лечебные грязи, памятники культуры).

Социально-экономические ресурсы включают:

- культурно-исторические объекты (памятники и памятные места, музеи, архитектурные ансамбли);
- культурно-исторические явления (этнографические, религиозные);
- экономические (финансовые, инфраструктурные, трудовые)¹³¹.

Характеристика природных рекреационных ресурсов по основным ландшафтно-климатическим зонам позволяет оценить эти зоны в сравнении (по богатству этих ресурсов), что способствует выявлению наиболее эффективных направлений развития курортной сети нашей страны.

Как известно, порядка трети территории России занимает зона тайги. Вся она потенциально благоприятна для активной климатотерапии. Вместе с тем, отрицательное воздействие оказывает наличие кровососущих насекомых, причиняющих большое беспокойство людям и животным и создающих дискомфортные условия для лечения и отдыха на открытом воздухе. Серьезной проблемой также является эпидемиологическая обстановка в определенные годы. Наибольшее богатство в плане рекреационных ресурсов представляют зоны смешанных лесов и лесов

¹³¹ Балабанов И.Т., Балабанова А.И. Экономика туризма: Учеб. пособие – М.: Финансы и статистика, 2002.

степи. Именно здесь складывались и сохранились наиболее благоприятные для населения России условия существования и жизнедеятельности, которые могут представлять экологический оптимум для развития цивилизации в Восточной Европе и части Сибирского края. Именно здесь сформировалась уникальная русская культура в ее расширенном понимании с учетом будущего ее устойчивого развития. В этой связи рекреационные условия этой особой зоны наиболее благоприятны для сознательного труда в рекреации, которая всегда может быть рядом и ее не заменят кратковременные и надоедливые, хотя и экзотически-познавательные курорты.

Что касается рекреационных ресурсов полупустынной и пустынной зон, то ландшафтные условия их малоблагоприятны для развития курортного строительства, за исключением отдельных оазисов. Весьма благоприятна для размещения курортных здравниц средиземноморская зона, включающая в себя влажные и сухие субтропики. Однако развал СССР значительно сократил в этом плане рекреационные возможности России. Из горных областей наибольший интерес представляет Кавказ¹³².

В комплексе рекреационных ресурсов особое место занимают социально-культурные ресурсы, расположенные в городах и сёлах и на межселенных территориях и представляющие собой наследие прошлых эпох общественного развития. Они служат предпосылкой для организации культурно-познавательных видов рекреационных занятий, на этой основе оптимизируют рекреационную деятельность в целом, выполняя достаточно серьёзные воспитательные функции.

Образуемые культурно-историческими объектами пространства в известной мере определяют локализацию рекреационных потоков и направления экскурсионных маршрутов.

Культурно-исторические объекты подразделяются на материальные и духовные. Материальные охватывают совокупность средств производства и других материальных ценностей общества на каждой исторической стадии его развития, а духовные — совокупность достижений общества в образовании, науке, искусстве, литературе, в организации государственной и общественной жизни, в труде и быте. Фактически не всё наследие прошлого относится к культурно-историческим рекреационным ресурсам. К ним принято причислять только те культурно-исторические объекты, которые научными методами исследованы и оценены как имеющие общественное значение и могут быть использованы

¹³² Гаврилова М.К. Климат Центральной Якутии. — Якутск, 1962.

при существующих технических и материальных возможностях для удовлетворения рекреационной потребности некоторого множества людей в течение определённого времени.

Среди культурно-исторических объектов ведущая роль принадлежит памятникам истории и культуры, которые отличаются наибольшей привлекательностью и на этой основе служат главным средством удовлетворения потребностей познавательно-культурной рекреации. В зависимости от их основных признаков, памятники истории и культуры подразделяются на 5 основных видов: истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства, документальные памятники. Так, к памятникам истории могут быть отнесены здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства.

Памятники археологии — это городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов.

Наиболее характерны для памятников градостроительства и архитектуры следующие объекты: архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кварталы, площади, улицы, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов; сооружения гражданской, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества, а также связанные с ними произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного, садово-паркового искусства, природные ландшафты¹³³.

К памятникам искусства относятся произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного и иных видов искусства. Документальные памятники — это акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы, кино-фотодокументы и звукозаписи, а также древние и другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания¹³⁴.

К культурно-историческим предпосылкам рекреационной отрасли можно отнести и другие объекты, связанные с историей, культурой и современной деятельностью людей: оригинальные предприятия промышленности, сельского хозяйства, транспорта, научные учреждения, высшие учебные заведения, театры, спортивные сооружения, ботанические

¹³³ Зорин И.В., Квартальнов В.А. Туризм: Монография. — М.: Советский спорт, 2001.

¹³⁴ Ковалев С.А. География и туризм. — М.: Мысль, 1973.

сады, зоопарки, океанарии, этнографические и фольклорные достопримечательности, кустарные промыслы, а также сохранившиеся народные обычаи, праздничные обряды и т.д. Все объекты, используемые в познавательно-культурной рекреации, подразделяются на две группы — недвижимые и движимые.

Первую группу составляют памятники истории, градостроительства и архитектуры, археологии и монументального искусства и другие сооружения, в том числе и те памятники искусства, которые составляют неотъемлемую часть архитектуры. С позиций познавательно-культурной рекреации, важно то обстоятельство, что объекты этой группы представляют собой самостоятельные одиночные или групповые образования.

Ко второй группе относятся памятники искусства, археологические находки, минералогические, ботанические и зоологические коллекции, документальные памятники и другие вещи, предметы и документы, которые можно легко перемещать. Потребление рекреационных ресурсов этой группы связано с посещением музеев, библиотек и архивов, где они обычно концентрируются.

Для рекреационных ресурсов характерна социокультурная пространственная и временная относительность. В зависимости от исходной точки зрения и времени оценки один и тот же объект может оцениваться различно¹³⁵.

Состояние туристско-рекреационного потенциала России. Проблемами рекреационных ресурсов занимается рекреационная география, которая изучает географические закономерности деятельности человека вне рабочего времени: отдыха или оздоровления. С рекреационными ресурсами связан такой вид человеческой деятельности, как туризм. В странах, где особенно сильно развит туризм, природно-рекреационные ресурсы сочетаются с культурно-историческими достопримечательностями¹³⁶.

Поскольку сфера туризма по контингенту обслуживаемых, и по характеру учреждений для их обслуживания во многом совпадает со сферой рекреации, так как трудно установить, кто именно пользуется данной услугой, то изучение географии рекреации и туризма объединяется в одну дисциплину.

Туризм является одним из наиболее эффективных способов удовлетворения рекреационных потребностей. Он сочетает в себе не только

¹³⁵ Балабанов И.Т., Балабанова А.И. Экономика туризма: Учеб. пособие — М.: Финансы и статистика, 2002.

¹³⁶ Козлов В.Н., Филиппович Л.С., Чалая И.П. и др. Рекреационные ресурсы СССР: Проблемы рационального использования. — М.: Наука, 1990.

отдых, оздоровление, но и культурно-познавательную деятельность и общение. Широко распространён экскурсионный туризм с заранее объявленной культурной программой. В зависимости от целей путешествия подразделяют туризм спортивный, любительский, с социальными целями, деловой (ярмарки, конгрессы), религиозный и т.д. В соответствии со средствами передвижения различают туризм водный, пешеходный, железнодорожный, конный, лыжный, вело-, мото — и автотуризм¹³⁷.

Колоссальное возрастание рекреационных потребностей и вместе с тем возможностей для их удовлетворения произошло в XX в.

В результате прогресса в экономическом и социальном развитии, высоких темпов урбанизации, произошло формирование рекреационного хозяйства как отрасли экономики: соответственно возникло и направление географической науки, исследующее территориальные системы, формируемые этой отраслью. В международном масштабе отрасль условно называли туризмом. Были созданы такие организации, как Международный союз официальных туристических организаций (1947), Всемирная туристская организация (1975). В 70–80-е годы принимается ряд международных документов, в том числе «Хартия туризма»; 1967 г. был объявлен Международным годом туризма¹³⁸.

В Советском Союзе рождение рекреационной географии относится ко второй половине 60-х годов. Это была реакция на бурный рост рекреационных потребностей населения при остром дефиците средств их удовлетворения. Спрос на рекреационные услуги (с учётом их относительной дешевизны, поскольку они носили социальный характер) превышал предложение, как и в отношении других товаров и услуг. В годы рыночных реформ 90-х годов потребность в рекреационно-географических исследованиях снова возросла, но уже по прямо противоположной причине. Платёжеспособный спрос на рекреационные услуги при сокращении дотаций из общественного фонда резко упал. Основная часть населения лишилась доступа к услугам по коммерческим ценам, а состоятельные люди переключились на заграничный отдых, учитывая его новизну, престижность и более высоких стандартов качества услуг¹³⁹.

Основным объектом изучения рекреационной географии является ТРС — территориально-рекреационная система, понятие о которой было разработано В.С. Преображенским и Ю.А. Ведениным. Особый характер

¹³⁷ Ковалев С.А. География и туризм. — М.: Мысль, 1973.

¹³⁸ Храбовченко В.В. Экологический туризм: Учеб.-метод. пособие. — М.: Финансы и статистика, 2003.

¹³⁹ Козлов В.Н., Филиппович Л.С., Чалая И.П. и др. Рекреационные ресурсы СССР: Проблемы рационального использования. — М.: Наука, 1990.

приобретают эти системы в условиях рыночной экономики. Это специализированные территории, которые предназначены для обеспечения рекреации и получения дохода за счёт учреждений, связанных с обслуживанием приезжих.

В 60-е годы перед географией стоял вопрос, как наиболее эффективно развивать территориальную организацию отдыха, достичь нормативного обеспечения. Теперь же задача иная — найти пути привлечения отечественных и особенно иностранных туристов в свои курортно-оздоровительные учреждения, обеспечения доходов от рекреационной отрасли.

Прежде рекреационно-географические исследования нацелены на выявление новых пригодных для рекреации территорий, проектирования развития в них сети рекреационных учреждений, призванных ликвидировать острый их дефицит, обеспечить нормативы обеспечения населения услугами. Ныне задача иная — выявление и мобилизация территориальных ресурсов, которые могут привлечь платёжеспособный спрос на рекреационные услуги, поиск способов расширения ассортимента предоставляемых услуг с целью повышения доходов от туризма, увеличение числа рабочих мест. Это касается и районов с уже сложившейся рекреационной специализацией, и таких районов и городов, где развитие въездного туризма должно способствовать выходу из экономического кризиса¹⁴⁰.

Характеристика туристско-рекреационных ресурсов РС(Я.) Республика Саха(Якутия) входит в состав Дальневосточного федерального округа. Общая площадь региона 3103 тыс. км². Население насчитывает 955 580 человек. Природа региона весьма своеобразна. Зона тайги доминирующая (44 % от общей площади). Зона высотной поясности занимает около 35 %, а зона тундр и лесотундр, соответственно, 11 и 9 % от общей площади региона. Горы, плоскогорья и плато занимают не менее 2/3 территории региона. Климат северной тайги резко континентальный, очень суровый, с жесткой и морозной длительной зимой, с продолжительным периодом полярной ночи в Заполярье.

Суровые природные условия, удаленность от основных районов сосредоточения населения, редкая сеть путей сообщения предопределили очаговый характер развития туризма в регионе. Однако северная его часть — огромная горная страна — обладает ресурсом мирового значения, пока еще не открытым туристскими рынками мира.

Здесь находятся древняя область дожившей до современности мерзлотной зоны, гигантская наледь в долине реки Момы, полюс холода

¹⁴⁰ Балабанов И.Т., Балабанова А.И. Экономика туризма: Учеб. пособие — М.: Финансы и статистика, 2002.

в Оймяконе, уникальное место захоронений мамонтовой фауны. Немалые резервы для развития туризма таятся в береговой и островной части региона, на берегах и островах р. Лена и ее притоков, а также в формирующейся сейчас сети национальных парков. Этот район обладает большим туристским потенциалом для развития лицензионной охоты. Значительные рыбные запасы как по видовому составу, так и по количеству рыб.

Главные туристские ресурсы сосредоточены в южной, центральной и в северо-восточной частях региона. В южной части более мягкие климатические условия. Например, продолжительность благоприятного периода для летних видов отдыха составляет 60 дней. К тому же эта часть региона более освоена. Здесь же сосредоточены важнейшие промышленные центры, транспортные (автодорожные и водные) магистрали, проложены трассы основных водных, к Ленским столбам например, и пешеходных маршрутов. Кстати, Ленские столбы тянутся вдоль правого берега на 500 км. Между селениями Петровское и Тит-Алы сплошная стена столбов, разделенная ущельями притоков Лены¹⁴¹.

В целом для региона с позиций ресурсного потенциала рекреационно-туристская отрасль признана одной из приоритетных. Так, весьма значительны здесь ресурсы минеральных вод. Достаточно широко используются на местных курортах сульфидные иловые грязи. В последние годы выявлены и сапропелевые грязи.

Основу ресурсного потенциала составляют нетронутая природа, русские и якутские историко-культурные объекты; предметы быта, достижения национального хозяйства, в том числе породы скота, в целом всё, что позволило тюркско-якутскому народу выжить в этих суровейших условиях; этнографическое наследие.

Традиционны для Якутии:

- 1) обработка кости (оленьи рога, ископаемые бивни мамонта);
- 2) выделка оленьих и звериных шкур;
- 3) изготовление обуви и одежды из кожи и меха и разнообразных кожаных изделий;
- 4) изготовление деревянных предметов обихода (мебель, резные коновязи, сосуды для кумыса, «чороны» и т.д.);
- 5) развивающаяся якутская ювелирная промышленность, огранка драгоценных и полудрагоценных камней, например якутских «изумрудов» (хромдиопсидов) и аметистов может представлять интерес для туристов и рекреантов.

¹⁴¹ Сайт Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/min-ohrany-prirody.html> (дата обращения: 21.10.2014).

По состоянию на 01 января 2011 года на территории Республики Саха (Якутия) туристской деятельностью занимались 66 предприятий, в том числе 22 туроператора, вошедшие в Единый федеральный реестр туроператоров, 13 турагентов и 31 субъект малого и среднего предпринимательства, оказывающие туристские и экскурсионные услуги. Из них наиболее активно работают на въездной туризм: ЗАО «АЛРОСА-круизы», ОАО «ЛенаТурФлот», ООО «Турсервисцентр», ООО «Сахатур», ООО «Арктика», ООО «Арктик-Тревл», ОАО «Национальная туристская компания «Якутия» во взаимодействии в качестве консолидатора турпродукта с субъектами малого и среднего предпринимательства Республики Саха (Якутия), оказывающими услуги непосредственно на месте потребления турпродукта. Внутренние туры предлагают 65 % фирм. По данным 2010 года, 42 % турфирм работают в статусе турагента, треть — в статусе туроператора и менее четверти комбинируют обе формы деятельности — туроператора и туристического агента.

Рынок внутреннего туризма имеет сезонный характер. Первый массовый сезон роста потребительского спроса наблюдается в конце зимы — начале весны (пик приходится на конец марта). В это время резко возрастает рост продаж программ выходного дня в туробъектах, сосредоточенных в окрестностях Якутска и близлежащих улусах. Наиболее крупный туристский сезон на внутреннем рынке — лето, с пиком в июле-начале августа. В это время горожане в большинстве случаев приобретают круизные и другие программы, связанные с выездом на р. Лену и другие реки (сплавы)¹⁴².

Предлагаемые к продаже туристские программы не обеспечены устойчивым спросом в виду их дороговизны для массового потребителя. В результате этого наметилась явная тенденция к самостоятельному формированию тур продукта со стороны индивидуальных туристов и небольших групп (этому также способствовало улучшение доступа к информации с развитием сети Интернет). Однако, некоторые индивидуально-групповые туры высокой стоимости постепенно находят своего потребителя и внутри республики (это касается, прежде всего, рыболовных туров).

Внутренний рынок представлен потребителями республики — преимущественно жителями крупных городов. В последние годы наметилась тенденция увеличения спроса на туристский продукт республики со стороны российских туристов, представленных жителями крупных городов, таких как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Ново-

¹⁴² Стратегия развития туристской индустрии в Республике Саха (Якутия) до 2025 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/node/10813.html>. (дата обращения: 21.10.2014).

сибирск, Нижний Новгород. На сегодня устойчивый рынок потребления якутского турпродукта сосредоточен главным образом в Якутске¹⁴³.

В последние годы въездной туристский поток в Республику Саха (Якутия) характеризуется стабильным въездом иностранных граждан.

Статистический учет лишь по данным туристских фирм (статбюллетень «1-турфирма»), учитывая мировую тенденцию к организации путешествий и отдыха посредством интернет-технологий (электронные системы бронирования), не в полном объеме отражает туристский поток, что видно из показателей въезда иностранных граждан на территорию Республики Саха (Якутия) Управления Федеральной миграционной службы по Республике Саха (Якутия) и коллективных средств размещения¹⁴⁴.

В современной экономике Республики туризм пока не играет существенной роли.

Вклад туристической отрасли в валовый региональный продукт (ВРП), произведенный на территории республики — 185 млрд. рублей, в настоящее время также не велик — менее 0,1 %. Однако в расчете на одного работника производство ВРП составляет: в сфере туризма более 340 тыс. рублей, средний показатель по республике — 411 тыс. рублей. В среднем на каждого работника сферы туризма приходится 878 тыс. рублей выручки, что соответствует российским показателям.

За последние годы в динамике туристических потоков устойчивую тенденцию роста имеет выездной туризм, который в 2011 году достиг отметки 15 тыс. туристов выехавших за пределы республики.

Для республики в плане поступательного социально-экономического развития приоритет должен отдаваться въездному туризму, иначе говоря, туристская деятельность должна быть ориентирована на увеличение ВРП. В данном случае въездной туризм понимается, как посещение республики туристами из других регионов России и зарубежных стран. Наряду с этим большое значение имеет и развитие внутреннего туризма, понимая под этим туристические поездки жителей республики в пределах ее территории.

В 2011 году Якутию посетили 434 иностранных туристов, из них 1/3 часть были представителями стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

¹⁴³ Толстихин О.Н. К организации туризма на территории РС(Я) // Состояние и перспективы развития индустрии туризма в Республике Саха (Якутия): пути решения. Материалы научно-практической конференции (г. Якутск, 26–27 июня 2003 г.) Ред. изд. Отд. ГУ РИМЦ М-во по делам предпринимательства, развития туризма и занятости РС(Я). — Якутск, 2003.

¹⁴⁴ Государственная программа «Развитие внутреннего и въездного туризма на территории Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 годы». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/node/51854>. (дата обращения: 21.10.2014).

Азиатско-Тихоокеанский регион за последние годы показал рост туристических поездок в 25 %, а Северо-Восточная Азия зафиксировала самый быстрый рост в 30 %. Учитывая, что туристическая активность в ближайшем окружении сопредельных стран растет наиболее высокими темпами, в перспективе туристический поток из этих стран будет наиболее привлекательным для республики. Туристические фирмы, занимающиеся въездным туризмом, приобрели опыт проведения туров на территории республики. За последние годы в рамках государственной политики поддержки туристской деятельности создан ряд туристических объектов, которые, с одной стороны, создают благоприятную среду и привлекают большое количество туристов, с другой, стимулируют частные туристические компании на инвестиции и развитие собственных баз для туристской деятельности. Республика вызывает все больший интерес как в среде российских, так и зарубежных любителей туризма, но зачастую он принимает стихийный характер в виде посещений самоорганизованных туристов.

Современное состояние и уровень развития туристической отрасли в республике обусловлены рядом проблем, которые предстоит преодолеть в предстоящей перспективе:

1. Удаленность и транспортная труднодоступность якутского туристического рынка для туристов из регионов и стран, генерирующих туристические потоки.

2. Слабая материально-техническая база туристской индустрии: гостиничное хозяйство, ресторанное хозяйство и система общественного питания на маршрутах.

3. Неразвитость инфраструктуры для осуществления полномасштабной туристской деятельности на наиболее интересных и привлекательных направлениях (транспорт, автодороги, аэродромная сеть, речные пути и береговое хозяйство, авиационная техника, автобусы, речные суда, связь, энергообеспечение мест отдыха).

4. Отсутствие широкого выбора туристских продуктов, привлекательных для российских и зарубежных туристов.

5. Недостаток профессионально подготовленных кадров, как непосредственно для туристской деятельности, так и в сфере обеспечивающих отраслей.

6. Неразвитость сопутствующих туризму сфер производства и услуг, производства сувениров и прочей туристической продукции, низкое качество предоставляемых услуг.

В республике сделаны определенные заделы для развития туристской отрасли в плане развития гостиничного хозяйства, обустройства объектов и мест, имеющих туристическую привлекательность. В том числе приняты:

Закон республики Саха (Якутия) о туристской деятельности в республике Саха (Якутия) от 15.12.2009 3 № 444-IV, Государственная программа: «Развитие внутреннего и въездного туризма на территории Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 годы», Стратегия развития туристской индустрии в Республике Саха (Якутия) до 2025 года.

Стратегия развития туризма нацелена на формирование отрасли, отвечающей требованиям и понятиям индустриального туризма, разработана Концепция создания особой экономической зоны туристско-рекреационного типа в Республике Саха (Якутия) представляющей систему взглядов на содержание, принципы и основные направления формирования особой экономической зоны, как одного из важнейших элементов стратегии развития туристской индустрии республики. с учетом направлений и задач социально-экономического развития, намеченных Схемой комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия).

Это означает высокий уровень подготовки туристских продуктов, развитую инфраструктуру, включающую хорошо организованный транспорт, связь, гостиничное хозяйство, организацию качественной системы питания и источников продовольственных ресурсов, хорошую информационную доступность, высокий уровень культуры обслуживания на маршрутах и в местах отдыха, обеспечивающих полную безопасность, полезность и комфортность пребывания в республике. Однако имеющийся задел в формировании материальной базы далеко недостаточен для осуществления массового туризма.

Тем не менее, существующие рекреационные ресурсы и проектируемые туристические продукты Якутии в полной мере соответствуют приведенным выше запросам современных путешественников. Республика Саха (Якутия) располагает объективными факторами для удовлетворения запросов потенциальных туристов путем развития следующих видов:

1. Активного туризма, включающего горный туризм, велотуры, сплавы по горным рекам, основанные на особенностях природно-климатических и ландшафтных условий, большом количестве малых рек, что дает широкие возможности для обустройства лыжных, сплавных, пешеходных и других видов маршрутов.

2. Крузный туризм наиболее развитый сегодня вид деятельности в перспективе должен быть расширен за счет подготовки новых маршрутов и речного крузного флота.

3. Экологический и спортивный туризм привлекателен малонаселенностью, богатыми водными ресурсами и сравнительно низким уровнем развития промышленности, благополучием общего состояния флоры и фауны.

4. Этнографический туризм может заинтересовать наличием на территории Якутии национальных поселений, в которых сохранились носители обрядов, обычаев и традиционных верований коренных народов Севера, краеведческих музеев с большим и разнообразным объемом этнического материала.

5. Социальный туризм это социально-ориентированная сфера туризма, включающая самостоятельный, оздоровительный, детско-юношеский виды, которая является эффективным средством физического оздоровления, активного отдыха, нравственного и патриотического воспитания и развития человека.

6. Один из развивающихся направлений туризма — сельскохозяйственный. Любителей этого вида туризма может интересовать история хозяйственного освоения, земледелия и животноводства на территории Якутии, в зоне рискованного земледелия, особенности жизнедеятельности коренного населения в экстремальных условиях, создание агроэко-деревень вокруг городских поселений.

7. Для любителей научного и познавательного туризма очень широк круг интересов от большого разнообразия животного и растительного мира, наличия уникальных и редких видов представителей живой природы, мест захоронений мамонта, стоянки древнего человека, до наличия обширной зоны вечной мерзлоты и нехоженых и неизученных еще природных уголков на обширной территории Якутии. Кроме того уже апробированы и действуют маршрут «Полюс Холода», алмазные и золотые туры, Музей Мамонта, Музей палеонтологии и этнографии, Сокровищница Якутии.

8. Оздоровительный, для желающих получить качественные медицинские услуги с использованием потенциала Национального Центра медицины РС(Я).

В последние годы наблюдается тенденция увеличения доли внутреннего туризма. Большинство внутренних туристов представляют сегмент пользователей круизного туризма или относятся к самостоятельному туризму. Однако на этом направлении имеются сдерживающие факторы. Большинство культурных и природных достопримечательностей республики остается вне сферы туризма, вследствие труднодоступности, неподготовленности качественных туристических продуктов. Практически не используется для развития туризма рекреационные возможности особо охраняемых территорий республики: — «Олекминский», «Усть-Ленский» заповедники, природные парки «Аан Айылгы»: «Ленские Столбы», «Момский», «Сиинэ», «Усть-Вилуйский», «Колыма» и «Живые алмазы Якутии», 26 уникальных озер, 54 памятника природы «Айылга Мэнэлэрэ».

Ограниченный ассортимент туристских продуктов в республике ведет к увеличению нагрузки на уже действующие объекты. К примеру, спортивная рыбалка уже не столь продуктивна вблизи существующих туристических и районных центров, а в удаленных местах (реки Ундюлонг, Дянышка, Лямпушка и Муна), этот весьма привлекательный вид въездного туризма, из-за высоких транспортных затрат, не доступен для широкого круга туристов. Для обеспечения неистощимого природопользования в процессе туристской деятельности и создания туристской индустрии необходимы организационная и правовая среда, а также наличие квалифицированного персонала, системы туристского образования.

Одной из актуальных задач является формирование имиджа Якутии как туристского региона, как северного региона обладающего уникальными туристскими услугами, создание положительной репутации. Для этого необходимо создание налаженной, продуманной и хорошо организованной маркетинговой системы продвижения и сбыта туристских услуг потребителю. На данном направлении сделаны начальные шаги по продвижению туристских маршрутов республики на международных туристских выставках «МИТТ» (Москва), «ITB» (Германия), «MITF» (Москва), «JATA-WTF» (Япония), «CITM» (Китай), «KOTFA» (Южная Корея).

Состояние туризма, туристской деятельности и обеспечивающей ее инфраструктуры, необходимость преодоления накопившихся проблем требуют активного проведения единой государственной политики в сфере туризма в Республике Саха (Якутия), предусматривающей формирование туристской индустрии как комплекса связанных отраслей хозяйства.

Центральная Якутия – территория охватывающая среднее течение р. Лены, средние и нижние течения р. Вилуй и Алдан, Лено-Вилуйского и Лено-Алданского междуречные пространства, расположенная между 60 на юге и 64 с. ш. на севере. Она лежит в пределах древней Сибирской платформы и занимает восточную часть Лено-Енисейской плиты. По сравнению с другими районами Центральная Якутия является одним из заозерных районов, что объясняется невысокими гипсометрическим положением, малой дренированностью территории и небольшим поверхностным стоком. Большинство озер расположено на террасах р. Лены, в низовьях р. Алдана¹⁴⁵.

Характеристика имеющихся в Мегино – Кангаласском районе туристских ресурсов. Географические данные. Мегино-Кангаласский район РС (Я) образован 16 февраля 1930 года, и является одним из райо-

¹⁴⁵ Сайт Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/min-ohrany-prirody.html> (дата обращения: 21.10.2014).

нов входящих в Центральную Якутию. Территория района составляет 11,7 тыс. кв. км. Численность населения — 34,5 тысяч человек. Районный центр — пос. Нижний Бестях с населением около 5 тыс. человек. Всего населенных пунктов — 40. Расстояние от г. Якутска до районного центра 48 км. Рельеф равнинный, основная часть территории занимает центрально-якутскую равнину, на юге — Приленское плато. По западной границе района протянуты долинно-пойменные комплексы реки Лены. Долины рек Сола, Тамма и Мыла, многочисленные озеро-аласные системы термокарстового происхождения являются отличительной чертой ландшафта по сравнению с другими регионами Якутии.

Район входит в зону среднетаежных лиственных, местами сосновых лесов. Многочисленные аласы представляют собой неглубокие понижения, образовавшиеся в результате вытаивания льда. Аласы издревле были местами обитания якутов-скотоводов и использовались как сенокосные угодья и пастбища. На территории района развито выращивание большинства сельскохозяйственных культур, содержится самое большое в республике поголовье крупного рогатого скота и лошадей. Основным занятием жителей района является сельское хозяйство.

Климат. Рассматриваемый географический район характеризуется суровыми природно-климатическими условиями. Особенности климата выражаются не только абсолютными величинами низких температур, но, главным образом резкой его континентальностью, длительностью холодного периода. Самая низкая температура достигает -64°C , самая высокая $+38^{\circ}\text{C}$. Среднегодовое количество осадков колеблется в пределах 200–250 мм в год¹⁴⁶.

Флора и фауна. На территории района обитают около 10 видов промысловых зверей: из копытных — лось, косуля; кабарга. В озерах обитают караси, ондатра которая сейчас является основным промысловым видом.

Распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) № 129 от 3 апреля 1995 года в районе создан заказник республиканского значения «Тамма». Заказник занимает южную часть территории района, граничащую с Кангаласским и Амгинскими улусами.

Указом Президента Республики Саха (Якутия) в состав особо охраняемых территорий вошли озера Тюнгюлю и Абалах, Озеро Абалах расположено на Лено-Амгинском междуречье в 115 км от Якутска. Гидрокарбонатные грязи озера имеют лечебные свойства. Особым почитанием в народе пользуются крупные озера: Тюнгюлю, УсунЭбэ, ОртоКель, Балыктах, Майа, Чуйа, Ытык-Кель, Хатылыма и другие.

¹⁴⁶ Сайт Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/min-ohrany-prirody.html> (дата обращения: 21.10.2014).

Памятники и памятные места. В последние годы были открыты многочисленные памятники каменного века. В 1978 году открыт опорный памятник Кулун-Атахской культуры. Еще сохранились памятники истории и архитектуры; в м. Куукуна – деревянная двухэтажная башня – амбар с бойницами (XIX в.). Широко известны башня Ивана Пономарева (деревянная), 1686–1687 гг. часовня в с. Павловск (XIX в.), Иннокентьевская церковь в с. Бүтөйдях (1829 г.). Сохранились материальные свидетельства жизни национального героя якутского народа Василия Манчары: юрта и усадьба, землянка, где скрывался Манчары. Имеются множество памятников и памятных мест, связанных с историей гражданской и Великой отечественной войн; в м. Танхалы – братская могила 42 партизан, расстрелянных белобандитами в 1922 году. В с. Суола находится дом, в котором жил Байкалов К.К. – участник трех революций, герой гражданской войны;

Могила Байкалова К.К. расположена в м. Улахан Сайылык Морукского наслега. О Герое Советского Союза Ф.К. Попове напоминают юрта, где он родился и жил, коновязь – сэргэ, поставленная им самим, памятник-бюст работы скульптора П.А. Захарова.

Таким образом, Мегино-Кангаласский район имеет все природные и культурные ресурсы, необходимые для развития туризма¹⁴⁷.

Анализ туристских объектов, имеющих в Мегино-Кангаласском районе.

В улусе в данное время нет организаций, занимающихся туристской деятельностью. В свое время пионерами туризма в Республике были комплекс «Манньыаттаах», государственный заказник «Тамма», и культурно-этнографический комплекс «Сото», которые организовал и продвигал один из первых энтузиастов и организаторов туризма Атласов Василий. Но по разным обстоятельствам, тогда это направление не получило дальнейшего развития, хотя то что сейчас повсеместно развивается в виде предоставления услуг в весенний период было заложено в то время.

На базе центра досуга создается комплекс «Байанай» по возрождению культурного наследия в небольшом поселке Хатылыма, который находится на 70 км от п. Нижний Бестях. Основная деятельность связана с реализацией социальных заказов туристов и направлена на обеспечение культурного досуга с организацией рыбалки и охоты, используя при этом традиционные орудия и методы, походы в лес за грибами и ягодами под руководством специалистов комплекса и направлена на сохранение и рациональное использование природных ресурсов.

¹⁴⁷ Концепция создания особой экономической зоны туристско-рекреационного типа в Республике Саха (Якутия).

По инициативе местной администрации в поселке Кердуген в 60 км от Нижнего Бестяха создан мемориальный музей «Народного артиста СССР В.В. Местникова.» Музей расположен на территории дачных участков деятелей культуры и искусства республики. Кроме того, в 3 км от поселка на берегу р. Лена в местности «Красный Маяк» планируется строительство туристской базы. Особенность маршрута заключается в том, что до «Красного Маяка» можно добраться как сухопутным, так и водным путем.

Организация туристско-рекреационного комплекса на примере МО «Мегино-Кангаласского улуса». Туристическая зона может иметь два основных акцента — экологический и этнический.

Экологический акцент комплекса закладывается в следующих элементах:

- максимальное сочетание туристического комплекса с естественным природным ландшафтом территории, ботанический сад, в котором могут быть представлены растения эндемики и редкие растения;

- при возведении зданий и помещений использование натуральных строительных материалов (преимущественно деловая древесина местного производства);

- организация работы специализированного эколого-безопасного пассажирского транспорта с предусмотрением отдельных велосипедных и пешеходных дорожек;

- для организации питания туристов использование экологически чистых продуктов, произведенных на территории района, в том числе дикоросов

- безопасная организация процесса утилизации ЖБО и ТБО.

Этнический акцент комплекса.

Главный акцент здесь делается на архитектурные и дизайнерские решения комплекса и разнообразные услуги по этно и агро-туризму, вовлечение в туристический оборот исторических и религиозных ресурсов района.

Этническая составляющая может быть отражена и в кухне комплекса, которые помимо прочего должна использовать сезонные продукты (строганину, дичь по сезону и дикоросы).

Территория комплекса может быть в виде небольшой этнографической 2 деревни, в которой гости смогут познакомиться с традициями и особенностями жизненного уклада якутов, с технологиями выращивания и ухода за традиционными домашними животными, приготовления блюд национальной кухни, изготовления предметов домашнего обихода и сувениров. Турист, прибывающий на отдых получает доступ к современным оздоровительным услугам, а также возможность познакомиться с самобытной культурой народа.

Туристический поток могут составлять:

– посетители, приезжающие целенаправленно на целебные источники с оздоровительными целями (приезжают на длительный срок до 14 дней) (26 %)

– традиционные туристы (кратко и среднесрочное пребывание), прибывающие с целью ознакомления с достопримечательностями Республики Саха (Якутия) в индивидуальном и групповом порядке (33 %)

– приезжающие на семейный отдых с детьми и использующие целебные свойства источников озера Ытык – Кюёль в профилактических целях (32 %)

– туристы, охотники-любители (приезжают на кратко и среднесрочный отдых от 3-х до 5-ти дней) (9 %).

Для реализации данного проекта необходимы достаточно серьезные как финансовые, так и материальные вложения учитывающие структуру себестоимости туристического продукта. Строительство внутренней автомобильной дороги, ЛЭП, мини-сортировочного цеха по первичной сортировке и прессованию мусора, коммунальное обустройство территории, строительство сети пешеходных, вело и конных троп – все это ляжет на себестоимость продукции, что приведет к удорожанию услуги.

При этом необходимо учитывать, что объем потребности в календарном году варьируется весьма сильно, как по сезонам, так и в зависимости от получения зарплаты и пенсий.

Для получения экономической выгоды, необходимо использование комплекса в течение всего года, для чего услуги должны предоставляться разнообразные и по всем четырем сезонам.

В летне-осенний период сбор и переработка дикоросов на сегодняшний день является приоритетным интересом населения. Наша республика богата дикоросами. Однако ресурсный потенциал используется незначительно.

Не все жители имеют транспорт и условия для самостоятельного сбора грибов и ягод и в этом плане услуги по формированию группы любителей сбора дикоросов вполне вписываются в планы этого рекреационно-туристического комплекса. В данном случае, решаются вопросы эстетического, культурного, познавательного и восстановительного характера для конкретного человека. К тому же, участники подобного похода пополняют запасы экологически чистой витаминной продукции на долгий зимний период. Таким образом, на территории туристического комплекса планируется организация сбора дикорастущих ягод по мере вызревания (земляника, красная и черная смородина, голубика, брусника) грибов и сбор полезных трав.

В перспективных планах можно рассматривать вопрос о заготовке пищевых недревесных продуктов леса, углубленной переработке

и производстве пищевой продукции на основе дикоросов на собственной производственной базе, производство полуфабрикатов из дикорастущего сырья для пищевой промышленности, доставка производимой продукции по торговым точкам г. Якутск и близ лежащих районов РС (Я), сбор и переработка лекарственно-технического сырья.

Также в летний период Экологический летний лагерь очень актуален.

Организуется он на базе общеобразовательных учреждений Мегино-Кангалаского улуса. Экологическое воспитание в условиях летних лагерей является одной из наиболее эффективных форм, так как способствует освоению социализации и реализации школьников за счет включения их в конкретно значимую природоохранную деятельность.

Целью экологического лагеря является формирование личности, способной правильно оценивать ситуации в окружающей среде, принимать адекватное решение и активно участвовать в охране природы.

Экологический лагерь предполагает подготовительный этап (теоретический) и основной период (образовательно-оздоровительный).

Для создания в лагере экологической атмосферы гармоничного существования с природой и друг с другом составляются специальные программы по оздоровлению, созданию условий для социального становления личности ребенка, осознания себя как часть природы и общества.

В зимне-осенне-весенний период лыжный отдых в России, на протяжении многих лет является одним из самых популярных активных видов отдыха. На сегодняшний день он перерос в настоящую культуру, развиваясь в другие виды активного отдыха. На российском севере, есть туры такого рода, которые не требуют высококвалифицированной поддержки, опытных сопровождающих, а также определенный уровень подготовки самих участников.

В связи с этим, на территории комплекса возможна постройка места отдыха для охотников а так же для любителей спортивного отдыха. Ходьба на лыжах доступна людям любого возраста. Это прекрасное средство отдыха. Существенно и образовательное значение лыжного спорта во время экскурсии с инструктором. В процессе занятий лыжник приобретает новые знания, умения и навыки, связанные с техникой передвижения на лыжах, закономерностями тренировки, гигиеной и т.д. В туристическом комплексе предусматривается прокат зимнего снаряжения, формирование групп по возрастной категории, привлечение инструкторов.

Охота и рыболовство — это *всесезонный вид отдыха*. Основным направлением деятельности рекреационно-туристического комплекса является предоставление услуг по организации охоты на медведя, лося и водоплавающую дичь в труднодоступной тайге в соответствии

с разрешительными документами, туры по спортивной и любительской рыбалке на таежных озерах, обеспечение полного комплекса услуг для «дикого» отдыха: собственные базы, специальная техника, снаряжения и профессионально подготовленный коллектив, организация любого интересующего маршрута по индивидуальной программе, организация и проведение межрегиональных соревнований по спортивной ловле рыб на спиннинг.

Для сохранения равновесия и соблюдения экологических закономерностей при организации такого вида отдыха необходимо учитывать численность животных и птиц на данной территории.

Учитывая актуальность и значимость развития туристско-рекреационных форм хозяйствования и природопользования, обозначенных в Программе «Развитие внутреннего и въездного туризма на территории Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 годы». В работе был сделан приоритет в изучении природных условий и предпосылок для развития рекреационного туризма в Мегино-Кангаласском районе.

Потребителями услуг комплекса будет в основном, местное население, нацеленное на познавательный, экстремальный, оздоровительный, охотничий и научный туризм.

Образованного, культурного человека можно узнать не только по начитанности, но широте взглядов. Современный профессионал должен иметь представления о собственной национальной культуре, истории не меньше, чем о мировой сокровищнице. Только знающий и любящий свою национальную культуру человек может также любить и уважать культуру других стран и народов. Подготовка квалифицированных кадров в области туризма – насущная проблема современной экономики Республики Саха (Якутия).

Туризм в Якутии, в нынешних условиях должен быть одним из ведущих отраслей, дающей материальную заинтересованность местным жителям и помогающей сохранить культуру северных народов, природу, и стабильный уровень жизни в сельских местностях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ануфриев Е.А.* Социологический образ жизни: методология и методические вопросы. — М., 1980.
2. *Аристотель.* Никомахова этика // Соч.: В 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984.
3. *Балабанов И.Т., Балабанова А.И.* Экономика туризма: Учеб. пособие — М.: Финансы и статистика, 2002.
4. *Бердяев Н.А.* О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). — Париж, 1931.
5. *Биофилософия.* — М.: ИФРАН, 1997.
6. *Боги, брахманы, люди.* Четыре тысячи лет индуизма. — М.: Наука, 1969.
7. *Бодалев А.А.* Личность и общение: Избранные психологические труды. — М., 1995.
8. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. — М.: просвещение, 1968.
9. *Браже Т.Г.* Интеграция предметов в современной школе // Литература в школе. 1996. — № 5. — С. 150-154.
10. *Буровский А.М.* Концепция ноосферы В.И. Вернадского и создание новой школы // Педагогика. — 1999. — № 6. — С. 5.
11. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. — М.: Наука, 1970.
12. *Верещагин Н.К.* Раскопки мамонтова кладбища на р. Берелёх // Вестник АН СССР. — 1971. — № 8.. — С. 85-93. Верещагин Н.К., Мочанов Ю.А. Самые северные в мире следы верхнего палеолита (Берелёхское местонахождение в низовьях р. Индигирки) // Советская археология. — 1971. — № 3. — С. 85-92
13. *Гаврилова М.К.* Климат Центральной Якутии. — Якутск, 1962.
14. *Гусейнов А.А.* Великие моралисты. — М.: Республика, 1995.
15. *Данилюк А.А.* Метаморфозы и перспективы интеграции в образовании // Педагогика. — 1998. — № 2. — С. 8-12.
16. *Дарвин Ч.* Происхождение жизни и половой отбор. — СПб.: Наука, 1995.
17. *Дробницкий О.Г.* Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р.Г. Апресян. — М.: Гардарики, 2002.
18. *Жабицкая Л.Г.* Восприятие художественной литературы и личность: Литературное развитие в юности. — Кишинев. 1974.

-
19. *Зорин И.В., Квартальнов В.А.* Туристика: Монография. — М.: Советский спорт, 2001.
20. *Новиков Л.И.* Педагогические идеи И.А. Ильина // Опыт современного прочтения // Педагогика. — № 10. — 2001. — С. 63.
21. *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде: Сумерки богов. — М., 1990.
22. *Кант И.* Королю — Фридриху-Вильгельму II (черновик) // *Кант И.* Тракаты и письма. — М.: Мысль, 1980.
23. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Соч.: В 6 тт. Т. 4. Ч. 1. — М.: Мысль, 1965.
24. *Кистенев С.П.* Отчет о работе Второго отряда Приленской археологической экспедиции в полевой сезон 1981 года. — Якутск, 1983. — 19 с. (рукопись).
25. *Козлов В.Н., Филиппович Л.С., Чалая И.П.* и др. Рекреационные ресурсы СССР: Проблемы рационального использования. — М.: Наука, 1990.
26. *Ковалев С.А.* География и туризм. — М.: Мысль, 1973.
27. *Комшина И.И.* Вертикальный тематизм // Искусство в школе. — 1997. — № 2, 4. — С. 20-24.
28. *Кон И.С.* Введение в сексологию. Гл. 3. — М., 1988.
29. *Кон И.С.* Психология старшеклассника: пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1980.
30. *Концепция* создания особой экономической зоны туристско-рекреационного типа в Республике Саха (Якутия).
31. *Кравцов И.Е.* Пролетарский интернационализм. Отечество и патриотизм. — Киев: Наукова думка, 1965.
32. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь, как фактор эволюции. — СПб.: Изд. Тов-ва «Знание», 1907.
33. *Ксенофонов Г.В.* Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. — Якутск: Бичик, 2004.
34. *Кэмпбелл Д.Т.* Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: Эволюционный аспект // Психологические механизмы регуляции социального поведения. — М., Наука, 1979.
35. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1985.
36. *Лоренц К.* Врожденный запрет на братоубийство // Лит. Газета. 1974. 16 янв.
37. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. — М., 1969.
38. *Мальковская Т.И.* Воспитание социальной активности старших школьников. — Л.: Изд-во ЛГПИ, 1973.

-
39. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
40. *Маслоу А.* Мотивация и личность. — М., 1954.
41. *Мищенко Л.И.* Патриотическое воспитание младших школьников: Дисс. канд. пед. наук. — М., 1982.
42. *Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1977.
43. *Никифорова О.И.* Психология восприятия художественной литературы. — М., 1972.
44. *Новак Я.А.* Социобиология и принцип социогенеза с точки зрения биологии и философии // Пути интеграции биологического и социогуманитарного знания. — М.: Наука, 1984.
45. *Овидий.* Метаморфозы. — Л.: Госполитиздат, 1938.
46. *Окладников А.П.* История Якутской АССР. — М.: Л., 1955.
47. *Окладников А.П., Береговая Н.А.* Древние поселения Баранова мыса. — Новосибирск: Наука, 1971.
48. *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — Ч. III. (Глазковское время). — М.: Л., 1955.
49. *Окладников А.П., Гурвич И.С.* Древние поселения в дельте р. Индигирки // Краткие сообщения Института этнографии. — Вып. XXVII. — М., 1957.
50. *Педагогика школы* // под ред. С.Е. Матушкина. — Челябинск: УГПИ, 1974.
51. *Платон* Сочинения: В 3 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1968.
52. *Плюшкин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.
53. *Пономаренко В.А.* Гуманизация школы и идея вселенского сознания // Педагогика. -1994. — № 3. — С. 25.
54. *Пудов А.Г.* Ключевые парадигмы кодирования социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2011.
55. *Пудов А.Г.* Символическая онтологизация сознания как основа конструирования этноса на этапе этногенеза // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 7 (73).
56. *Пудов А.Г.* Современные угрозы антимодернизации и качество символического сознания // Культура мира на современном этапе: материалы Республиканской научно-практической конференции (Уфа, 28 апреля 2011 г.). — Уфа: Вагант, 2011.

-
57. *Пудов А.Г.* Эстетика символического в эпоху транзитивной социальной реальности / А.Г. Пудов. — Якутск: РИО медиа-холдинга, 2014.
58. *Радугин А.А.* Гуманизм как целостная основа решения. — М.: Изд-во «Центр», 1997.
59. *Рьюз М., Уилсон Э.* Дарвинизм и этика // Вопросы философии. 1987. № 1. — С. 108.
60. *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм — это гуманность? Сумерки богов. — М.: Изд-во полит. Литературы, 1990.
61. *Сорокин П.* Система социологии. Том I: Социальная аналитика. Часть 1: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. — Пг.: Изд-во тов-ва «Колос», 1920.
62. *Спенсер Г.* Социальная статика: Изложение социальных законов, об-уславливающих счастье человечества. — СПб.: Изд. Врублеского В., 1906.
63. *Старостин В.П.* Сострадание как социально-нравственный феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 19 (45): Аспирантские тетради: Научный журнал. — СПб.: Книжный Дом, 2007. — С. 260-264.
64. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука. 2003.
65. Толстихин О.Н. К организации туризма на территории РС(Я) // Состояние и перспективы развития индустрии туризма в Республике Саха (Якутия): пути решения. Материалы научно-практической конференции (г. Якутск, 26-27 июня 2003 г.) Ред.-изд. Отд. ГУ РИМЦ М-во по делам предпринимательства, развития туризма и занятости РС (Я). — Якутск, 2003.
66. *Харламов И.Ф.* Педагогика: учеб. Пособие. 2-е издание. — М.: Высшая школа. — 1990.
67. *Хорни К.* Неофрейдизм: философский словарь. — М.: Просвещение, 1995.
68. *Храбовченко В.В.* Экологический туризм: Учеб.- метод. пособие. — М.: Финансы и статистика, 2003.
69. *Хрестоматия по психологии* / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Джан. — М.: Изд-во МГУ, 1980.
70. *Федосеева С.А.* Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980.
71. *Финберг Э.* Средство как смысл: рациональность и действие в критической теории технологии // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVIII. № 2.
72. *Флюссер В.* За философию фотографии / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.

-
73. *Эверстов С.И.* Глиняные сосуды ымыяхтахцев Нижней Индигирки // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 113-117.
74. *Эверстов С.И.* Древние памятники культуры Нижней Индигирки (по материалам исследований двух последних десятилетий) // Циркумпольная культура: Памятники культуры народов Севера (Материалы научно-практической конференции в апреле 2000 года). — Якутск, 2000. — С. 42-47.
75. *Эверстов С.И.* Изображение на бересте и этническая идентификация ымыяхтахских памятников Индигирки (в свете новых археологических открытий) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. — Новосибирск: Наука, 1999. — С. 54-64.
76. *Эверстов С.И.* Наскальные рисунки Сутуруохи — новый археологический памятник на Индигирке // Вопросы истории, языка, литературы. — Якутск, 1980. — С. 3-8.
77. *Эверстов С.И.* Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // Новое в археологии Якутии. — Якутск, 1980. — С. 66-74.
78. *Эверстов С.И.* Отчет о работе Нижне-Индигирского отряда Приленской археологической экспедиции в полевом сезоне 1978 года. — Якутск, 1979. — 41 с. (рукопись).
79. *Эверстов С.И.* Отчет о работе Нижне-Индигирской группы Северного отряда Приленской археологической экспедиции в полевом сезоне 1989 года. — Якутск, 1990. — 54 с. (рукопись).
80. *Эверстов С.И.* Отчет о работе Нижне-Индигирской группы Северного отряда Приленской археологической экспедиции в полевом сезоне 1990 года. — Якутск, 1992. — 85 с. (рукопись).
81. *Эверстов С.И.* Рубящие каменные орудия Нижней Индигирки // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 117-125.
82. *Эверстов С.И.* Сугуннаах — новая стоянка ымыяхтахской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. — Новосибирск: наука, 1999. — С. 40-54.
83. *Эверстов С.И.* (совместно с В.А. Кашиным). Отчет о работе археологического отряда Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 1993 года. — Якутск, 1994. — 68 с. (рукопись).
84. *Эверстов С.И.* (совместно с Кашиным В.А.). Отчет о работе археологического отряда Института проблем малочисленных народов Севера в полевом сезоне 1994 года. — Якутск, 1995. — 53 с. (рукопись).
85. *Эспинас А.* Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. — СПб.: Тип. Д-ра М.А. Хана, 1882.

-
86. *Этика*: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2001.
87. *Якобсон П.М.* Эмоциональная жизнь школьника. — М.: Просвещение, 1966.
88. Trivers R.I. The Evolution of Reciprocal Altruism // SBD. -P. 213-226.

Электронный ресурс:

1. Государственная программа «Развитие внутреннего и въездного туризма на территории Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 годы». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/node/51854>. (дата обращения: 21.10.2014).
2. Сайт Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/min-ohrany-prirody.html> (дата обращения: 21.10.2014).
3. Стратегия развития туристской индустрии в Республике Саха (Якутия) до 2025 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sakha.gov.ru/node/10813.html>. (дата обращения: 21.10.2014).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Часть 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	6
Часть 2. МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВСТВЕННОСТИ	22
Часть 3. ЭСТЕТИКА СИМВОЛИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОСТИ НАРОДА САХА	39
Часть 4. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР НИЖНЕЙ ИНДИГИРКИ	50
Часть 5. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	74
Часть 6. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКРЕАЦИОННОГО ТУРИЗМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ МЕСТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ	87
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	107

Научное издание

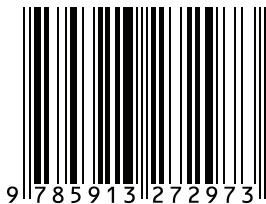
Жондоров Петр Николаевич
Лотова Надежда Константиновна
Пудов Алексей Григорьевич
Старостин Владимир Петрович
Эверстов Степан Ильич
Васильева Галина Софроновна

ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

Книга 1

Монография

Под общей редакцией В.П. Старостина

Компьютерный набор, корректура
и форматирование автора
Технический редактор Кулакова Г.А.
Подписано в печать 20.11.2014
Бумага офсетная.
Гарнитура NewtonC
Формат 60×84 1/16
Печать трафаретная. Печ. л. 7,13.
Тираж 500 экз. Заказ № 040-14.

Отпечатано в типографии ИД «Академия Естествознания»,
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 3